

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2020

№ 3

Москва
2020

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Moscow Information and Technology University – Moscow Architecture and Construction Institute REVIEW

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 3 / 2020

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Издатель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Адрес редакции:

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 32, корп. 11

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

E-mail: Semenova.D@mfua.ru,
Bessarabova.N@mfua.ru

Журнал распространяется
через каталог НТИ

ОАО «Агентство «Роспечать»
(индекс 66012)

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 3679

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
ректор Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Редакционная коллегия:

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова
доктор филологических наук, доцент Е.Ю. Раскина
кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова
кандидат архитектуры, доцент Л.В. Петрова
кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин
кандидат педагогических наук, доцент С.В. Жундрикова
кандидат педагогических наук Н.В. Поповицкая
кандидат педагогических наук Д.В. Самодранова
кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова
кандидат психологических наук, доцент Т.В. Костяк
кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко
кандидат технических наук, доцент Н.Н. Гудкова
кандидат технических наук, профессор А.А. Шрейбер
кандидат экономических наук, доцент С.А. Забелина
кандидат экономических наук И.В. Линев
Почетный член академии Художеств РФ В.Д. Бедоев

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент
Н.В. Бессарабова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135
E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, 2020

Contents

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

<i>Е.А. Орлов</i> Архитектурная матрица будущего.....	5
--	---

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>В.В. Оразбекова</i> Контент-анализ «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя.....	14
<i>Инь Сяо</i> Коммуникативные интонации в китайском языке	19
<i>Е.А. Стародубцева</i> Анализ особенностей синхронного перевода научных дискуссий.....	28
<i>А.А. Кучмина</i> Особенности перевода комических текстов (на материале рассказов М. Твена).....	36
<i>А.А. Холодова, С.В. Левичева</i> Особенности передачи англоязычных реалий средствами русского языка (на примере романа Дж. Барнса «Попугай Флобера»).....	42
<i>А.С. Скопинцева</i> Трудности перевода заголовков английской и американской прессы.....	46

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Р.Е. Барабанов, А.А. Блохина</i> Конформность: классические эксперименты и современное осмысление	53
<i>А.В. Спиридонов, Л.Н. Бенелли</i> Эмпирическое исследование межличностных отношений между родителями в семьях с незапланированными детьми.....	56
<i>Д.И. Чистовский, Р.Е. Барабанов</i> Взаимосвязь символов, гражданской идентичности и патриотического воспитания.....	62
<i>Т.С. Чернецова, О.В. Афанасьева</i> Суть метода наблюдения в психолого-педагогических исследованиях	65

ПЕДАГОГИКА

<i>А.О. Привальская</i> Современные методы и приемы преподавания русского языка в учреждениях среднего профессионального образования.....	75
<i>Д.Ю. Арсентьев</i> Использование лингвистических корпусов в обучении иностранным языкам	82
<i>Приглашение к публикации</i>	87

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

<i>E.A. Orlov</i> Architectural matrix of the future.....	5
--	---

LINGUISTICS

<i>V.V. Orazbekova</i> Content-analysis of «Petersburg novels» N.V. Gogol	14
<i>Yin Xiao</i> Communicative intonation in Chinese	19
<i>E.A. Starodubtseva</i> Analysis of the characteristics of simultaneous interpreting of scientific discussion	28
<i>A.A. Kuchmina</i> Peculiarities of translation of comic texts (based on Mark Twain's stories).....	36
<i>A.A. Kholodova, S.V. Levicheva</i> The specific of interpretation of culture-bound terms from English into Russian in the novel «Flaubert's Parrot» by Julian Barnes	42
<i>A.S. Skopintseva</i> British and American press headlines and difficulties of their translation	46

PSYCHOLOGY

<i>R.E. Barabanov, A.A. Blokhina</i> Conformity: classical experiments and modern understanding	53
<i>A.V. Spiridonov, L.N. Benelli</i> An empirical study of interpersonal relationships between parents in families with unplanned children.....	56
<i>D.I. Chistovsky, R.E. Barabanov</i> The relationship of symbols of national identity and Patriotic education	62
<i>T.S. Chernetsova, O.V. Afanasyeva</i> The observation method principles in psychological and pedagogical research.....	65

PEDAGOGY

<i>A.O. Privalskaya</i> The modern methods and techniques of teaching Russian in secondary vocational education institutions	75
<i>D.Yu. Arsenyev</i> The usage of linguistic corpora in teaching foreign languages	82
<i>The invitation to the publication</i>	87

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

УДК 72.01

АРХИТЕКТУРНАЯ МАТРИЦА БУДУЩЕГО

Е.А. Орлов

Аннотация. Автор анализирует классический образ Матрицы. Он выявляет ее главный принцип и соотносит его с феноменом современной архитектурной утопии. Автор определяет важную особенность новой методологии прогнозирования, в рамках которой архитектор стремится создать живые архитектурные миры, а не идеальную картинку. Тем самым, возникают виртуальные вселенные, по типу компьютерных игр, которые подрывают само понятие реальности. В финале автор вводит определение архитектурной матрицы и раскрывает ее миссию в прогнозировании XXI в.

Ключевые слова: утопия, игровое пространство, архитектурная матрица, прогнозирование, город будущего.

ARCHITECTURAL MATRIX OF THE FUTURE

Е.А. Orlov

Abstract. The author analyzes the classic image of the Matrix. The author reveals its basic principle and correlates it with the phenomenon of the modern architectural utopia. The author defines an important peculiarity of the new methodology of predicting, whereby an architect strives to create living architectural worlds, not a perfect picture. Thus, virtual universes emerge. They are similar to computer games that undermine the very concept of reality. In the end, the author introduces the idea of architectural matrix and reveals its mission in predicting the future.

Keywords: utopia, playing space, architectural matrix, predicting, city of the future.

Рейган со второго срока уже анимационный был. А Буш... Помнишь, когда он у вертолета стоял, у него от ветра зачес над лысиной все время вверх взлетал и дрожал так? Просто шедевр. Я считаю, в компьютерной графике рядом с этим ничего не стояло. Америка...

Виктор Пелевин «Generation П»

Матрица – (лат. matrix – «первопричина») это виртуальная реальность, существующая как иллюзия.

Главная идея Матрицы рассказывает о том, что наш мир лишь хорошо воссозданная иллюзия, которая скрывает от нас настоящую реальность. Для того, чтобы понять, что же

такое Матрица, нужно допустить мысль о нереальности окружающей вас действительности. Представьте, что вы сейчас спите и во сне видите другой сон. Или играете в компьютерную игру внутри другой компьютерной игры, которая, в свою очередь, находится в третьей и так до бесконечности. Концепция Матрицы допускает гипотезу, что наш мир иллюзорен, а за его границами существуют другие игровые пространства. Такая концепция оказывает значительное влияние на современную методологию прогнозирования города будущего.

Первый образ Матрицы описал Пифагор, который представлял мир как иллюзию, возникшую в результате бесконечной комбинации чисел. Следующим, об иллюзорности окружающего мира рассуждал Платон. Для него материальны были только идеальные идеи, а остальные объекты существовали как тени. Схожей мысли придерживался Аристотель, лишь с поправкой на то, что идеальные идеи выражаются и в материальных объектах тоже. Образ иллюзорного мира присутствует в различных философских и религиозных течениях, например, в древней культуре Майя (Вечный Абсолют), индуизме (Брахмана), буддизме (Нирвана).

В 1641 г. Рене Декарт написал трактат «Размышления о первой философии», в котором впервые предложил провести мысленный эксперимент о «злом демоне». Злой демон или злонамеренный демон – это гипотетическое существо, которое постоянно вводит человека в заблуждение, уводя его в ложную реальность и наводя на заведомо неверные суждения о ней. Таким образом, Рене Декарт задается вопросом: если некий могущественный злой дух все время дурачит нас, предлагая нашим органам чувств иллюзии, – есть ли тогда что-то, в чем мы не можем усомниться? Другой мысленный эксперимент в 1974 г. описывает Роберт Нозик. Он предлагает представить гипотетически существующую «машину опыта», которая позволяет проживать внутри себя любую реальность. Допустим, изначально вы сами погрузились в такую машину и теперь, просто-напросто, этого не помните, находясь сейчас именно в ней. Исходя из этого, Роберт Нозик делает следующий вывод: вы не можете ни доказать, ни опровергнуть данное утверждение (единственное отличие идеи Нозика от классической Матрицы состоит в том, что он предлагал человеку время от времени «отключаться» от виртуальной иллюзии, например, раз в два года). Сегодня образ иллюзорной реальности приобретает совершенно другое значение в связи с появлением компьютерных технологий. Данная трактовка позволяет нам представить, что реальный мир на самом деле всего лишь компьютерная симуляция или Матрица.

Источниками вдохновения для создания классического образа Матрицы называют гностицизм, киберпанк, хакерскую субкультуру, художественный рассказ Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес», повесть Айзека Азимова «Профессия», роман Артура Кларка «Город и звезды», гонконгские боевики и даже японское аниме.

Если обратиться к современной художественной литературе и кинематографу, можно выделить следующие варианты Матрицы. Например, рассказ Евгения и Любви Лукиных «Государыня», где основная задача главного героя заключается в том, что он вторгается в мир чьих-либо грез и, причинив этому миру минимальный ущерб, приводит человека обратно – в реальную жизнь. Вот и сейчас женщину, возмнившую себя государыней, необходимо вернуть в реальность. Или роман Виктора Пелевина «t», где главный герой, некий Граф Т, вдруг понимает, что его реальность иллюзорна, а он, в один и тот же момент времени, является персонажем книги, которую пишет Лев Толстой, и непосредственно самим автором русской классики, находясь в Матрице-перевертыше.

Идея Матрицы также прослеживается и в кинематографе. Взять, к примеру, аниме «Паприка» (2006 г.): сюжет повествует о будущем, где можно вторгаться в чужие сновидения, создавая тем самым две параллельные реальности – психическую и физическую. Схожая концепция раскрывается в фильме «Начало» (2010 г.): тут создается как бы одна Матрица внутри другой, в снах главного героя. В кинополотне «Доктор Стрэндж» (2016 г.) существует

«зеркальное измерение», в котором стражник видит все линии будущего и может выбирать нужную из миллиона других. А в сериале в жанре черной комедии «Маньяк» (2018 г.) это средство для лечения грустных воспоминаний у людей; забавно, что сам компьютер страдает от неразделенной любви, и поэтому внутри виртуального мира начинают происходить очень странные вещи.

Самый яркий образ продемонстрирован в культовом фильме сестер Вачовски «Матрица» (1999 г.). В нем изображено будущее, в котором реальность, существующая для большинства людей, есть в действительности компьютерная симуляция, виртуальный сон или Матрица. В ней человек пребывает в идеальном мире (виртуальной утопии), где все его желания могут быть тут же воплощены в жизнь, – в то время как на самом деле, он заключен в «механическую капсулу», созданную злыми машинами. В этом мире «существуют целые поля, где люди даже не рождаются, их там выращивают», а энергию человеческих тел, выделяемую ими в процессе нахождения в виртуальной тюрьме, машины используют в качестве своего топлива. Главный персонаж фильма Морфиус считал человека всего лишь «батарейкой для машин»: где-то на «120 вольт плюс 6300 калорий тепла». В этом смысле, философ С. Жижек сравнивает Матрицу с механизмом, который позволяет машинам «питаться человеческими удовольствиями». Другую интерпретацию Матрицы дает Д. Ганн, он полагал, что машины подобно Богам со скуки всего лишь играют человеческими душами в своего рода «живые шахматы».

Идею Матрицы пытались описать многие философы, писатели, культурологи и архитекторы: «Матрица – это тест Роршаха для философов» (Славой Жижек); «Матрица – это современный миф» (Джеймс Л. Форд); «Матрица – это кандидатская диссертация о человеческом сознании, одетая в шкуру приключенческого боевика» (Ред Мерсер Шухард) [6].

Наиболее точно идея Матрицы была описана в платоновском мифе о Пещере. Согласно ему, прикованные на цепь в пещере люди видят окружающий их мир в пределах дозволенного. Надсмотрщики играют с ними злую шутку, проецируя тени фигурок зверей на стены пещеры. Узники, видя лишь черные двигающиеся пятна на плоскости, принимают их за настоящих животных. Вскоре надсмотрщики отпускают одного из узников на свободу, и тот понимает, что мир устроен совершенно иначе, а все люди находятся во власти воссозданной для них иллюзии. Он просит вернуть его обратно в пещеру, чтобы тут же рассказать своим сородичам об увиденном. Там он рассказывает другим узникам о том, что видимые ими «животные» на самом деле всего лишь отбрасываемые фигурками тени, но его поднимают на смех и не верят ни единому слову. Не напоминает ли Матрица в этом отношении «театр теней», который человек ошибочно принимает за свою реальность?

Одним из родоначальников концепции Матрицы считается философ Ж. Бодрийяр. Он выделял четыре основные фазы, этапы раскрытия возможностей Матрицы:

- она отражает реальность;
- она маскирует и искажает реальность;
- она маскирует отсутствие реальности;
- она вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде [1].

Для описания финального состояния Матрицы философ ввел идею «симулякра», который определил как «копию реальности, не имеющую своего оригинала». Таким образом, он располагает конструкцию «реальности» в пределах всемогущего симулякра и воплощает ее через три его, так называемых, «порядка». Первый порядок – это копия реальности, в которой находится игрок. Она проявляется для игрока в специфических бинарных оппозициях реальное/нереальное и истинное/ложное: то есть игрок видит некую границу, которая отделяет ком-

пьютерную игру от реального мира и, при желании, может в нее попасть. Идея «реальности» достигает своего апогея во втором порядке симулякров, когда игрок уже находится внутри компьютерной игры, в которой действия игрока понимаются им как предельные элементы самой реальности – то есть совершая любое действие внутри компьютерной игры, он, тем самым, все больше удостоверяется в том, что его мир неподделен. Однако, после этого «реальность», по мнению Бодрийера, полностью превращается в симуляцию и существует уже только в ней, подрывая любую возможность раскрытия существования компьютерной игры самим игроком, что бы тот ни делал. Этим определяется последний третий порядок симулякра. В конечном счете, симулякры становятся реальнее самой реальности, вследствие чего возникает «гиперреальность», то есть замкнутая на самой себе виртуальная среда, которая уже никак не соотносится с объективной действительностью. Другими словами, Матрица создает искусственный опыт восприятия окружающего мира, который со временем становится невозможно отличить от подлинной реальности, и, как следствие, подрывает само это понятие. Дело в том, что по сравнению с чем-то очевидно искусственным привычная среда всегда кажется нам более «настоящей» – в этом и заключается ловушка Матрицы. Любую попытку помыслить действительность, как искусственную симуляцию или Матрицу, можно легко опровергнуть. Например, можно объяснить найденное вами несоответствие в окружающем вас мире как один из законов индивидуальной вселенной, в которой вы сейчас находитесь. Таким образом, пребывая в Матрице, вам остается только решать самому – в ней вы сейчас или же нет. Однако, оба варианта ответа будут изначально верны. Возможно ли в таком случае достигнуть «края компьютерной вселенной» и выбраться из нее? По мнению автора, такая постановка вопроса в корне неверна, и следует ставить вопрос иначе – нужно ли вообще отличать настоящую реальность от виртуальной иллюзии?

Одно из главных свойств Матрицы – это способность маскировать отсутствие настоящей реальности. Избавиться от навязчивой иллюзии или выйти за край виртуальной карты невозможно, так как компьютерные вселенные сменяют друг друга в постоянном круговороте вещей, ставя перед нами вопрос не о степени виртуализированности окружающего мира, а о возможности наличия самой реальности, в принципе. Вместо нее, при попытке выбраться из «пустыни реальности» (Ж. Бодрийер) или желании разоблачить иллюзию, вы наблюдаете лишь смену картинок – одна игра следует за другой, одна Матрица сменяет собой предыдущую. Славой Жижек, анализируя такую особенность Матрицы, называл настоящую реальность «дезавуированным Иксом, возникающим в результате искажения нашего восприятия». Согласно главному закону Матрицы, человек, выбравшийся из виртуальной тюрьмы и думающий, что сейчас находится в настоящем мире, по сути, попадает в следующую компьютерную игру, в которой и пряталась предыдущая, по типу детских матрешек. Это бесконечная кроличья нора из рассказов про Алису в Стране Зазеркалья, из которой уже невозможно выкарабкаться, если ты в нее упал. Недаром при описании устройства Матрицы Морфиус опирается именно на этот литературный образ: «Примешь синюю таблетку, и сказке конец, проснешься в своей постели и поверишь в то, во что хочешь верить. Примешь красную таблетку – останешься в Стране Чудес, и я покажу тебе, насколько глубоко уходит кроличья нора». Скорее всего, никакого дна норы и нет. Поэтому важно тут понять главное – выйти из Матрицы у вас не получится, однако, из нее можно попасть в следующую компьютерную игру. Ну, или научиться создавать живые миры самому.

Автор соотносит классический образ Матрицы с архитектурой будущего и определяет фундаментальный тезис о концептуальном повороте в методологии прогнозирования.

Главный вопрос, который поднимает Матрица в отношении архитектурной утопии, – насколько реальны наши фантазии? Создавая виртуальную утопию, в качестве интерактивного пространства для жизни, по типу компьютерной игры, архитектор примеряет на себя роль

демиурга и создает свой индивидуальный мир, параллельный нашему. С одной стороны, прогнозирование всегда подразумевало создание вымышленного, выдуманного «другого» мира, как будь то «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы или «Атлантида» Платона. С другой стороны, архитектурная утопия XXI в. делает в этом отношении очень важное допущение: она предполагает, что все эти прогнозы вдруг становятся настоящими реальностями наряду с той, в которой мы находимся сами. Другими словами, сегодня мы говорим не просто об одном из варианте будущего, о некоем идеальном мире, – речь идет о будущем, которое работает как «параллельная реальность», как «живой мир, по типу компьютерной игры», в которую можно попадать самому. Что, если вы стали жителем острова Утопия или гражданином солнечного города? Что, если вы можете гулять по улицам и менять архитектуру города будущего своими действиями в настоящий момент времени? Если мы можем создавать интерактивное и многовариативное будущее, результат которого заранее никогда не определим и полностью зависит лишь от наших с вами действий, то чем тогда такое будущее отличается от настоящей реальности? Если мы говорим, что будущее может быть интерактивным живым игровым и многовариантным, а сам человек превращается в персонажа своего же фильма, постоянно меняя его сюжет и проживая любые его концовки, отличается ли в таком случае архитектурная утопия от настоящего мира?

Прогнозирование всегда предполагает множество вариантов будущего и влечет за собой неопределенность, однако, новым может быть предположение о том, что все эти прогнозы сегодня становятся полноценными игровыми реальностями. Главная гипотеза автора состоит в том, что архитектурная утопия XXI в. впервые поднимает вопрос о реальности прогноза.

Автор вводит понятие архитектурной матрицы будущего и выявляет ее главную функцию в теории прогнозирования.

Архитектурная матрица – это живое игровое пространство, в рамках которого архитектор создает многовариантные версии города будущего.

Образ матрешки-реальности – один из наиболее удачных в отношении описания концепции игровой архитектурной утопии XXI в. Согласно главной гипотезе автора, архитектурная утопия всегда скрывала настоящую реальность, подменяя ее игровыми реальностями. Такие реальности, в архитектурном смысле, представляют из себя «иллюзорные конструкции», которые экранируют от нас настоящий мир. Однако, если иллюзорные реальности ранних утопий воспринимались как «автономные миры в зеркальце» (речи о реализации городов Томаса Мора и не шло, они всегда воспринимались лишь как выдумка), то сегодня архитектурная утопия XXI в. создает свою собственную реальность, по типу компьютерной игры, которую можно проживать изнутри. Для описания базового принципа архитектурной матрицы автор вводит понятие «игрового уровня», который демонстрирует механизм сокрытия различных типов реальности внутри архитектурных утопий. Далее, он прослеживает его эволюцию на примере современных моделей прогнозирования.

Выявлены следующие игровые уровни:

1. Географический. Первая архитектурная утопия представляла из себя «будущее без места» и существовала как фантастический остров в вымышленном мире. Поэтому, чтобы попасть в нее, архитектор должен был соотнести себя с выдуманной реальностью, где была расположена утопия: остров Утопия у Т. Мора. Таким образом, возникает «географический слой» иллюзорной реальности, который создает игровой мир будущего, параллельный нашему миру.
2. Механический. Начиная с конца XIX в. и начала XX в. архитектурная утопия создается с помощью механических и технических устройств. Поэтому, чтобы попасть в нее, архитектор должен был «подключиться» к миру будущего через архитектурную машину:

как, например, ячейки в «Плагин-сити» П. Кука или сетка во «Дворце веселья» С. Прайса. Другими словами, чтобы совладать со скоростями и трансформациями города будущего, игрок должен смотреть на него и взаимодействовать с ним «глазами и руками» различных машин – видеть будущее, как его видят машины. Таким образом, возникает «механический слой» иллюзорной реальности, который создает игровой мир будущего с помощью архитектурных терминаторов.

3. Виртуальный. В начале XXI в. архитектурная утопия начинает описываться в категориях компьютерных игр и современного кинематографа. Компьютерные игры позволяют архитектору проводить интерактивный и многовариативный прогноз города будущего. В них игрок становится главным персонажем виртуальной вселенной. Такой город будущего может быть воспринят через механизмы игр, которые «открывают» для нас спрятанную реальность города будущего внутри них. Таким образом, возникает «виртуальный слой» иллюзорной реальности, который создает игровой мир будущего благодаря компьютерным играм и кинематографическим технологиям.

Далее автор разбирает особенность метода игрового прогнозирования: рассказывать и оживлять вымышленные истории в городе будущего.

Главная задача современной архитектурной утопии – это создание живого архитектурного мира. Представьте будущее, куда может попасть сам архитектор и менять его изнутри своими действиями. Для проектирования индивидуальных игровых вселенных архитектурная утопия обращается к технологиям прогнозирования из современного кинематографа, компьютерных игр, перформанса и коммуникативного искусства.

Например, можно выявить главную технику предсказания, которую архитектурная утопия XXI в. заимствует от компьютерных игр. Это придумывание историй внутри города будущего. Супер-сценарий – это создание больших историй внутри игровой вселенной. Его наличие в структуре города будущего вовлекает игрока в виртуальную иллюзию. К его помощи очень часто прибегает архитектор Рем Колхас при создании своих миров будущего. Он, как суперкомпьютер Думатель из фильма «Автостопом по Галактике», который должен дать ответ на главный вопрос жизни, Вселенной и всего такого, примеряет на себя роль архитектора-режиссера. С помощью своих кинематографических инструментов – склейки, резки, монтажа – Рем раз за разом соединяет игровые истории в киноград на своей съемочной площадке. Колхас первый знакомит нас с новым способом организации утопического мира – супер-сценарием. Вот его яркий пример: «Русские читают надпись. Она гласит: “Нет простого пути от Земли к звездам”. Глядя на звездное небо, отражающееся в узком прямоугольнике их бассейна, один архитектор/спасатель, с которого все еще капает вода после последнего заплыва, отвечает за всех: “Мы только что проделали путь из Москвы в Нью-Йорк...”. Затем все они ныряют в воду, где занимают свои привычные позиции» [10]. Колхас, таким образом, становится новым Томасом Мором, оживляющим мертвый язык утопии.

В одночасье, ранее существовавшая лишь в функциональном измерении утопия обрела новую свободу в перемещении – архитектурный сказ. Задача архитектурного сказа была очень простой – подарить каждому увлекательную историю обо всем. Буквально. Колхас искренне верил, что именно и только с помощью архитектурного сказа можно было создавать разнообразные миры будущего. Головокружение. В тот самый момент эта выходка убивает функцию в городе будущего, а архитектура умирает. Архитектурные сказы начали предлагать героям утопий гулять по придуманным историям, которые, то и дело, эволюционировали, росли или просто заменялись на другие, более свежие и занятные. Город будущего сошел с ума. Перед нами заработал, выбрасывая густые клубы программного дыма, черного как копоть, процесс постоянного предоставления супер-сценарных опций. Мир, где варианты этих самых супер-сценариев постоянно переизобретались. С другой стороны, архитектурные

сказы имели ряд стабильных составляющих, таких как: начало и конец, зарождение и развязка очередного путешествия. Они обладали понятной повествовательной структурой, организующей протекающие внутри городов будущего процессы. В любой из утренних утопий того Колхосовского времени, индустрия производства которых еще только начинала набирать свои сумасшедшие обороты, всегда можно было наткнуться на супер-сценарий, едва ли чем-то отличающийся от этого:

«Однажды во время занятий некий студент спроектировал плавучий плавательный бассейн¹ <...> в один прекрасный день они [студенты-архитекторы] замечают, что если всем плыть вместе из одного конца бассейна в другой, дружно и одновременно загребая воду, то бассейн начинает медленно двигаться в направлении, противоположном движению пловцов <...> на тайном совещании архитекторы/спасатели решают использовать бассейн для того, чтобы вырваться на свободу. Используя теперь уже хорошо отлаженный метод реактивного движения, они могут отправиться в любую точку Земли, где есть вода <...> однажды утром в сталинские 1930-е гг. архитекторы начинают свои непрерывные заплывы в сторону золотых куполов Кремля и таким образом направляют бассейн прочь от Москвы» [3].

Таким образом, современные архитектурные утопии, используя элементы мономифа, метанарратива или супер-сценария, убеждают игрока в объективной значимости его вклада в сам игровой процесс, сборки города будущего и, как следствие, в полной управляемости конечным результатом. В результате, история внутри архитектурной утопии позволяет поплававшему внутрь игроку проживать ее, соотносить себя с компьютерной игрой и совершать интерактивные действия согласно ее развитию. Другими словами, любой архитектурный мир будущего должен состоять из историй, которые его оживляют.

Казалось бы, утопические сюжеты рассказывали о том, что должно и непременно будет происходить в мире будущего, даже если посетитель сам этого не желает. Модулятор показал все – что могло быть, что было, что никогда не произойдет или возможно произойдет, или действительно произойдет. Так трудно, когда узнаешь самое последнее – то, как все начиналось и чем все закончится. Быть очередным посетителем города будущего, который очаровывает своих героев драгоценными формами супер-сценариев. Посмотреть на новинки супер-сценариев всегда съезжались утописты со всего мира. Но, со временем, картотека супер-сценарных инструментов перестала позволять сочинять пространства под новые модели жизни в городах будущего. Программные города-повести подвисли.

Имея супер-сценарную конфигурацию, город будущего стал заведомо обречен на супер-повторение – супер-начало, супер-развитие, супер-окончание. Любое действие в этом мире было обречено рано или поздно совершить его. Даже те немногие, кто отваживался на «консервирование» самих себя в вечном повторении, в надежде на небольшую амнезию, все равно множили супер-повторы одного и того же. Перегрузка. Хотя и незначительные, несоответствия и отличия – сочетания постоянно меняющихся пространственных комбинаций – обещали ощущение того, что, быть может, на этот раз итог будет совсем другим. Но город будущего оставался прежним. Опьяняющий сказ, который хочется слушать снова и снова.

И чтобы извернуться, избежать своей участи быть забытым, город будущего мечтал переиграть супер-сценарий, который сохранял любые, даже самые бесполезные комбинации, множил пересказы, слухи и занудные разговоры. Как в арабских сказках – Джин возводит дворец, разрушает дворец и так много раз, пока не построит то, что нужно Великому Поль-

¹ Плавательный бассейн – знаменитая идея Р. Колхаса, описанная им в его книге бестселлере «Нью-Йорк вне себя». Бассейн – яркий пример того, как Колхас организовывал и оживлял мир внутри очередной утопической новинки с помощью супер-сценария.

зователю. Город будущего знал, что мы все способны на самые невероятные изменения, которые только можем себе представить и при всем при этом оставаться самими собой. Он знал и то, что мы можем ценить всех тех, кем были, и выбирать, кем хотим стать. И поэтому город будущего в тайне создал тысячу и одну игровую консоль, хитрые сверкающие устройства для игры в будущее. Эти игровые приставки использовали особый способ организации игрового мира будущего – магию. Наступало пост-Колхозовское время. Время магической архитектуры будущего. Время Матрицы. Нео, проснись!

Автор дает подробное описание и детальное руководство к использованию экспериментального устройства архитектурной Матрицы (внимание: включить только после прочтения!).

Для этого автор предлагает разделить Матрицу на отдельные архитектурные программы, которые в рамках нее выполняют те или иные функции и задачи для создания живого архитектурного мира. Эти программы, очень похожие на персонажей какой-то компьютерной игры, тем самым, помогают архитектору осуществлять интерактивный и многовариативный прогноз города будущего.

Нео – это программа, которая приводит город будущего в вечное движение. В поисках любимой архитектурной комбинации он намеренно «ломает» игру. Нео тот, кто отказывается от поиска красивой картинке будущего и стремится к его анти-финалу.

Агент Смит – это вирусная программа Матрицы, которая через (само)расширение хочет получить контроль над виртуальным и физическим миром. Агент Смит копирует сам себя и превращает окружающие его предметы в «свой код», то есть в свой образ. Его можно назвать демоном механического самокопирования, духом упрощения, сведения бесконечного разнообразия мира до элементарного состояния «одного себя». Он главный враг Нео. Архитектурная программа-антипод. В один момент он научился копировать себя не только внутри виртуального мира, но и за его пределом, в мире настоящем. В этом отношении его можно сравнить с «шаманом», образ которого присутствует во многих древних культурах. Главная задача шамана – вести диалог с представителями реального и потустороннего мира, выполняя функцию «переводчика». Когда Агент Смит получает возможность присутствовать одновременно в двух мирах, он становится архитектурной программой высшего порядка. Тут он уже действует как непрерывно расширяющийся жесткий диск города будущего. Его базы данных растут до бесконечности, и теперь вопрос не в уникальности или оригинальности созданного им игрового уровня, а в наложении одних игровых уровней на другие.

Мервингер – это программа аналитического вычисления любых действий. Для него архитектурная Матрица – это цепь причин и следствий, за пределы которых выйти невозможно, но можно познать причины, а значит, господствовать над теми, кто видит лишь следствия. Все известные нам научные принципы прогноза строятся на том, что сперва происходит событие, а потом у него возникают последствия. Если следствие опережает причину, это ломает законы физики. Но, что, если это все же возможно? Мервингера можно охарактеризовать как инструментальный, логический, «механический» разум, великолепно умеющий рассчитывать, приспособливаться и господствовать. Однако, можно выделить и его главное упущение: ему недоступно предсказание чего-то принципиально нового, будущего, которое выбивается из главной формулы «причин и следствий». Он не способен к «интуитивному» типу прогнозирования будущего, инсайту, озарению.

Пифия – это программа интуитивного типа. Она способна создавать многовариантные версии прогноза. Пифия умеет видеть одновременно сразу все образы будущего, однако, ее предсказания имеют одну очень интересную черту. С одной стороны, по словам Пифии, будущее уже предрешено, с другой, только от нас зависит его результат. Другими словами, Пифия предлагает задаться вопросом не «что произойдет» в будущем, а «почему это произойдет». Еще один важный момент ее провидений состоит в том, что они происходят только в том случае, если мы в них безоговорочно «уверуем». Такой подход к прогнозированию состоит

в том, что модель будущего осуществляется как бы «от обратного»: человек придумывает образ будущего, начинает в него безоговорочно верить и, в конце концов, представляет его в качестве своей основной реальности. Другими словами, человек начинает верить в то, что сам же и вообразил.

Архитектор – это узкоспециализированная программа. Он является создателем Матрицы. Его можно сравнить с демиургом, творящим идеальный космос, образцовый и неподвижный. Будущее, которое является наиболее оптимальным и наилучшим. Однако, любой прогноз архитектора заканчивается удалением Матрицы, а потом ее созданием. И так всегда.

Сити – в финале архитектурной утопии маленькая девочка-программа Сити создала в Матрице рассвет в виде льющихся из-за горизонта и заполняющий весь экран потоков яркого золотого света, что могло означать появление реальности высшего порядка и взаимопроницаемость двух миров. Мира реального и виртуального. Конец.

Архитектурную матрицу можно сравнить со сном, но сном «коллективным». Этот сон одновременно создают множество вовлеченных в него архитектурных программ. Другими словами, архитектурная утопия XXI в. создается в формате живого действия многочисленными участниками (архитекторами), вступающими во взаимодействие друг с другом. С одной стороны, каждая виртуальная реальность, каждого отдельного архитектора, индивидуальна и функционирует как автономный живой архитектурный мир. С другой, все они вовлечены в интерактивный и коллективный процесс коммуникации друг с другом, создающий эффект «наложения» различных индивидуальных слоев игровых реальностей и самых разных версий будущего. Поэтому архитектурная матрица – это живой мир, который объединяет индивидуальные варианты будущего в интерактивной игре друг с другом.

Подведем итоги. В данной статье автор описывает новый принцип архитектурного прогнозирования будущего. Современная архитектурная утопия впервые стремится создать не идеальную картинку будущего, а придумать живой мир, по типу компьютерной игры. Архитектор в процессе прогнозирования создает индивидуальные архитектурные реальности. Он может попадать внутрь таких игровых вселенных и проживать их в качестве жителя утопии. Будущее перестало быть будущим. Перед нами параллельные архитектурные миры. Они повсюду.

Библиографический список

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М., 2015.
2. *Ирвин У.* Компьютеры, пещеры и оракулы: Нео и Сократ. URL: <https://public.wikireading.ru/21770> (дата обращения: 23.02.2020).
3. *Колхас Р.* Нью-Йорк вне себя. М., 2013.
4. *Хольт Дж.* Призрак, созданный машиной, или Философия разума в стиле Матрицы. URL: <https://public.wikireading.ru/21799> (дата обращения: 23.02.2020).
5. *Шук Т.* Судьба, свобода и предвидение, – все из сборника «Матрица как философия». URL: <https://public.wikireading.ru/21809> (дата обращения: 23.02.2020).
6. *Шлыков В.* Философствующая фантастика: от Стругатских до «Матрицы». СПб, 2019.
7. *Bratton B.H.* The Terraforming. М., 2019.
8. *Metahaven.* Digital Tarkovsky. М., 2018.
9. *Easterling K.* Medium Design. М., 2018.
10. *Likavcan L.* Introduction to Comparative Planetology. М., 2019.

Е.А. Орлов

Аспирант

Московский архитектурный институт (Государственная академия)

E-mail: egororlovrus@gmail.com

УДК 821.161.1

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЕЙ» Н.В. ГОГОЛЯ

В.В. Оразбекова

Аннотация. Статья посвящена своеобразию петербургской темы в творчестве Н.В. Гоголя, рассматриваемой посредством контент-анализа. Осуществляется анализ блоков текста повестей Н.В. Гоголя: «Нос», «Шинель», «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Портрет». Качественно-количественный анализ текста позволит показать социальные аспекты петербургского общества XIX в. и типичные черты персонажей в данном цикле произведений. Все повести содержат отсылку к фантастическим мотивам. Уровень фантастический накладывается на фольклорные и мифологические системы. Особенность функционирования фантастических мотивов – взаимосвязь таинственного и иррационального. Романтические элементы Н.В. Гоголь довел до совершенства, превращая действительное в «необыкновенное», сновидение, сказку. Писатель использует категорию «фантастическое» как художественный прием романтизма для точного изображения героев повестей.

Ключевые слова: контент-анализ, романтизм, фантастика, демонология, «комическое», гротеск, фантасмагория, контекст.

CONTENT-ANALYSIS OF «PETERSBURG NOVELS» N.V. GOGOL

V.V. Orazbekova

Abstract. The article is devoted to the originality of the St. Petersburg theme in the work of N.V. Gogol through content analysis. Blocks of the text of the following novels by N.V. Gogol have been analyzed: «Nose», «Overcoat», «Nevsky Prospekt», «Notes of the Crazy», «Portrai». Qualitative-quantitative analysis of the text will allow you to show the social aspects of St. Petersburg society of the 19th century and typical character features in these novels. All the stories contain a reference to fantastic motives. The level is fantastic superimposed on folklore and mythological systems. The peculiarity of the functioning of fantastic motifs is the relationship of the mysterious and irrational. Gogol brought the romantic elements to perfection, turning the real into an «extraordinary», dream, fairy tale. The writer uses the category «fantastic» as an artistic technique of romanticism to accurately depict the characters of his short stories.

Keywords: content-analysis, romanticism, fiction, demonology, «comic», grotesque, phantasmagoria, context.

В лингвистике на современном этапе текст исследуется в рамках герменевтики, семиотики, культурологии и т.д. Он рассматривается как сложный лингвистический объект, который устанавливает отношения между текстом и культурным контекстом. Текст как система высказываний обладает единым смыслом и формой передачи информации. В статье исследуется формально-логическая сторона текста, которую можно изучить формализованными методами.

Методологической основой изучения текста выступает статистический анализ частотного распределения признаков, образующих новые смыслы, посредством контент-анализа.

Слово имеет форму факта. Оно служит в философии для обозначения конкретного понятия. Для ребенка первые слова всегда персонифицированы и являются в основном терминами. Только впоследствии персонифицированные слова-понятия по преимуществу отвлекаются от конкретных предметов и становятся инструментом рассудка, мышления [1, с. 2]

Факт воспринимается как абсолютная истина, на основе которой человек строит свои действия. В своих рассуждениях он опирается на истинные посылки как на факты, а факты воспринимает как истинные посылки в цепочках логических рассуждений [1, с. 6].

Помимо факта есть константы, на которые опирается человеческое сознание. Они включают множество аспектов, например, определение жизненного пути, план или тактику действий, поведение и т.д. Человек не может изменить этапы биологического и социального становления, то есть от рождения до смерти. Все это определяет человеческую жизнь как систему. Если человек противоречит «фактам», происходит процесс урегулирования человеческих поступков.

В художественном произведении герои не всегда могут достичь цели. Например, в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» персонажи не способны обрести счастье, поскольку действует закон обратности в Петербургском мире, универсализм. Невозможно определить жизнь человека его социальным статусом. «Фактом» выступает мир мифогенный. Герои сталкиваются и зависят от метафизических сил.

В произведениях Н.В. Гоголя фантастические элементы проецируют конструирование универсальных законов петербургского мира. Через гротеск он нарушает логическую правду мира. Фантастика позволяет говорить о размытости границ реального и фантастического. Читатель сомневается в правдоподобности происходящих событий. Он пытается найти этому логическое объяснение. Автор специально навязывает закодированный материал читателю.

Интерпретация есть перманентное состояние текста, поскольку он всегда вписан в какую-то ситуацию. Мир постоянно изменчив и изменчив в своем постоянстве, то есть всегда иной. Это означает, что зафиксированный текст для читателя каждый раз имеет другое содержание [1, с. 13].

Например, Акакий Акакиевич Башмачкин определяется в литературе как «маленький человек». Однако, как персонаж он довольно парадоксален. Башмачкин получает эстетическое удовольствие от любимого занятия – переписывания. Его можно смело назвать поэтом. Он способен жить духовными потребностями – шинель становится его идеалом. Он ведет довольно замкнутый образ жизни. Аскетизм, черная работа, избранность, уход от социального возвышения, искуситель в образе северного мороза, чудеса после смерти. Все эти факты позволяют соотнести историю Башмачкина с жизнеописанием святого. Но эти факты читатель угадывал в XIX в. Сейчас они потеряли свою актуальность, и необычные черты характера Акакия Акакиевича не интерпретируются в данном ключе и воспринимаются иначе, чем в момент его создания. Найти исходный смысл довольно трудно или невозможно.

Текст сам по себе не меняется, он остается в том виде, каким был зафиксирован. В этом его преимущество. Но исходный текст – это тоже своего рода интерпретация события, запечатленного в сознании. Соответственно, всякий зафиксированный текст может неоднократно подвергаться анализу и интерпретироваться в зависимости от решения человеком той или иной задачи. Значит, интерпретация – это вариации одного и того же текста – формы выражения.

Всякий текст может подвергнуться исследованию. С определением смысла чаще всего не возникает сложностей. Человек подсознательно подсчитывает, как часто употребляется в тексте то или иное слово. Этот этап освоения текста происходит интуитивно, и читатель не задумывается о частотности слов. То есть он не ставит перед собой такую цель. Некоторые

авторы целенаправленно воздействуют на сознание читателя с помощью частотного распределения смысловых категорий. В таком случае, читатель получает то смысловое решение, которое и было заключено в контексте, решение, которое хотели до него донести. Актуальным вопросом в текстологии является поиск как можно более точного воспроизведения смысла текста, формализации процесса операционализации понятий, анализ от простого и сложного интуитивного подхода интерпретации текста к количественному анализу, с необходимостью измерения и применения счетных операций. Для этого был изобретен такой метод, как частотное распределение признака смысла в тексте [2, с. 25].

Если в тексте часто употребляется определенное слово, то это будет означать, что оно выполняет существенную роль в данном произведении. Необходимо определить семантическое ядро слова, какую объективную реальность отражает данное понятие. Это позволяет эксплицировать контекст, вычленив соответствующие признаки. Следует учитывать особенности восприятия текста. С момента создания он начинает существовать независимо от автора и формирует независимые и самостоятельные смыслы, отражая ту или иную объективную реальность. Автор выступает ретранслятором смыслов.

Понятие «смысл» чаще всего используется в различных определениях. Смысл – идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель чего-либо [5, с. 634]. Смысл не может существовать и рассматриваться вне контекста. Он существует в рамках какой-либо предметной области. Однако если рассматривать «смысл» как понятие, то появляется иное толкование, описывающее понятийное пространство, семантического поля, без апелляции к какой-либо области знания. Таким образом, суть, содержание и прочие понятия, описывающие содержание смысла, связаны с действительностью, не имеющей прямого отношения к конкретному вопросу или предметной области, но и не существующей вне контекста. Все это позволяет утверждать, что в сознании сохраняются как априорное, так и эмпирическое знание.

Понятийной формой любого текста является понятийное пространство или смысловое поле. Это то, что находится в сознании и находит исключительное выражение в различных формах, доступных для восприятия сознанием, мышлением.

Понятийные конструкции, безусловно, могут быть предметом истинного знания как базы данных, имеющих форму факта [2, с. 8].

Компоненты понятийного поля, имеющиеся в сознании, получают предметное обозначение. Смысловое поле расширяется спонтанно, как словесная игра при случайном взаимодействии субъекта и объекта. Либо читатель пытается раскрыть сущность вещи или установить контекстуальные связи и получает как результат, предметный смысл. Вне контекста, включающего задачи и актуальность анализа, смысл объекта не существует.

Одним из самых загадочных и мистических писателей XIX в. по-прежнему остается Н.В. Гоголь, в своих произведениях удачно сочетающий комическое, гротескное и демоническое. Особого внимания заслуживает рецептивистский цикл Гоголя, в который вошли пять повестей, написанных в разное время, но воспринимаемых читателями как единое целое: «Невский проспект» 1833 г., «Записки сумасшедшего» 1834 г., «Портрет» 1835 г., «Шинель» 1842 г., «Нос» 1832 г. Определяя главную задачу каждого текста, следует обозначить семантические блоки, на которых будет построен анализ.

Блок «демоническое» описывается 15 словами: «черт» – 14, «лукавый» – 2, «мертвец» – 2, «сатана» – 2, «гадкий» – 2, «проклятый» – 2, «ложь» – 2, «дьявол» – 4, «демон» – 3, «ад» – «нечистая сила» – 2, ведьма – 2, «гарпия» – 1, «безумие» – 2, «бешенство» – 2.

В совокупности данные слова употребляются 36 раз. Блок «демоническое» составляет семантическое ядро данного цикла. Чтобы определить контекстуальное содержание, необходимо оперировать словом «черт», поскольку оно чаще других используется в повестях Н.В. Гоголя. Основной лейтмотив использования – изобразить диалектику грехопадения

человеческой души. Зло приоткрывается за поступками и судьбами героев, что создает особую демоническую атмосферу в повестях. «Чертовщина» как лексическая сема характеризует рабство перед идеей о материальной вещи или мечтой, которую герой желает воплотить в реальность. Например, А.А. Башмачкин, цель жизни которого – покупка шинели, или Чартков, который в поисках таланта «продает душу». Личность становится бездушной. Происходит демонизация общества. Мертвая атмосфера канцелярщины, которая порождает и терпит издевательства над человеком, чертовские мотивы превращаются в фантазмагорию. Демоническое начало определяет тему повестей – мрак, тривиальность и пошлость общества и отдельной личности в целом, которая распадается и в конечном итоге погибает. Тема ужаса и страха, которая прорывается сквозь смех, нарочито подчеркивает образ черта как олицетворения зла, «нечистой силы», знающего тайные мысли героя и руководящего его поступками, доводящего последнего до «грехопадения».

Блок «фантастическое» содержит 13 слов: «странное» – 11, сверхъестественное – 2, «побледнел от страха» – 6, «фантастическое» – 5, «привидение» – 3, «происшествие» – 7, «фантом» – 1, «фонарь» – 3, «сумерки» – 4, «странность» – 3, «беспамятство» – 3, неизъяснимое явление» – 3, «неправдоподобный» – 3.

В совокупности данные слова употребляются 54 раза. Основной лейтмотив слов и словосочетаний – превращение действительности в необыкновенное, загадочное и мистическое явление. Контекстуальный анализ слов-понятий, объединенных в блоки «демоническое» и «фантастика», отражает цель исследования – выявить категориальные различия повестей Гоголя на лексическом и семантическом уровнях. Фантастические мотивы предопределяют социальные противоречия героев. Типичный мир, в котором обитают «невысокие» герои, но проживают фантастические эпизоды. В каждой повести герои не могут достичь цели, поскольку действует закон обратности. В Петербургском мире действует универсализм, невозможно определить судьбу и жизнь человека его социальным статусом. На этом этапе герои сталкиваются и зависят от метафизических сил. Через гротеск – нарушение логической правды мира – и фантастику автор показывает размытость границ реального и фактического. Читатель намеренно вводится в заблуждение.

Фонарь в повести «Невский проспект» превращается в инструмент демона: *«Далее, ради Бога, далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаешь тем, что он зальет щегольской стюртук ваш вонючим своим маслом. Но и кроме фонаря, все дышит обманом»* [7, с. 238]. Функция фантастики – разрушение всех видимых обманов и проникновение к сокрытой за ними истине.

Фантастическое и реальное не стоят на гранях мира, а часто близки друг к другу.

Связь фантастического и реального в творчестве основывается на том, что творчество раскрывает вам по преимуществу душевный мир, а в этом мире фантастического, сверхъестественного в настоящем смысле слова – нет [3, с. 1].

Так определился тон всех бытовых и отчасти мифологических типов и сцен – всего, что могло быть воспринято и изображено как комическое.

По мнению В. Гиппиуса, Гоголь комического и серьезного подхода к демонологическим темам не смешивает. Для этого дуалистически настроенного литературного поколения сказочный черт становится воплощением мирового зла, а композиция фантастической повести обычно определяется разоблачением дьявола, таящегося в человеческом образе, и трагедией человека, предавшегося дьяволу. А народная сказка отозвалась в нем не только своей комической и анекдотической стороной, вошедшей как элемент в вертеп и украинскую письменность, но и существом своей демонологии. По одну сторону жизни – нечистая сила, мелкие и крупные черты, ведьмы и колдуны. Они вторгаются в жизнь людей то безобидной морокой, мелкими плутнями, то серьезной помехой, покусанием, преследованием, смертной угрозой [6, с. 386].

В творчестве Гоголя поразительна наблюдательность, которая слишком часто переступала грани реалистической прозы. Живой быт с точно подмеченными элементами и особенностями превращается в фантасмагорию. Анализ доказывает, что слова, относящиеся к блокам «демоническое» и «фантастическое», используются практически с одинаковой частотностью во всех петербургских повестях. Для Гоголя черт и «нечистая сила» были олицетворением человеческого греха, что он и показывал в самом неприглядном свете. В исследовании Д. Мережковского есть мысль о том, что Гоголь имел цель «черта выставить дураком». В религиозном понимании Гоголя черт есть мистическая сущность и реальное существо, в котором сосредоточилось отрицание Бога, вечное зло. Гоголь, как художник, при свете смеха, исследует природу этой мистической сущности; как человек, оружием смеха борется с этим реальным существом: смех Гоголя – борьба человека с чертом.

Единственный предмет гоголевского творчества и есть черт именно в этом смысле, то есть как явление «бессмертной пошлости людской», созерцаемое за всеми условиями местными и временными – историческими, народными, государственными, общественными, – явление безусловного, вечного и всемирного зла; пошлость *sub specie aeterni*, «под видом вечности» [9, с. 2].

«Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!» [8, с. 140], – приходит к печальному выводу рассказчик в финале произведения. С помощью мотива чертовщины и связанных с ним мотивов, например, истина – ложь, замены, перевернутые ценности, Н. Гоголь создает образ «мира наоборот», где перевернута вся система нравственных представлений и где человек оказывается в плену темных сил. *«Дивно устроен свет наш!.. Как странно, как непостижимо играет нами судьба наша! Получаем ли мы когда-нибудь то, чего желаем? Достигаем ли мы того, к чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходит наоборот»* [8, с. 140].

Слово «тьма» часто употребляется в Библии для обозначения «невежества, печали, наказания, сени смертной и области злых духов» [4, с. 861]. Мотив тьмы звучит в повести «Портрет» как духовное невежество, заблуждение художника Чарткова. Гоголь создает духовно мертвый мир, в котором герои живут или проживают фантастические эпизоды. Мир, где нет истинного счастья. Н. Гоголь показал духовную деградацию человека и мира, подмену ценностей и нравственных понятий. Опираясь на опыт романтизма в художественном исследовании и восприятии чертовщины и «нечистой силы» как особых категорий, Н.В. Гоголь раскрывает духовные трансформации человека и исследует общество в целом.

Библиографический список

1. Аверьянов Л.Я. Факт и его интерпретация // В поисках своей идеи. Ч. II. М., 2003.
2. Аверьянов Л.Я. Контент-анализ: учебное пособие. М., 2009.
3. Анненский И. О. формах фантастического у Гоголя // Русская школа. 1890. № 10.
4. Библейская энциклопедия. М., 1990.
5. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.; СПб., 1997, 1999, 2001, 2004.
6. Гиппиус В. Гоголь: Воспоминания. Письма. Дневники. М., 1999.
7. Гоголь Н.В. Повести. Л., 1987.
8. Гоголь Н. Невский проспект // Петербургские повести А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. М., 1987.
9. Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991.

В.В. Оразбекова

Преподаватель кафедры общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА
E-mail: Orazbekova.vera2017@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНТОНАЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Инь Сяо

Аннотация. Целью данной статьи является изучение интонаций в китайском языке. Актуальность данной работы заключается в необходимости универсального и комплексного подхода к изучению языковой просодии в языках различной типологии. В настоящее время во многих областях науки наблюдается стремление к выделению универсальных и специфических черт. Это справедливо и для лингвистики. Данная работа является продолжением целого ряда работ, посвященных специфике языковых универсалий. По нашему мнению, в настоящее время необходимо уделить пристальное внимание интонациям утверждения и побуждения в современном китайском языке, рассмотреть их как в изолированном положении, так и с эмоциональным окрасом, поскольку на современном этапе развития общества наблюдается недостаточная изученность данной проблемы как в отечественном, так и в зарубежном языкознании.

Ключевые слова: интонация, китайский язык, эмоции.

COMMUNICATIVE INTONATION IN CHINESE

Yin Xiao

Abstract. The purpose of this article is to study intonation in Chinese. The relevance of this work consists in the need for a universal and comprehensive approach to the study of language prosody in languages of different typologies. Currently, in many fields of science, one strives to distinguish universal and specific features. This is also true for linguistics. This article is a continuation of a number of works devoted to the specifics of language universals. In our opinion, at present it is necessary to pay close attention to the intonations of affirmation and motivation in modern Chinese, to consider them both in an isolated position and with emotional coloring, since at the present stage of society's development there is insufficient knowledge of this problem in both domestic and foreign linguistics.

Keywords: intonation, Chinese language, emotions.

Интонация, будучи предметом исследования, является средством фонетической организации речи и включает в себя психологический, синтаксический и коммуникативный аспекты; ее эмоциональные значения различны и многочисленны (радость, страх, гнев, грусть, удивление и т.д.). Одной из важнейших функций интонации является определение модальности высказывания, различение повествования, вопроса и восклицания.

В настоящей работе изучение интонации будет рассматриваться в контексте китайского языка. Китайский язык, будучи тональным, не обладает интонационными характеристиками в той степени, которая свойственна флективным языкам. Некоторые признаки, привычные для нашего восприятия, становятся менее заметными, что делает окрашенные эмоциональной интонацией фразы, порой, совершенно непонятными.

Цель данной работы – изучение интонаций в китайском языке.

Задачами являются:

- изучение научной литературы, посвященной ритмико-мелодическому строю речи;
- анализ полученной информации.

Способами исследования выступают: анализ, синтез, аналогия, обобщение, классификация, абстрагирование.

Актуальность данной работы заключается в необходимости универсального и комплексного подхода к изучению языковой **просодии** в языках различной типологии. В настоящее время во многих областях науки наблюдается стремление к выделению универсальных и специфических черт. Это справедливо и для лингвистики. Данная работа является продолжением целого ряда работ (М.К. Румянцев, М.И. Каплун, З.Л. Григорова, И. Думкова, С.С. Хромов, А.Ю. Вихрова и др.), посвященных специфике языковых универсалий. По нашему мнению, в настоящее время необходимо уделить пристальное внимание интонациям утверждения и побуждения в современном китайском языке, рассмотреть их как в изолированном положении, так и с эмоциональным окрасом, поскольку на современном этапе развития общества наблюдается недостаточная изученность данной проблемы как в отечественном, так и в зарубежном языкознании.

Интонацию невозможно механически заимствовать, она рождается сама в процессе рождения текста, представляя собой результат интенсивной работы чувств, мыслей, воображения, воли говорящего или пишущего. Носитель языка интуитивно овладевает интонационными моделями родной речи, чего нельзя добиться при изучении иностранных языков. Владение интонацией как средством выразительности является обязательным для человека, вступающего в коммуникацию. Выделяют различные типы интонации: в зависимости от цели высказывания интонация может быть вопросительной, восклицательной, перечислительной, выделительной, пояснительной и т.д. Многими лингвистами (М.К. Румянцев, Г.П. Торсуев, П. Леон, Л.В. Величкова) признается наличие у интонации эмоциональной функции. В создании эмоциональной окраски высказывания участвуют языковые средства всех уровней: фонетического, лексического, синтаксического. Сильные эмоции могут привести к частичному или даже полному разрушению синтаксической структуры высказывания, что также влияет на искаженное фонетическое восприятие иностранной речи.

Для китайского языка характерна сильная эмоциональная окраска речи, поэтому использование правильной интонации способно изменить способ высказывания. Коммуникативные интонации побуждения или императивные предложения представляют собой волеизъявление. Побудительные предложения существенно отличаются от повествовательных предложений и имеют разную функциональную значимость. Интонация при выражении различных видов побуждения характеризуется усилением или уменьшением интенсивности звучания, повышением или понижением голоса, изменением длительности звучания и т.д. В зависимости от характера волеизъявления императивные фразы могут содержать просьбу, приказание, увещание, запрещение, каждый из таких видов побудительной интонации обладает собственными признаками. В китайском языке в побудительных предложениях часто употребляются фразовые частицы. Несмотря на то, что они несут определенную функцию, такие частицы не выделяются в речи особенной высотой тона, а временные характеристики фактически редуцируются. Тем не менее, такие частицы являются показателем побудительной интонации. Существуют также и глагольные признаки побудительных фраз. Но наряду с использованием частиц и побудительных глаголов, в китайском языке также наблюдается использование интонации при выражении требования, просьбы или приказа. Исследования показали, что существуют различные виды интонаций при использовании различных команд. Например, воинская команда, предполагающая обязательное выполнение действия. В данном случае наблюдается резкое увеличение интенсивности и длительности произнесения фразы. Многими исследователями подмечено, что строевая команда в китайском языке имеет большое сходство с русским языком, как по лексическим, так и по интонационно-лексическим характеристикам; более того, наблюдается сходство и по звучанию. Категорическое требование также обычно сопровождается понижением тона. В таких конструкциях интонация непосредственно несет на себе модальную функцию и отличает побудительные предложения

от вопросительных. Просьба, как разновидность побудительной интонации, представляет собой наиболее сложный вид волеизъявления, ее особенность в том, что говорящий заинтересован в выполнении выражаемого действия. Такая разновидность побудительной интонации наиболее часто подвергается эмоциональным окраскам.

Утвердительным предложениям свойственна нисходящая интонация. Для такой интонации характерно последовательное понижение высотных уровней тонированных слогов и сокращение высотных интервалов тонов.

Эмоциональная окраска интонаций определяется тембром, или тем, какой из резонаторов «включен» в процесс. И связь их настолько прочна, что, по сути, обуславливает восприятие и звучание слов, независимо от их смысла. Существует также понятие «эмфатического ударения», введенного Л.В. Щербой для характеристики эмоциональной выразительности слова. Такое ударение усиливает эмоциональную сторону слова или выражает состояние говорящего. В отличие от логического ударения, эмфатическое делает слово эмоционально насыщенным, в то время как логическое ударение лишь привлекает внимание к данному слову. В китайском языке каждый тон обладает собственной длительностью, что имеет особое значение в отношении эмоционально окрашенных слов. Отсюда ясно, что выражение эмоциональных значений в китайском языке имеет свою специфику, отличную от специфики языков неслогового строя. В китайском языке тоны организуют всю просодическую систему языка. На основе тонов осуществляются все интонационные дифференциации: эмоциональные, синтаксические, коммуникативные, модальные, стилевые. Они преобразуют физическую структуру тонов, в результате чего соединяются признаки собственно слогового тона и особенности просодических наложений.

В 20-х гг. прошлого века М.М. Бахтин заметил: «Интонация – индивидуальная, эмоциональная обстановка слова, которая передается голосом, – портит все выкладки и расчеты ученых. Где она, как она достигается, мы не можем ответить, как бы мы ни анализировали семасиологически качественную звуковую, количественную звуковую стороны слова. Всегда остается нечто, что, например, у Блока является главным, но не поддается изучению. Здесь лингвистика бессильна и должна опустить руки. <...> Заложены лишь основы для науки об интонации, но о науке здесь не может быть и речи» [1]. Тем не менее, уже с середины XX в. стали уточнять структуру интонации, выделять ее компоненты. В этом вопросе мнения исследователей разошлись. В одних работах к интонации относят мелодию, темп, силу или интенсивность звучания, в других рассматривают паузу, тембр, ударение, ритм, диапазон. С.С. Хромов в своей работе «Типологическое многообразие языковых структур» утверждал: «Если говорить о материале, физических параметрах интонации, то их можно сосчитать по пальцам одной руки, и при этом два лишних пальца останутся. Это частотная составляющая, амплитудная и временная». «Тем не менее, в самом общем виде интонацию можно определить, как совокупность системно обусловленных просодических характеристик речи, к которым относится частота основного тона, интенсивность и длительность, то есть мелодических и темпоральных компонентов. Интонация зависима от каждого просодического элемента внутри целого» [5]. М.К. Румянцев неоднократно подчёркивал, что интонация любого языка не «повисает в воздухе», а опирается, прежде всего, на просодию слова. Базу, основу для интонаций различных языков составляют именно просодии единиц низшего порядка – просодии слов. Именно их модификации в составе высказывания, устного текста человек воспринимает как те или иные интонации того или иного естественного языка [14]. Основы научного подхода к изучению интонации в отечественном языкознании были заложены Василием Алексеевичем Богородицким, который создал первую в России экспериментальную фонетическую лабораторию, а также Александром Матвеевичем Пешковским и Львом Владимировичем Щербой, возглавлявшим Ленинградскую фонологическую школу.

Первоначально интонация интересовала ученых как акустическое средство оформления предложений, то есть ее синтаксический аспект. Лингвисты достаточно подробно описали интонацию вопросительных, восклицательных, побудительных, повествовательных предложений, исследовали и показали, как интонация оформляет высказывание, помогает различать его части с учетом их значимости.

Как бы много ни говорилось об интонации, до настоящего момента ей, как универсальному языковому явлению, было уделено явно недостаточно внимания. «Долгое время лингвисты рассматривали интонацию или с психофизической, или с фонетической точки зрения, не соотнося план выражения с планом содержания» [15]. Однако эта тема представляется чрезвычайно важной, так как интонации являются достаточно спорным предметом в научных исследованиях. Описание интонационного строя языка предполагает выяснение того, какие коммуникативные, синтаксические, модальные языковые значения дифференцируются интонацией, какие акустические признаки участвуют в той или иной дифференциации. «Любой дифференциальный признак в реальной речи на живом конкретном языке реализуется в рамках произносительной нормы с определённым коммуникативным заданием, модальной, эмоциональной окраской, стилистической принадлежностью фразы. Интонационные признаки бифункциональны: они формируют ту или иную интонацию (коммуникативную, модальную, эмоциональную, стилистическую) и одновременно обеспечивают её фонетически нормативную приемлемость в данном языке» [14].

В 1964 г. на материале 30 языков мира Д. Болинджер исследовал коммуникативные интонации утверждения и вопроса, основываясь лишь на движении частоты основного тона. Таким образом, им была выявлена общая тенденция всех исследуемых языков – оформлять нисходящим тоном «утверждение» и восходящим тоном «вопрос». Повествовательные и вопросительные предложения сами по себе могут иметь различную интонацию. Все зависит от того, что они выражают: удивление, неуверенность, предположительность, несогласие, сомнение и т.д. Это говорит о разнообразии и богатстве интонации, но соответственно усложняет ее изучение. Так, утверждение Д. Болинджера о том, что говорящие на разных языках аналогичным образом используют тональные модификации [2], может ставиться под сомнение, ибо в более поздних исследованиях говорится о существовании четких различий в реализации высотно-мелодического компонента в рассматриваемых языках. Например, С. Иди был проведен эксперимент по сопоставлению характера изменений частоты основного тона американского варианта английского языка и мандаринского диалекта китайского языка [16]. Результат показал различия определенных характеристик частоты основного тона, в том числе скорости его изменения и количества частотных колебаний в единицу времени и за период, равный слогу. Таким образом, можно с уверенностью заявить, что каждому языку свойственны определенные интонационные закономерности, отличные от закономерностей другого языка. Поэтому овладение произношением иностранного языка невозможно без умения интонировать в соответствии с законами интонации данного языка.

Изучение интонации прошло в своем развитии несколько этапов, которые во многом определялись общим направлением развития лингвистики. В 1950-е гг. основная проблематика интонационных исследований находилась в области соотношения интонации и грамматики, затем начался поиск путей структурирования интонации, выделения ее дискретных единиц, анализ ее функций. Можно сказать, что изучение интонации выделилось в особую область языкознания, которую называют назвать интонологией. С одной стороны, современные лингвистические теории способствуют новому анализу фактов интонации, с другой – данные интонационных исследований заставляют по-новому подходить к рассмотрению языка в целом.

На сегодняшний день особенно актуальным является сравнительный анализ интонации в языках мира, поиск универсалий и специфики. Специфика интонации отдельных языков,

прежде всего, связана с типом словесного ударения, в зависимости от которого происходит перераспределение функцией, нагрузки компонентов интонации. Например, в языках, имеющих смыслоразличительные тоны (китайский), мелодика не является самым важным компонентом фразовой интонации, и ведущая роль в интонационной организации высказывания принадлежит динамическим и временным параметрам. Абсолютные универсалии в области интонации не выделены. Собственно типологические работы по интонации касаются тональных языков [7]. В 1998 г. Даниэль Херст и французский лингвист Альберт ди Кристо издали книгу «Интонационные системы. Обзор 20 языков», в которой собраны работы лингвистов разных стран, посвященные фонологической и интонационной проблематике. Каждый автор является специалистом в своем национальном языке, что дает возможность посмотреть на язык глазами его носителя. В работе говорится, что интерес к интонации возрастает не только у фонетистов, но и у психолингвистов: «Как бы это ни было парадоксально, в одно и то же время интонация является одной из самых универсальных и одной из самых специфических черт человеческого языка». Исследования эмотивных признаков интонации в сопоставительном плане имеют определенную ценность, так как, во-первых, направлены на поиск универсальных характеристик и, во-вторых, связывая категории общего и частного, нацелены на раскрытие своеобразных проявлений этих свойств в отдельных языках мира.

Одним из направлений в языкознании является изучение лингвистических универсалий. Лингвистические универсалии – языковые явления, свойственные всем языкам, ранее изучались универсальной грамматикой, а во второй половине XX в. они стали одним из предметов когнитивной лингвистики. «Под языковыми универсалиями принято понимать закономерности, общие для всех языков или для их абсолютного большинства» [13]. С.С. Хромов, в свою очередь, говорит, что универсалии – это совокупность общих черт, объединяющих все языки или большую группу языков, а также совокупность методов и процедур описания лингвистического материала. М.К. Румянцев особо подчёркивал, что в речевом звучании на любом языке «происходит чрезвычайно тонкое структурирование звуковой материи: основная частота поворачивается то регистром, то контуром, то интервалом, то скоростью образования интервала, то целым спектром, или так называемой формантной структурой, причём все звуковые единицы – от элементарных до самых сложных – образуются тем или иным структурированием названных выше параметров. При этом всё подчинено одному универсальному закону: каждое иерархическое старшее звучание основывается на звучании единиц младших, слоги – на звучании сегментных единиц (гласных и согласных), слова – на звучании слогов, фразы – слов и т.д.» [14].

С начала XX в. и по сей день интерес к интонационному строю языка неуклонно растет. Появляется всё больше работ, посвященных интонации как отдельных языков, так и целых языковых групп. Интонация и просодия уже не являются лишь «бедными родственниками официальной и узаконенной лингвистики», хотя до недавнего времени отсылать интонацию на периферию языка было и в традиции восточного языкознания. Этому в значительной степени способствовало наличие тона в просодической структуре таких языков, как, например, китайский и вьетнамский.

В своём известном труде «Тон и интонация в китайском языке» М.К. Румянцев говорит: «Тоны и их сочетания в предложении – это не только тоны, но одновременно и интонация. В любой реализации тона в предложении всегда есть нечто такое, что принадлежит не самому только тону, а и интонации. Существуют бедные (хауса, 2 тона) и богатые (вьетнамский, 6 тонов) тональные системы, тоны в этих языках несут одни и те же функции, но реализуются по-разному. Именно по этой причине невозможно выработать универсальный механизм взаимодействия тона и интонации. Тем не менее, выявлено влияние фразовой интонации на реализацию тонов, и оно проявляется во многих отношениях. Влияние сказывается на ча-

стотном рисунке тона, его интервалах, долготных и регистровых характеристиках. Распределение интенсивности в пределах тона также может быть обусловлено фразовой интонацией. А на частотный рисунок тона интонация влияет особенно сильно тогда, когда рисунок на данном участке фразы не совпадает с общим направлением движения интонации. Например, тон слога падающий, а интонация повышающаяся. Под влиянием фразовой и в особенности эмоциональной интонации изменяются не только частотные уровни и частотные рисунки тонов, но и появляются так называемые добавочные отрезки звучания (посттональные звучания). В связной речи, окрашенной интонацией, сглаживаются временные различия между тонами. Темпоральные изменения внутри предложения являются одним из компонентов его интонационной характеристики и служат, как правило, синтаксическим целям» [9].

При описании интонации выделяются два рода единиц: парадигматические (интономы) и синтагматические (синтагмы, фразы). В 1964 г. В.А. Артемов писал: «Интонома является языковым инвариантом звучащей речи (правилом артикуляции), служащим для различения типов и видов коммуникативных и синтаксических значений предложений в их функции обозначать корреспондирующие типы и виды коммуникаций. Истинными индикаторами собственно языковых характеристик интономы и интонационного инварианта служат частотные, силовые и темпоральные диапазоны, интервалы и уровни, а также общая произносительная энергия».

Проблема дифференциации предикативных и атрибутивных связей с помощью интонационных средств была впервые рассмотрена на примере тонального (китайского) языка в монографии М.К. Румянцева «Тон и интонация в китайском языке». Сама постановка проблемы представляется методологически важной, так как позволяет экстраполировать полученные выводы и на другие тональные языки. В китайском языке, по монографии М.К. Румянцева, предикативные акценты создаются, в основном, за счёт вариации интенсивности, времени звучания и частотных интервалов при реализации тонов. Характеристиками таких акцентов являются:

- особая предикативная пауза между элементами акцентов, которая «акустически» создаётся не столько перерывом в звучании, сколько интонационным соотношением элементов связи;
- повышение интенсивности, увеличение времени звучания и восходящего интервала второго тона в первом элементе;
- интенсивность и время звучания второго элемента; во втором элементе фиксируется иногда и больший интервал второго тона.

«Предикативная синтагма отличается от определительной не распределением акцентов по их элементам, а количественными и качественными характеристиками этих акцентов» [8].

Исследования по фонетике тональных языков, в том числе китайского, всегда представляли большой интерес для лингвистов. Формирование фонетики в Китае началось еще в древности. Тогда возникало множество противоречий относительно фонологического состава языка. Фонетика формировалась в Китае под определённым воздействием буддизма, принёсшего с собой из Индии интерес к звучащей речи и соответственно к поэзии, рифме, мелодике и тону, а также знание принципов индийского алфавитно-слогового письма. Труды по фонетике выполнялись в духе лексикографических традиций.

Н.С. Трубецкой так говорил про китайский язык: «В таких языках наблюдаются интонационные словоразличительные противоположения». В китайском языке каждый слог характеризуется определённым набором акустических признаков – тоном, играющим смысло-различительную роль. «Каждый из полных тонов китайского языка характеризуется также совокупностью определённых признаков:

- направлением движения основного тона (формой тона);
- распределением интенсивности (силы звука) внутри тона;
- частотным диапазоном (высотным интервалом между начальной и конечной точками тона);
- высотой тона;
- временем звучания (долготой тона).

Как известно высота тона определяется количеством колебаний в единицу времени; за единицу обычно принимается секунда. От увеличения числа колебаний тон повышается; уменьшается число колебаний, – понижается и тон. Необходимо знать, связана ли данная реализация по частотному рисунку, диапазону, долготе, интенсивности с интонацией или же есть реализация тональных характеристик слова как такового» [4].

«Тон, несомненно, играет важную роль в формировании общего мелодического рисунка китайского предложения. Но интонация предложения не сводится просто к последовательности тональных характеристик его слогов. На тональной основе в предложении возникают интонационные факторы, характерные только для предложения: различное движение тона от начала предложения к его середине и к концу, различная модальная и эмоциональная окрашенность высказываемого, фразовое и логическое ударение, темпоральные и паузальные характеристики; одну и ту же последовательность тонов говорящий может произнести как утверждение, вопрос, побуждение или восклицание, причем интонационно высказывание может быть представлено как законченное или незаконченное» [9].

М.К. Румянцев также утверждал, что тональные характеристики слогов реализуются в связной речи иначе, чем в отдельном произнесении; фразовая интонация влияет на «интонацию» лексическую и в известной степени подчиняет ее себе. Движение частоты основного тона в китайском языке связано с интонационным и лексическим аспектами. Основной контур движения тона в слогоморфемах и словах связан с лексическим смысловым различием. Деформации же тонального контура снова отсылаются к интонации. Поскольку движение частоты основного тона в очень большой степени абонировано лексикой, на первый план интонации часто выступают другие акустические характеристики, а именно: интенсивность и время произнесения тех или иных единиц. «Китайский тон лишь в изолированном произнесении и в случаях совпадения интонационной тенденции с тональной представляет собой ту полную акустическую структуру, которую обычно приписывают ему исследователи – определенное движение частоты колебаний основного тона, частотный диапазон, характерное распределение интенсивности присущее ему время произнесения. В связной речи часть этих признаков от тона отторгается; они манифестируют там уже не тон, а интонацию. Изменение интонации в китайском языке сводится главным образом к мелодике, то есть к понижению или повышению голоса, при этом в языке существует строгий регламент звуковых повышений и понижений» [8]. Интересным примером, иллюстрирующим это утверждение, является «施氏食獅史» (Shī Shì shí shī shǐ; «История про то, как человек по фамилии Ши поедает львов») – стихотворение, написанное в шутку знаменитым китайским лингвистом Чжао Юаньжэнем. Все 92 слога стихотворения читаются как «ши» в одном из четырех тонов. Текст, записанный на классическом китайском языке, понятен большинству образованных читателей, но скорее в иероглифическом варианте, а не на слух. Более чем 2500-летняя история изменений произношения привела к большой степени омофонии в классическом китайском языке. В результате чего, при произнесении на пекинском диалекте или при записи в фонетической системе, стихотворение становится абсолютно непонятным.

Тоны в китайском языке выполняют свои фонематические функции в пределах слогоморфем. В то же время они играют важную роль в формировании общего интонационного

рисунка в китайском предложении, как уже говорилось. Реализация в связной речи все еще находится в процессе изучения, но существуют общеизвестные правила сочетания тонов, основанные на слуховом и частично экспериментальном материале. Эти правила главным образом касаются характеристики одного тона его частотного рисунка; другие характеристики такие, как долгота, высота, интенсивность, как правило, во внимание не принимались. Кроме того, те или иные видоизменения рисунка тона изучались только в зависимости от влияния на него соседних тонов, препозиционных и постпозиционных. Большое влияние на реализацию тонов в речи оказывает фразовая интонация, логическое выделение слова, его эмоциональная окрашенность, синтагматическое и актуально членение и темп речи.

В тональных языках интонация и тон сосуществуют и взаимно привязаны друг к другу. Даже тоны на правах нуля все равно сохраняют просодию значения. В общелингвистическом плане эта проблема определяется как соотношение акустической субстанции или даже отсутствия таковой (ноль тоновых признаков) и понятийной системы (связь акустики с понятием), описывающий данную речевую реальность. Влияние интонации, как бы сильно оно ни было, не снимает общей фонологической функции тона [6].

Итак, вопрос об эмоциональных интонациях как об отдельном предмете исследования до сих пор остается спорным. «Некоторые исследователи не считают сферу интонационного выражения эмоций предметом лингвистики, подчеркивая универсальность просодических коррелятов эмоций, обусловленную физиологически» [12]. Другие полагают, что все интонационные контуры, используемые в языке для выражения эмоций, можно и следует описывать как модификации «логических». Есть мнение, что лингвистическая классификация эмоций не может быть создана без учета основных теоретических положений психологии эмоций [11].

Интонационная система речи обеспечивает оформление фраз как целостных смысловых единиц, и, вместе с тем, обеспечивает передачу информации о коммуникативном типе высказывания, об эмоциональном состоянии говорящего. Подчеркивая важность интонации в передаче и восприятии смысла, драматург С. Ермолинский в воспоминаниях о М. Булгакове замечает: «Без интонации даже мысль, которую я воспроизводил, кажется, безошибочно, наполовину теряла не только живость, но и полноту еще одного, неуловимого важного смысла» [3].

В настоящее время данная эмоциональная составляющая речи представляет не меньший интерес для лингвистов всего мира, нежели ранее. Накоплен большой объем материалов, посвященных просодии языков различных типологических лиц и генеалогических семей. Многие из них конкурируют и все еще не приходят к единому заключению. Среди видных работ по интонологии можно назвать таких авторов, как Л.В. Златоустова, И.Г. Торсуева, Е.А. Брызгунова, А.М. Пешковский, Л.А. Пиотровская и др. Моя заинтересованность данной проблематикой обуславливается неоднозначностью данной проблемы, необходимостью поиска новых путей ее решения.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 2. М., 2000.
2. Болинджер Д. Интонация как универсалия // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
3. Ермолинский С. Драматические сочинения. М., 1982.
4. Задоевко Т.П., Шуин Х. Основы китайского языка. Вводный курс. М., 1993.
5. Кантер Л.А. Системный анализ речевой интонации. М., 1988.
6. Каплун М.И. Тон, интонация и дефонологизация тонов / Фоннетика и нефонетика: сборник, посвященный 70-летию проф. С.В. Кодзасова. СПб., 2008.
7. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. 1977.

8. *Румянцев М.К.* Тон и интонация в современном китайском языке. М., 1972.
9. *Румянцев М.К.* Фонетика и фонология современного китайского языка. М., 2007.
10. *Румянцева И.М.* Психология речи и лингвопедагогическая психология. М., 2004.
11. *Светозарова Н.Д.* Интонационная система русского языка. М., 1982.
12. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
13. *Успенский Б.А.* Проблема универсалий в языкознании. Вып. 5. М., 1970.
14. *Хромов С.С.* Типологическое многообразие языковых структур. М., 2012.
15. *Хромов С.С.* Интонация в системе языка и проблемы методического прогнозирования. М., 2000.

Инь Сяо

Аспирант

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

E-mail: superazhen@hotmail.com

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ

Е.А. Стародубцева

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования синхронного перевода научных дискуссий с русского языка на английский и с английского языка на русский. Было показано, что неотъемлемым условием содержательной и функциональной эквивалентности текстов оригинала и перевода является сохранение жанровой специфики научной дискуссии в тексте синхронного перевода. Одной из главных трудностей синхронного перевода является необходимость вероятностного прогнозирования. Чтобы обладать способностью такого прогнозирования, переводчик должен сам разбираться в теме. Научные дискуссии – особый вид дискурса, стоящий на стыке специального научного и разговорного, что неизбежно вызывает дополнительные сложности и требует от переводчика максимальной собранности и быстроты реакции.

Ключевые слова: научная дискуссия, синхронный перевод, вероятностное прогнозирование, эквивалентный перевод.

ANALYSIS OF THE CHARACTERISTICS OF SIMULTANEOUS INTERPRETING OF SCIENTIFIC DISCUSSION

E.A. Starodubtseva

Abstract. The article presents the results of studying the simultaneous interpretation of scientific discussions from Russian into English and from English into Russian. It was shown that to preserve the genre of the scientific discussion via simultaneous interpretation is an essential condition for the substantive and functional equivalence of the original and translation texts. One of the main difficulties of simultaneous interpretation is the need for probabilistic forecasting. To be able to predict this, the interpreter should understand the topic. Scientific discussions are a special type of discourse that stands at the junction of special scientific and colloquial ones, which inevitably causes additional difficulties and requires maximum concentration and minimum perception reaction time.

Keywords: scientific discussion, simultaneous interpreting, probabilistic forecasting, equivalent translation.

Синхронный перевод является, безусловно, самым сложным видом устного перевода. Он сопряжен с огромной ответственностью переводчика, а также требует значительного умственного напряжения. Далек не каждый человек, даже идеально владеющий иностранным языком, может выполнять синхронный перевод. В связи с этим, изучение его специфики является крайне важным в современном мире, тем более что потребность в переводчиках-синхронистах все время растет.

Необходимость в синхронном переводе возникает при проведении мероприятий с участием большого числа людей, не владеющих единым языком. Синхронный перевод осуществляется благодаря специальному оборудованию, позволяющему выступающему с речью человеку не делать паузы для выполнения переводчиком перевода ранее сказанного. Это отличает синхронный перевод от перевода последовательного. Сама возможность осуществления синхронного перевода объясняется тем, что более половины слов в любом языке не содержат никакой новой информации, и часть из них вообще может быть опущена при переводе.

Научная дискуссия – один из важнейших каналов, посредством которых осуществляется коммуникация в области науки между разноязычными учеными. Осуществление синхронного перевода научных дискуссий – отдельная тема для рассмотрения, так как научная дискуссия сопряжена с необходимостью точной передачи идеи каждого из говорящих, чтобы между участниками не возникло недопонимания. Именно от компетентности синхронного переводчика зависит во многом эффективность коммуникации на научной конференции или форуме.

Для перевода научных дискуссий в синхронном режиме переводчик должен быть компетентным как в сфере переводческой деятельности, так и в теме, обсуждаемой на дискуссии. Он должен уметь справляться со всеми трудностями, возникающими в процессе перевода. Такие трудности могут носить языковой, психологический или технический характер. В рамках настоящей статьи проведен анализ некоторых особенностей синхронного перевода научных дискуссий на примере записи реальных дискуссий, чтобы показать, как на практике осуществляется их синхронный перевод.

Материалом для практического исследования послужили тексты двух научных дискуссий (на русском и на английском языке), а также записи их синхронных переводов, выполненных несколькими переводчиками. Первая научная дискуссия посвящена проблемам неврологии. Вторая анализируемая научная дискуссия, приведенная на русском языке, посвящена проблемам ветеринарии. Перевод осуществлялся профессиональными синхронными переводчиками.

Все анализируемые дискуссии носят спонтанный характер, то есть не представляют собой чтение «с листа». Напротив, они являются примерами живого общения специалистов по конкретной научной тематике. Изначально были сделаны записи на магнитной ленте, но позже были переведены в письменную форму с отражением всех языковых особенностей и пауз. Паузы отражены в виде многоточий, заключенных в слэш (/.../). Также через слэш приводятся повторы и правки в речи ораторов или переводчиков.

При проведении практического анализа описываются языковые особенности и частично психологические особенности синхронного перевода научных дискуссий, так как отследить технические сложности не представляется возможным.

Целью рассмотрения одного из отрывков анализируемых дискуссий на русском языке и его перевод на английский язык является исследование передачи на язык перевода особенностей разговорной речи, а также грамматических структур высказывания на исходном языке.

«Например, известно, что мы /.../ развели/разработали целый ряд моделей экспериментальных болевых синдромов, но /.../ и /.../ известно, что /.../ антиноцептинная система, и вот те /.../ болевые системы, от которых /.../ гибнут животные в полном смысле этого слова /от болевого шока/. Они остаются совершенно нормальными и /.../ внешне они /...//. У них поведение нормальное, если мы активируем антисистему, антиноцептинную структуру, соответствующую данному участку, соответствующую данной патологической детерминанте».

«For example, it is known that we have /.../ de/developed a number of experimental models of pain syndromes and we know that /.../ there is an antinosyseptive systems. So /.../ some animals die of pain shock and nothing in their behavior changes if we succeed in activating the corresponding antisystem, which corresponds to the /.../ to the given pathological determinant».

Выполненный перевод характеризуется удачной передачей основного смысла исходного сообщения. Переводчик сумел одновременно произвести все необходимые правки текста оригинала. При переводе разговорных особенностей речи оратора переводчик сумел изменить грамматическую структуру высказываний при их развертывании. При этом переводчик-синхронист сталкивался с необходимостью выбора лексических эквивалентов, выбора структуры, передачи хезитаций-самоперебивов и разрывов конфигураций. Рассмотрим, как удалось справиться с каждой из обозначенных проблем.

В оригинальном тексте используется: «...известно, что мы /.../ развели / разработали целый ряд моделей...». Мы видим два разных глагола – «развели» и «разработали». Переводчик, исходя из предыдущего контекста (когда речь идет о разработке моделей), выбирает слово «разработали» для передачи на английский язык. Он переводит это слово как «developed».

Изменение грамматической структуры исходных высказываний при переводе дискуссий – обычное явление. У него есть как объективные, так и субъективные причины. К объективным причинам можно отнести изначально неверную структуру исходного текста, так как у ученых ограничено время на обдумывание фраз. Кроме того, быстрый темп их речи не способствует строгой нормализации фраз. К субъективным причинам ошибок в оригинальном тексте, подлежащим переводу переводчиком-синхронистом, можно отнести то, что в процессе говорения ученый волнуется и стремится к тому, чтобы убедить аудиторию в преимуществе того или иного метода исследования. В связи с этим он старается использовать такое слово, которое будет более убедительным и ярче выразит мысль. Поэтому он колеблется, делает выбор, дает несколько разных слов, а затем выбирает одно из них.

В прогнозировании при переводе такие хезитации, паузы говорящего помогают переводчику-синхронисту, создавая равные условия оратора и переводчика, позволяя переводчику во время пауз найти подходящее слово и правильно организовать свое сообщение.

К примеру, в приведенном выше отрывке мы встречаем: «... Они остаются совершенно нормальной и /...// внешне они /...// У них поведение нормальное...». Объединяя диффузный смысл спонтанной речи, переводчик передал смысл сообщения ясно и понятно: «and nothing in their behavior changes».

Если бы переводчик шел вслед за оратором, то это бы повредило качеству перевода. За время хезитаций-самоперебивов оратора переводчик успевае сделать все возможные пере-становки, тем самым сохраняя смысловой вариант на языке перевода.

Разрыв конфигураций также актуален при переводе рассматриваемого отрывка.

В оригинале встречается: «но /.../ и /.../ известно, что /.../ антиноцептинная система, и вот те /.../ болевые системы, от которых /.../ гибнут животные в полном смысле этого слова / от болевого шока/».

В представленном варианте перевода был передан основной смысл спонтанной речи говорящего. Было пропущено ложное начало (...и вот те /.../ болевые системы), передача которого помешала бы дальнейшему прогнозированию текста перевода.

Приведем еще один пример:

«... и я хотел бы // пользуясь случаем // хотел бы сказать здесь по поводу доклада док-тора Знарк. У нас, // у меня с вами совершенно однозначные в этом смысле данные имеются».

«And let me take this opportunity to say a few words on the report of Doctor Znarok. I /.../ have /.../ largely the same data».

И в данном примере разрыв конфигураций (...и я хотел бы // пользуясь случаем // хо-тел бы сказать здесь) в исходном предложении передается в исправленном виде.

Приведем еще один пример синхронного перевода. В данном случае синхронный пере-вод осуществляется с английского языка на русский.

«But we // a neuropsychologist by name R.E. tested our patients and /.../ he found that /.../ in every single patient the is the so called «Cocktail Party Effect». This is a kind of a glib term, but what it means is that /.../ such patients /.../ can not / can not distinguish between multiple specially oriented sound sources. The cocktail party/ party /.../ that means that /.../ you can // at the cocktail party one can talk with someone and overhear conversations and understand them, at one side of you. But that is not possible for patients with /.../ interotemporal lobectomy in the contralateral hemisphere».

«Однако /.../ нейрпсихолог доктор Е. обследовал наших больных, и /.../ буквально у каждого обнаружил так называемый “Эффект вечеринки”. Это разговорное выражение,

но оно означает, что /.../ такие больные не способны различать множественные специально ориентированные источники звука. Термин “вечеринка” означает, что /...// На такой вечеринке человек может беседовать с кем-либо и одновременно слышать и понимать разговоры, происходящие вокруг него. Однако это невозможно для больных, которым была сделана интентомоторная лобэктомия в контрлатеральном полушарии».

Приведенный отрывок из дискуссии – яркий пример спонтанного общения. При этом забота о форме выражения у говорящего ослаблена, а потому продуцируемая речь становится упрощенной, в ней все чаще начинают использоваться так называемые «лишние» слова, то есть повторы, что обусловлено динамикой устной речи. Повторы появляются тогда, когда план выражения отстает от плана содержания, и говорящий не успевает найти новую форму словесного воплощения своих мыслей в спонтанной эмоциональной речи и вновь прибегает к старой форме. Повторы также позволяют восстановить целостность мысли, нарушенную введением дополнительной информации, а также помогают сосредоточить внимание на опорных пунктах изложения.

В результате выраженных самоперебивов (к примеру, *The cocktail party/ party /.../ that means that /.../ you can // at the cocktail party one can talk*) оратор перестраивает начатое высказывание, а в части, следующей за обрывом, изменяется либо содержание сообщения, либо способ выражения такого сообщения. В данном примере явно меняется способ выражения, что создает дополнительные трудности для синхронного переводчика.

Как видно из приведенного примера, говорящий на английском языке оратор в своей спонтанной речи часто использует союзы «and» и «but». Можно предположить, что это вызвано общей нерасчлененностью спонтанной речи. В английской спонтанной речи именно эти союзы используются в качестве средства, вводящего предложение, в гезитациях-самоперебивах (например, *But we // a neuropsychologist*). Часто такие союзы применяются ораторами во время многочисленных попыток перестроить неудачно начатую фразу, что создает определенную трудность для синхронного переводчика.

В приведенном выше примере обращает на себя внимание перевод термина «*Cocktail Party Effect*». Необходимо отметить, что переводчик нашел удачное соответствие на русском языке – «*Эффект вечеринки*». Он принял удачное решение при переводе языкового изобретения оратора и, исходя из знания области науки, предмета речи, смог правильно передать смысл термина.

Как уже упоминалось, спонтанной научной дискуссии присущи длинные предложения – как сложносочиненные, так и сложноподчиненные. Можно привести множество примеров удачного перевода сложных предложений при осуществлении перевода научных дискуссий. Рассмотрим еще пример:

«Значит, экспериментальные исследования, конечно, вносят существенных вклад в клиническую медицину, в эту очень запутанную и сложную медицинскую проблему, и, мне кажется, что те модели, которые сегодня представил в своем докладе Г.Н.Р., они, безусловно, должны быть адаптированы к задачам, /.../ которые стоят перед проблемой неврозов, и они отвечают на эти вопросы».

«Of course, experiments contribute a lot to the clinical medicine to this heavy, intricate and complicated problems. It seems to me that the models that have been presented by G.R. today in his report, no doubt have to be adapted // to be used to solve tasks faced by those who investigate nervousness».

Как мы видим, переводчик решает проблему перевода сложных синтаксических конструкций за счет построения логически согласованной последовательности нескольких предложений на языке перевода. Если бы переводчику-синхронисту пришлось переводить зачитываемое выступающим сложное предложение, то качество перевода и полнота передачи смысла исходного текста были бы более низкими по качеству.

Одним из условий, обеспечивающих синхронный перевод спонтанного речевого общения, является знание переводчиком предмета речи или некоторое предварительное знакомство с предметом речи. Если перевод ведет квалифицированный переводчик-профессионал, то частая повторяемость тематических компонентов в тексте помогает ему.

Успешный синхронный перевод может осуществить только синхронист, хорошо знающий предмет речи. Уровень его подготовки особенно важен при переводе спонтанных научных дискуссий, так как синхронный перевод спонтанной научной речи кроме сложностей, связанных с самим этим видом речевой деятельности, создает дополнительные трудности, которые связаны со своеобразием жанра научной дискуссии. Приведем перечень таких трудностей:

- изменение грамматической структуры высказываний при их развертывании;
- использование незаконченных фраз, которые в устной речи часто заканчиваются мимикой или жестом;
- использование грамматически неправильно оформленных фраз;
- использование разговорных слов и выражений;
- неправомерная конденсация сообщаемого содержания.

Указанные характеристики разговорной речи представляют определенную трудность для переводчика в процессе нахождения соответствий в исходном языке в экстремальных условиях.

С одной стороны, может показаться, что легче перевести спонтанную речь из-за большого количества разговорных слов и выражений, но с другой – определенную трудность представляет перевод перечисленных характеристик разговорной речи в сжатые сроки при синхронном переводе. Поэтому переводчик в максимальной степени пытается использовать паузы в речи говорящего для осуществления соответствующих перестановок и проговаривания своего текста.

В условиях живого общения говорящий, как правило, не затрудняет себя соблюдением логической четкости структуры произносимых фраз. Это мешает говорящему правильно строить свои высказывания.

Так как научная дискуссия проходит в пределах одной тематики, ее основной характеристикой является единство семантико-смысловой структуры, общность и единство предметного содержания высказываний на протяжении всей дискуссии. С точки зрения восприятия текста дискуссии в условиях синхронного перевода, особенно важной становится семантико-смысловая связность и повторяемость компонентов в сообщении. Именно данные качества придают тот дополнительный уровень избыточности, который допускает более полное включение механизма вероятностного прогнозирования. Рассмотрим показательный пример:

«Спасибо большое за этот вопрос. Я /.../ не имел возможности его поставить и развить его. Дело в том, что /.../ действительно любая патологическая система имеет /.../ антисистему, свой физиологический антипод, который ее подавляет, и это закономерность /.../, которая относится к принципу антагонистической регуляции. Это общий биологический принцип антагонистической регуляции, он действует и в норме – в условиях физиологии. Любая /.../ система, любой нейрон, любая функциональная структура имеет свой физиологический, свой функциональный антипод. Точно также имеет и // такой же антипод имеет и патологическая система, и это можно показать было на разных // на/на разнообразных формах той экспериментальной патологии, которую я вам здесь демонстрировал».

«Thank you for your questions. I did not have an opportunity to put that question myself and elaborate on it. Indeed every pathological system has an antsystem, its physiological antipode, which depresses it // which suppresses it (I beg your pardon) and this is related to the principle of antagonistic regulation. This principle is also effective in normal conditions in the physiology con-

ditions. Every functional system has its /.../ functional antipode and the same as to of pathological systems and this can be shown on different experimental data».

Как видно из примера, избыточность в спонтанной речи ученого очень высокая. Часто повторяются такие слова, как: *система, антисистема, антипод, принцип, регуляция, антагонистическая, физиология*. Переводчик-синхронист в таком случае очень активно включаются в механизм вероятностного прогнозирования, что обеспечивает успешное осуществление перевода.

В прогнозировании переводчику помогает хорошая или хотя бы некоторая тематическая подготовка. Услышав «...любая патологическая система имеет...», переводчик совершенно правильно, без затруднения прогнозирует «*antisystem*» (*антисистему*) и дальше «*antipode*» (*антипод*). Поскольку в дискуссии часто повторяется «*принцип антагонистической регуляции*», после «...и это закономерность, /.../ которая относится к принципу...», переводчик прогнозирует «*antagonistic regulation*» (*антагонистическая регуляция*). Специалист знает, что «*принцип антагонистической регуляции*» действует как в норме, так и патологии. Оратор говорит: «*Это общий биологический принцип антагонистической регуляции, он действует и в норме, в условиях...*», для переводчика нетрудно прогнозировать слово «*физиология*» – «*в условиях физиологии*». Дальше, после отрывка «*Любая /.../ система, любой нейрон, любая функциональная структура, имеет свой физиологический, функциональный антипод*» – после слова «*функциональный*» прогнозируют слово «*структура*», а «*функциональная структура*» может иметь свой функциональный «*антипод*»:

Every functional system has its /.../ functional antipode.

Приведем еще один пример из дискуссии. На этот раз синхронный перевод осуществляется с английского языка на русский:

«Let me/ Let me just define it somewhat /.../ a little more carefully. Number/number one is that, during interictal activity /.../ recorded at the scalp or in a depth /.../ often /.../ at the scalp being unilateral, always in the depth being bilateral in the limbic structures. There were no clinical /.../ symptoms or sings. Now these are /.../ what we call /.../ subclinical limbic system seizures /.../ without any sing or symptom /.../ and these consist of long trains of rhythmical activity of the tape that I have showed. But only /.../ for instance /.../ involving hippocampus and never, never, never any other structure outside of it, never any propagation elsewhere, and these people have even been tested with the magnetized abacus, that you people use /.../ and there was never any interruption in their performance with the abacus».

«Позвольте мне дать более точное объяснение. Во-первых, в течение интериктальной деятельности она регистрировалась либо на скальповых электродах, либо на глубинных /.../ чаще всего скальповые электроды были односторонними, а глубинные /.../ были только двусторонними. Вот так называемые доклинические лимбические системные припадки. Они представляют собой /.../ длинную цепь ритмической деятельности. Они охватывают гипокамп и не распространяются на другие участки. Больных/больным в качестве теста давали намагниченные счеты, и они прекрасно манипулировали ими».

В этом отрывке дискуссии, как и в других ее частях, избыточность очень высокая. Часто повторяются такие слова, как *scalp, depth, sing, symptom, activity, seizures, limbic structure*. После появления слова «*limbic*» переводчики без затруднения прогнозируют слово «*structure*», слово «*interictal*», как правило, требует слова «*activity*», а после словосочетания «*subclinical limbic system*» прогнозировать можно только «*seizures*».

Высокий уровень избыточности в научной дискуссии обусловлен суженным тематическим кругом научного общения, исходит из единства темы обсуждаемых вопросов. Частая повторяемость тематических компонентов в тексте дискуссии помогает переводчику в работе.

Из всех приведенных выше примеров можно убедиться также в том, какое значение имеет хорошая подготовка переводчика для успешного осуществления синхронного перевода.

Также важно описать передачу оценочного компонента в условиях синхронного перевода научных дискуссий. Уже было сказано о том, что научная дискуссия несет в себе большую эмоциональную нагрузку, связанную с личностной оценкой ученым того или иного факта или явления. В дискуссиях эмоционально-субъективная оценка проявляется гораздо сильнее, чем в других жанрах научной коммуникации, что способствует употреблению многих эмотивных средств, которые являются неотъемлемыми признаками разговорной речи.

При переводе научных дискуссий, безусловно, возникает вопрос о сохранении эмоционального содержания высказываний, так как принцип адекватности перевода требует максимально полной передачи языкового богатства исходного текста, всех его стилистических особенностей и выразительных средств.

Одним из источников эмоциональности научной дискуссии является полемический характер обсуждаемых проблем. Утверждая, разъясняя и отстаивая свою точку зрения, а также критикуя точку зрения своих коллег, ученый опирается не только на систему строгой аргументации, но и на силу эмоционального воздействия и своеобразие самой ситуации прохождения научной дискуссии – это живое, непосредственное общение – находит выражение в языке ученого.

С одной стороны, при синхронном переводе и в условиях острого дефицита времени, сохранение эмоционального фона отдельных реплик и, следовательно, всей научной дискуссии – сложная задача, так как, во-первых, в разных языках не совпадают экспрессивные средства, а во-вторых, экспрессивные средства в спонтанной речи в ходе рассуждений порождаются также спонтанно, как и сам текст дискуссии. С другой стороны, именно сохранение эмоционального фона дискуссии ведет ученых к должному результату, то есть – к взаимопониманию. Иначе нет необходимости проводить научную дискуссию, и спорные вопросы, возникающие при прослушивании докладов, остались бы нерешенными.

Сохранение эмоционального фона высказываний при переводе с исходного языка на язык перевода особенно важно тогда, когда ученый оценивает то или иное направление в науке, те или иные результаты исследования, так как для дальнейшего понимания речи ученого очень важно знать его позицию, его отношение к объекту обсуждения.

Принято различать эмоциональную оценку и оценку интеллектуальную. Эмоциональная оценка выражена с помощью разнообразных эмоциональных ресурсов языка и позволяет передать отношение говорящего к предмету или явлению с точки зрения чувственного восприятия. Интеллектуальная оценка всегда основана на рациональном изучении объекта.

Оценочная лексика в анализируемом в настоящей работе материале представлена такими качественными прилагательными, как *important, significant, effective, valuable, beautiful, special, difficult, big, slow, extensive*/ *важный, эффективный, ценный, красивый, особый* и т.п. Прилагательные имеют естественную способность выразить оценочное отношение: положительную или отрицательную характеристику объекта.

Приведем показательный пример.

«Профессор Карел Гехт с каждым разом дает нам не только шире, но и довольно все глубже и глубже вникает в эти механизмы патологических состояний и то, что сегодня мы опять слышали вот это /.../ доклад совместно с Эме, значит, вот тут ясно субстанция П /.../ она играет какую роль во всем этом? Единственное, что хочется пожелать профессору Карелу Гехту, скорее дать клиническое // понимание // подтверждение всех этих данных. Я глубоко убежден, что они находятся на этом пути, но об этом уже хочется слышать! / Уже хочется слышать».

Данный отрывок, безусловно, преисполнен эмоциональности. Поэтому немаловажно проследить, как такая специфика представленного текста отражена при синхронном переводе дискуссии.

«Professor Karl Heht gives us each time a broader and deeper understanding and / insight into the mechanisms of the pathological conditions / and the fact that today we have heard /.../ in the report I think that substance “P” is of a leading role in all this. Whatever I would like to wish professor Karl Heht, that he should give us a clinical corroboration of these data. I’d like to hear it confirmed properly».

Представленный перевод можно назвать эмоционально насыщенным. Возможно, он даже более жесткий, чем исходный текст.

Результаты исследования показывают, что неотъемлемым условием содержательной и функциональной эквивалентности текстов оригинала и перевода является сохранение жанровой специфики научной дискуссии в тексте синхронного перевода.

Одной из главных трудностей синхронного перевода является необходимость вероятностного прогнозирования, ведь чаще всего синхронный переводчик не предполагает, чем закончится та фраза, начало которой он переводит. Переводчик должен предположить с максимальной степенью вероятности, что именно хочет сказать оратор тем или иным предложением. Чтобы обладать способностью такого прогнозирования, переводчик должен сам разбираться в теме мероприятия. Кроме того, работа переводчика в режиме синхронности всегда требует постоянной мобилизации его внимания и непрерывного говорения. Еще одна трудность синхронного перевода сопряжена с реакцией переводчика, вернее, с его реактивностью. Синхронисту приходится ежесекундно мгновенно реагировать на слова и словосочетания, воспринимаемые на слух.

Отличное знание двух или нескольких языков не может быть неизменным условием успеха синхронного переводчика. Таким условием является, скорее, наличие у него объемного запаса эквивалентных пар лексических единиц, которые связаны между собой знаковой связью, позволяют переводить не через анализ или синтез, но в плане модели «стимул – реакция».

Библиографический список

1. Бенедиктов Б.А. Основные вопросы психологии устного перевода. М., 1990.
2. Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. Приемы. Навыки. Пособия. М., 2001.
3. Виссон Л. Синхронный перевод. М., 1998.
4. Купцова А.К. Английский язык: устный перевод: учебное пособие для вузов. М., 2019.
5. Problems of Simultaneous Interpreting of Scientific Discussion | Dr. Nelly Chachibaia, Centre for Translation Studies, University of Surrey. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED458798.pdf> (дата обращения: 23.04.2020).

Е.А. Стародубцева

Кандидат педагогических наук, доцент

Доцент кафедры иностранных языков

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: _Starodubtseva.E@mfua.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ М. ТВЕНА)

А.А. Кучмина

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей перевода комических текстов с английского языка на русский на материале произведений Марка Твена, а также рассмотрению авторских приемов создания комического текста в оригинале. В работе освещаются переводческие трансформации и их применение. Проблема специфики перевода комических текстов актуальна в наше время, так как это одна из самых сложных и малоисследованных областей в переводе художественной литературы на русский язык. Цель статьи – анализ переводческих трансформаций при переводе комического текста с английского языка на русский и рассмотрение авторских приемов создания комического текста. Сделан вывод о том, что при верном применении различных переводческих трансформаций, для перевода комического произведения необходимо: добиться адекватности и максимальной точности; соответствия оригиналу не только лексически, но и стилистически; воссоздать при переводе такое же эмоциональное воздействие на читателя, какое задумывал автор оригинала; соблюсти авторскую культурную манеру и стиль.

Ключевые слова: перевод, трансформации, комизм, язык, литература.

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF COMIC TEXTS (BASED ON MARK TWAIN'S STORIES)

A.A. Kuchmina

Abstract. This article deals with the study of the peculiarities of translating humor texts from English into Russian based on the works of Mark Twain, as well as analyzes the author's methods of creating a comic text. Relevance: this article covers translation transformations and their application. The problem of the specifics of translating comic texts is relevant in our time, as it is one of the most difficult and least studied areas in the translation of foreign fiction into Russian. Objectives: to analyze translation transformations in the translation of a comic text from English into Russian and to consider the author's techniques for creating a comic text. It is concluded that with the correct application of various translation transformations, in order to translate a comic text, it is necessary: to achieve adequacy and maximum accuracy in translation; to match the original not only lexically, but also stylistically; to recreate the same emotional impact on the reader as the original author intended; to observe the author's cultural manner and style.

Keywords: translation, transformations, humor, comic, language, literature.

Чтобы плохие произведения стали лучше, их
нужно талантливо перевести на другой язык

Владимир Голобородько, журналист, афорист

Перевод – очень сложное и кропотливое искусство. «От художественного перевода мы требуем, чтобы он воспроизвел перед нами не только образы и мысли переводимого автора, не только его сюжетные схемы, но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль. Если эта задача не выполнена, перевод никуда не годится. Это клевета на писателя, которая тем отвратительнее, что автор почти никогда не имеет возможности опровергнуть ее», – писал в своей книге «Высокое искусство», мастер художественного перевода К.И. Чу-

ковский [9, с. 19–20]. Посему именно переводчик художественного произведения должен воссоздать при переводе то эмоциональное воздействие, которое рассчитывал передать своему читателю автор оригинала. В переводе художественной литературы комическим текстам отведена особая роль с не менее творческим и трудным процессом создания «переводческого шедевра». Иногда адекватно передать юмор не представляется возможным. Это может быть вызвано отсутствием навыка, опыта или мастерства переводчика, а также сложностью передачи мысли по причине языковых или культурных расхождений. Для того, чтобы передать смысл и идею текста, недостаточно использовать только грамматические средства, но также необходимо учитывать особенности национального быта, традиций и культуры. Ведь именно перевод художественных произведений гордо несет звание самого ценного из видов, олицетворяя и обеспечивая «межкультурный диалог». В данной статье рассматриваются языковые особенности перевода комических текстов на материале юмористических произведений М. Твена, а также приемы, которые сам автор использовал при создании комического оригинала.

Для начала, предлагаю обратиться к истории и немного к психологии. Этимологию слова «юмор» очень хорошо раскрыл в своем труде Род А. Мартин (Rod A. Martin) – профессор психологии в Университете Западного Онтарио, специализирующийся на клинической психологии. Его исследования фокусируются на природе и функциях юмора и смеха, а также на их отношении к психологическому здоровью и благополучию. «Юмор (англ. “humour” – причуда, настроение, нрав, комизм, юмор) – умение представить события, недостатки, слабости в комическом виде, добродушный смех с серьезной подоплекой. Слово “юмор” произошло от латинского слова “humorem”, означающего “текучий” или “жидкий”» [3, с. 42]. Конечно, оно и по сей день сохраняет свое исконное значение и используется в физиологии для обозначения жидкостей организма, таких как «*vitreous humor*» (стекловидное тело человеческого глаза) или «*aqueous humor*» (жидкость, заполняющая камеры глаза за роговицей и перед хрусталиком). Древнегреческий целитель и так называемый «отец медицины» Гиппократ (IV в. до н.э.) считал, что хорошее здоровье зависит от правильного баланса четырех «жизненных соков» организма – крови, лимфы, черной и желтой желчи. Его коллега, древнеримский хирург и философ Элий (Клавдий) Гален (II в. н.э.), утверждал, что эти жидкости обладали такими специфическими свойствами, что избыток любой из них в организме человека формировал индивидуальную психофизиологическую особенность личности, а именно – тип его темперамента. Например, преобладание «лимфы» делает человека спокойным и медлительным флегматиком, превосходство «черной желчи» – грустным и боязливым, в какой-то мере депрессивным меланхоликом. «Желтая желчь» формирует истеричность и хамоватость в холерике, ну, а за темперамент жизнерадостного юмориста сангвиника отвечает «кровь». Помимо того, что вышеупомянутые элементы жидкостей в организме руководят формированием черт характера, они также являются причиной изменения настроения.

В английском языке слово «*humour*» также может обозначать настроение. Например, словосочетание «*good humour*» (синоним «*good mood*», добродушный человек «*good-humoured*») переводится как «хорошее настроение», а «*bad humor*», как «не в духе, в дурном/плохом настроении». Таким образом, будучи обозначением жидкой субстанции из области физиологии, слово «юмор» постепенно перетекло в психологию. Однако до XVI в. оно все еще не рассматривалось в значении «забавный» и ассоциировалось не со смехом, а скорее с человеком несбалансированного темперамента или с чертой личности, то есть определяло любое отклонение от социальных норм. «Таким образом, слово “humour” стало использоваться для описания странного, эксцентричного или экстравагантного человека. Поскольку такие люди часто считались смешными или служили объектами насмешек, это явилось маленьким шагом к установлению связи юмора с забавностью и смехом и введению этого понятия в сферу комизма. В конце концов, странного или экстравагантного человека, который был объектом

насмешек, стали называть “юмористом”, тогда как “человеком с чувством юмора” был тот, кому доставляло удовольствие подражать странностям юмориста. Таким образом, юмор стал рассматриваться как талант, предполагающий наличие способности смешить других. Однако лишь в середине – конце XIX в. термин “юморист” приобрел современное значение человека, который создает продукт, называемый “юмором”, чтобы развлечь других» [3, с. 42–43].

Большинство исследователей считают, что жизнерадостный сангвиник Сэмьюэл Лэнгхорн Клеменс (Samuel Langhorne Clemens), или в простонародье Марк Твен (Mark Twain), стал одним из первых юмористов в этом «современном смысле», несмотря на тяжелую судьбу, схожую по трагичности с судьбой испанского драматурга Лопе де Вега. Твен пережил потерю трёх из четырёх детей и смерть жены Оливии, но в свои поздние годы, находясь в глубокой депрессии, он всё ещё мог шутить. Весь его жизненный опыт – от работы рудокопом в Неваде или репортером в Сан-Франциско до становления как «книжного писаки и непоколебимого столпа» [1] (так он себя называл в своей автобиографии «The autobiography of Mark Twain») – нашел отражение в его творчестве. Марк Твен по праву считался юмористом, который искусно мог передать национальный колорит, ведь фундаментом его произведений служил западный фольклор США 1830-х гг.

«Юмористическую историю о прыгающей лягушке (“The Celebrated Jumping Frog of Calaveras County” (1865)) он услышал, работая шахтером на золотых приисках Калифорнии. Под его пером этот кочующий фольклорный сюжет превратился в рассказ, который “слушали с восторгом, точно какую-нибудь легенду Гомера или северную сагу”. Мы не оговорились – слушали, именно слушали, ибо Марк Твен начал выступать с юмористическими чтениями, которые собирали полные залы и пользовались бешеным успехом» [1]. В рассказе о журналистике в Теннесси («Journalism in Tennessee», (1869)) воссозданы буйные нравы Дикого Запада и личные впечатления Твена, полученные им при работе репортером в газете «The morning call» в Сан-Франциско.

Основами создания комизма в произведениях Твена являются лексико-стилистические (сленг, вульгаризм, просторечие или даже богохульство) и лексико-семантические приемы (метафоры, гипербола, эвфимизм, каламбур или так называемая игра слов). Творчество Твена – это в первую очередь искусство гротеска – изображение чего-либо в фантастическом, уродливо-комическом виде, – основанное на резких контрастах и преувеличениях. Считалось, что литература того времени должна быть высокой, в какой-то мере философской, изящной. У Твена же попадалась, мягко говоря, грубоватая жаргонная лексика, а «изящество и высота» беспощадно осмеивались, да и рассказы его больше напоминали анекдоты.

Важно отметить, что прежде чем браться за любого иностранного автора художественной литературы, в частности, за очерки Твена, необходимо «точно установить для себя стиль этого автора, систему его образов, ритмику» [9, с. 147], то есть изучить авторский текст и его манеру.

Перейдем к практике и обратимся к наглядным примерам лексико-стилистических приемов, которые использовал в своих творениях Твен. Особую дерзость его произведениям предавал сленг. Например:

1. «*What, **huzzy!** Is this my reward for the august fortune my brain has wrought for thee?*» («A medieval romance») – «*Что, дерзкая девчонка! И это награда мне за ту высокую судьбу, которую я уготовил тебе?*» («Средневековый роман», перевод Н.Л. Емельяникова). Здесь при переводе был использован принцип замены табуированного сленга – эвфимизация. Слово «**huzzy**» переводится как «женщина сомнительного, развязного поведения». Емельяникова подобрала более мягкий эквивалент «*дерзкая девчонка*».
2. «*Say – if you give me more of your **sass** I’ll take and bounce a rock off’n your head*» («The Adventures of Tom Sawyer») – «*Поговори еще у меня, я тебе голову кирпичом разобью!*» («Приключения Тома Сойера», перевод Н.Л. Дарузес). При переводе был использован

принцип генерализации, то есть замены. Слово «*sass*» переводится как «дерзость, нахальство» или «огрызаться». Дарузес решила заменить данное слово словосочетанием, подобрав отличный эквивалент в русском языке «поговори мне еще».

Также, в произведениях Твена встречаются богохульства, которые являются междометиями и используются для передачи экспрессивности и эмоционально-волевой реакции персонажа на окружающую действительность и их также можно смело дословно переводить: «*An' when I heah dat dey gwyne to sell us all off at oction in Richmon', oh, de good gracious!*» («*A true story. Repeated word for word as I heard it*») – «*Как услышала я, что она повезет всех нас в Ричмонд на аукцион – господи боже ты мой!*» («*Правдивая история, записанная слово в слово, как я ее слышал*», перевод К.И. Чуковский).

Диалектизм, который Твен использует не раз в своих произведениях, чтобы представить либо южный диалект афроамериканца или речь маленьких нищих и необразованных детей, вносит определенный эмоциональный окрас, придает особую реалистичность и комизм творениям, даже несмотря на то, что чтению они поддаются не с первого раза. «...Он не то, “чтобы знал Америку”, не то, чтобы “изучал Америку”, он впитал Америку в себя, и жизнь его была “самая американская” и творчество его было “самое американское@ изо всех» [5] – так К.И. Чуковский писал о Твене.

Зачастую переводчику приходится раскрывать мысль автора несколько шире: «*Fifty thousand demons! Child, I am in arrears for my board!*» («*The Capitoline Venus*») – «*Дитя мое, мне даже за стол и квартиру нечем заплатить!*» («*Венера Капитолийская*», перевод Н. Дарузес). В данном примере переводчик поняла, что читателю будет непонятен дословный перевод идиомы, и поэтому использовала прием описательного перевода, объяснив, что у героя очень большие долги и он не в силах не только найти денег на пищу на столе, но и на квартиру (выражение «*to be in arrears*» – «*быть в долгу*», а «*board*» – «*пища, питание, стол*»).

«*The King chafed bitterly over the stupendous indignity thus put upon his royalty, but Hendon was moody and taciturn*» («*The Prince And The Pauper*») – «*Король горько жаловался на оскорбление его королевского достоинства, но Гендон был угрюм и молчалив: он был слишком потрясен*» («*Принц и нищий*», перевод Н.Л. Дарузес). Переводчик здесь также решила воспользоваться описательным переводом, чтобы показать эмоциональность, усилив предложение пояснением «*он был слишком потрясен*».

Теперь рассмотрим лексико-семантические авторские приемы передачи и их перевод.

Метафора – самый популярный художественный троп в литературе, к которому прибегают авторы, и Твен – не исключение: «*He glanced at it and his face clouded. He ran his eye down the pages, and his countenance grew portentous*» («*Journalism in Tennessee*») – «*Он взглянул на нее и нахмурился. Бегло просмотрев ее, он стал мрачен, как туча*» («*Журналистика в Теннесси*», перевод Н.Л. Дарузес). В данном примере, переводчик решила прибегнуть к такому же эквиваленту-метафоре «*мрачен как туча*», который как нельзя кстати передает зловещее выражение лица. Эвфимизация позволяла и самому Твену не употреблять чувствительную или вовсе запрещенную на тот период времени терминологию. Например: «*Along during the morning I borrowed a sheet and a white shirt off of the clothes-line; ...I called it borrowing, because that was what pap always called it; but Tom said it warn't borrowing, it was stealing*» («*The Adventures of Huckleberry Finn*») – «*За это утро мне удалось позаимствовать с веревки простыню и белую рубашку; ...Я называю это “заимствовать”, потому что мой родитель всегда так говорил, но Том сказал, что это не заем, а кража*» («*Приключения Гекльберри Финна*» перевод Н.Л. Дарузес). Или его любимая гипербола, где эффект комичности рождается в изображении резкого контраста между благородством и разбойничьими действиями теннессийских джентльменов. Здесь, мы можем прекрасно наблюдать искусство «твеновского» гротеска в деле, через изображения прям-таки «кровавого побоища» в кабинете

редактора: «*Then ensued a scene of riot and carnage such as no human pen, or steel one either, could describe. People were shot, probed, dismembered, blown up, thrown out of the window. There was a brief tornado of murky blasphemy, with a confused and frantic war-dance glimmering through it, and then all was over. In five minutes, there was silence, and the gory chief and I sat alone and surveyed the sanguinary ruin that strewed the floor around us. He said, “You’ll like this place when you get used to it”*». («Journalism in Tennessee») – «Началась такая свалка и резня, каких не в состоянии описать человеческое перо, даже если бы было стальное. Люди стреляли, кололи, рубили, взрывали, выбрасывали друг друга в окно. Пронесся буйный вихрь кощунственной брани, блеснули беспорядочные вспышки воинственной пляски – все кончилось. Через пять минут наступила полная тишина, и мы остались вдвоем с истекающим кровью редактором, обозревая поле битвы, усеянное кровавыми останками. Он сказал: – “Вам здесь понравится, когда вы немножко привыкнете”» («Журналистика в Теннесси», перевод Н.Л. Дарузес). В данном случае, Дарузес не меняла структуру при переводе и передала смысл дословно, то есть воспользовалась приемом синтаксического уподобления.

Чаще всего переводчики используют такие приемы, как грамматические замены, где меняется даже структура предложения. Заменяться может грамматическая категория, любой член предложения или часть речи. Замена части речи – это самый распространённый вид перевода с английского на русский и наиболее типичные замены – это: существительное заменяет прилагательное, глагол заменяет прилагательное (в редких случаях наречие) или существительное и vice versa. Например: «*You should have heard them cheer, and shout: “Long love the Prince of Wales!”*» – «Послушали бы, как радостно толпа закричала: “Да здравствует Принц Уэльский!”» («Принц и нищий», перевод Н.Л. Дарузес). В данном примере переводчик заменяет глагол «*cheer*» (ликовать, радоваться, приветствовать, аплодировать), на наречие «*радостно*». Не обходится перевод и без принципов грамматического членения или объединения предложений. Синтаксическая структура предложения меняется при переводе, путем объединения двух простых предложений, в одно сложное или наоборот: «*On the same day another English child was born to a rich family of the name of Tudor, who did want him. All England wanted him too*» («The prince and the pauper») – «В тот же день в богатой семье Тюдоров родился другой английский ребенок, который был нужен не только ей, но и всей Англии» («Принц и нищий», перевод Н.Л. Дарузес).

Произведения Марка Твена нельзя назвать «плохими». Скорее они наполнены сатирически смелым и довольно дерзким юмором, смысл которого соответствующе получалось передавать уже упомянутым переводчикам Н.Л. Дарузес, К.И. Чуковскому, А.В. Кривцовой, Н.Л. Емельяниковой и др. Их труд по праву можно назвать искусством, так как для передачи духа юмористического произведения необходимо не просто добиться точности и адекватности перевода, но и передать манеру автора «ибо художественно точным может называться лишь тот перевод, в котором воспроизводится стиль оригинального текста» [9, с. 125].

Закончить статью хотелось бы словами блестящего Корнея Ивановича, дабы еще раз подчеркнуть важность миссии правильного перевода: «Свою главную миссию советские переводчики видят именно в служении этой возвышенной цели. Каждый из них мог бы сказать о себе крылатыми словами поэта Бориса Слуцкого: работаю с неслыханной охотой, я только потому над переводами, что переводы кажутся пехотой, взрывающей валы между народами» [9, с. 10].

Библиографический список

1. Ионкис Г. Марк Твен: Путь от юмора к сатире (к столетию, со дня смерти великого американского писателя Марка Твена 1835–1910) // Слово Word. 2010. № 66.

2. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода. М., 1990.
3. *Мартин А.* Род – Психология юмора. СПб., 2009.
4. *Молчанова Л.В.* Юмор и перевод: к проблеме адаптации юмористического текста к иноязычной культуре // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4.
5. Современное слово – газета // Петроград 1910. 10/23 апр. Вып/ 814.
6. *Твен М.* Принц и нищий. М., 1970.
7. *Твен М.* Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. М., 2019.
8. *Твен М.* Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура. Принц и нищий. Юмористические рассказы. М., 2014.
9. *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3: Высокое искусство. М., 2012.
10. Multitran Dictionary (Electronic Resource). URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 20.10.2020).
11. *Twain M.* Journalism In Tennessee, Written about 1871. URL: <https://americanliterature.com/author/mark-twain/short-story/journalism-in-tennessee> (дата обращения 20.10.2020).
12. *Twain M.* The Adventures of Huckleberry Finn. URL: <http://www.correctenglish.ru/reading/literature/mark-twain/> (дата обращения: 20.10.2020).

А.А. Кучмина

Студент

Московский информационно-технический университет – Московский архитектурно-строительный институт

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕАЛИЙ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. БАРНСА «ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА»)

А.А. Холодова, С.В. Левичева

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению романа английского писателя Джулиана Барнса «Попугай Флобера» в переводе Александры Борисенко и Виктора Сонькина, а именно – анализу англоязычных реалий, выраженных социокультурными особенностями, и способам их передачи на русский язык.

Ключевые слова: реалия, способы перевода, транслитерация, транскрипция, грамматические расхождения, описательный перевод, приближенный перевод.

THE SPECIFIC OF INTERPRETATION OF CULTURE-BOUND TERMS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN IN THE NOVEL «FLAUBERT'S PARROT» BY JULIAN BARNES

A.A. Kholodova, S.V. Levicheva

Abstract. The article views the novel «Flaubert's parrot» by English writer Julian Barnes translated by Alexandra Borisenko and Victor Sonkin. Particularly it views the analysis of culture-bound terms implied by sociocultural specificities and the methods of its interpretation from English into Russian.

Keywords: culture-bound term, methods of translation, transliteration, transcription, grammatical differences, descriptive translation, approximate translation.

Джулиан Барнс – английский писатель, литературный критик, эссеист, видный представитель литературы постмодернизма. Наиболее известные романы писателя: «Попугай Флобера» («Flaubert's Parrot», 1984), который получил Премию Медичи в 1986 г. и принес ему всемирную известность, «История мира в 10 1/2 главах» («A History of the World in 10 1/2 Chapters», 1989), «Англия, Англия» («England, England», 1998), «Шум времени» («The Noise of Time», 2016). Также Барнс выпустил несколько сборников эссе («Письма из Лондона» («Letters from London», 1995), «Есть что сказать» («Something to Declare», 2002), «Открой глаза» («Keeping an Eye Open: Essays on Art», 2015)), в которых писатель рассматривает вопросы искусства и изучает взаимоотношения между своей родиной Англией и Францией, близкой Барнсу по духу, показывает свой взгляд на историю искусства и фигуры великих мастеров, таких как Г. Курбе, Ш. Бодлер, Ф. Трюффо, С. Малларме и Гюстава Флобера. Последний и является объектом пристального внимания Барнса в романе «Попугай Флобера».

Повествование в романе «Попугай Флобера» ведется от лица доктора Джеффри Барайтуэта: исследователь-любитель, он приезжает во Францию и путешествует по «флоберовским местам». Джеффри узнает, что сразу два музея пытаются выдать находящиеся в их коллекциях чучела попугаев за то, что стояло на столе Флобера, когда он писал «Простую душу». В попытках узнать, какой из попугаев настоящий, Джеффри все больше погружается в биографию французского писателя [6].

Роман – литературный жанр, эпическое произведение большой формы, в котором повествование сосредоточено на судьбах отдельной личности в ее отношении к окружающему миру, на становлении, развитии ее характера и самосознания [2].

Русскоговорящему читателю роман «Попугай Флобера» известен в блестящем переводе Александры Борисенко и Виктора Сонькина [1]. Александра Борисенко – переводчик, синхронист, кандидат филологических наук, литературовед, член гильдии «Мастера литературного перевода». Вместе с Виктором Сонькиным много лет ведет семинар по художественному переводу на филологическом факультете МГУ. Лауреат премии им. А.М. Зверева (2009). Виктор Сонькин – переводчик, синхронист, кандидат филологических наук, специалист по славянским и европейским языкам, лауреат премии «Просветитель» (2013) [3].

Актуальность проведенного исследования заключается в необходимости углубленного анализа переводов англоязычных реалий на русский язык, а также в потребности дальнейшего изучения теории и практики художественного перевода.

У термина «реалия» все еще нет единой трактовки. Многие лингвисты и теоретики полагают, что выражение «перевод реалий» не совсем корректно, так как реалии, как правило, непередаваемы и не передаются путем прямого перевода [7]. С.И. Влахов и С.П. Флорин рассматривают реалии в качестве «предметов, вещей, объектов, характерных для жизни одного народа и чуждых другому». [5]

Рассмотрим способы передачи реалий более подробно. По мнению В.С. Виноградова, первый способ – **транслитерация**, то есть заимствование иностранного слова, которое затем на письме изображается буквами языка перевода. Второй способ – **калькирование**, то есть перевод по частям иноязычного слова или сочетания слов с последующим сложением переведенных элементов воедино. Третий способ – **описательный перевод**, то есть способ передачи безэквивалентной лексики путем раскрытия значения исходной лексической единицы с помощью развернутого описания. Четвертый способ – **приближенный перевод**, то есть передача реалии посредством ее замены на такое понятие языка перевода, которое, хоть и не совпадает с исходным, но имеет с ним значительное семантическое сходство и в известной мере способно раскрыть для получателя перевода суть описываемого явления. Пятый способ – **создание неологизма**. Шестой способ связан с грамматическими расхождениями языка оригинала и языка перевода, и по этой причине, переводчик использует **грамматические трансформации и перестановки** [4].

Далее рассмотрим, какими из вышеуказанных способов пользовались переводчики в анализируемом произведении.

Приведем два примера, где переводчики прибегают к транслитерации.

No 'modern versions', reworkings, sequels or prequels.

Никаких «современных версий», переработок, сиквелов и приквелов.

*In a village **pub**, far from home, I once overheard two men talking about Betty Corrinder.*

*В деревенском **пабе**, вдали от дома, я однажды подслушал, как двое мужчин обсуждали Бетти Корриндер.*

Очевидно, что слово «*pub*» – элемент британской культуры, относящийся к бытовым реалиям (согласно классификации реалий по В.С. Виноградову), который отсутствует в русскоговорящих странах, а термины «*sequel*» и «*prequel*», которые тоже относятся к бытовым реалиям, невозможно перевести на русский однословно, без объяснения смысла этих понятий. Однако переводчики успешно используют транслитерацию, так как данные слова уже давно знакомы русскому читателю и даже вошли в употребление, поэтому никакого специального пояснения не требуют.

*Middle-class professional man; solicitor perhaps; denizen of pine-and-heather country; **pepper-and-salt tweeds**; a moustache hinting – perhaps fraudulently – at a military past; a sensible wife; perhaps a little boating at weekends; more of a gin than a whisky man; and so on?*

*Средний класс, интеллигент – возможно, юрист; обитатель вересково-соснового края, **твидовый костюм «соль с перцем»**, усы намекают – возможно, обманчиво – на военное*

прошлое; благоразумная жена; катание на лодке по выходным; скорее любитель джина, чем виски; и так далее?

«*Pepper-and-salt tweeds*» – лексика, называющая бытовые реалии; метафора, построенная на внешней схожести цвета твидовой ткани с молотым перцем и солью, которые рассыпались и смешались друг с другом. Здесь переводчики используют калькирование, так как дословная передача оригинала способна «нарисовать» образ того, что хотел сказать автор.

The Kamchatkans, a people of eastern Siberia, used to employ the intestines of bears as face-masks to protect them from the glare of the sun; and they used the sharpened shoulder-blade for cutting grass.

Камчадалы, восточносибирский народ, некогда делали из медвежьих кишок маски для защиты от яркого солнца, а из заточенных лопаток – **серпы**.

Данный пример особенно интересен тем, что переводчики не просто используют описательный перевод – они вынуждены прибегнуть как бы к «обратному» описательному переводу. Автор говорит о русских бытовых реалиях и описывает предмет, название для которого отсутствует в английском языке, поэтому автор называет только его функцию. Переводчик же, в свою очередь, должен понять, что именно имел в виду автор и «воссоздать» предмет по описанию его функции.

*Take the long view: did we need so many **Wolf Cubs**? They would only have grown up and become **Boy Scouts**.*

Взгляните на это при свете вечности: зачем нам столько **пионеров**? Они бы выросли и стали **комсомольцами**.

Здесь переводчики используют приближенный перевод. Такие реалии общественной жизни как «*Wolf Cubs*» и «*Boy Scouts*» чужды русскоговорящему читателю, и если перевести их транслитерационно, читателю будет сложно понять, о чем идет речь, соответственно смысл, который вложил автор в данный абзац, будет потерян.

«*Wolf Cubs*» – это младший отряд бойскаутов, так что переводчики нашли блестящий выход из положения, подобрав такие культурные аналоги, как «пионеры» и «комсомольцы», которые хорошо знакомы русскоязычному читателю.

*The policeman was grieving for his Scotch terrier; while the dragoman – a fellow with big, prominent eyes like a lobster's – had proved singularly incompetent throughout the trip; even his cooking **had been a failure**.*

Полицейский оплакивал своего скотчтерьера, а про драгомана, человека с выпученными, как у омара, глазами, давно стало ясно, что он ни на что не годен; даже стряпал он **отвратительно**.

В этом предложении мы имеем дело с грамматическими расхождениями языка оригинала и языка перевода. Оригинал «*had been a failure*» и его перевод «*отвратительно*» относятся к разным членам предложения и разным частям речи. Оригинал – сложное сказуемое, выраженное вспомогательным глаголом «*have*» в третьей форме, глаголом «*to be*» в третьей форме и существительным «*a failure*». Перевод – обстоятельство образа действия, выраженное прилагательным. Из-за разницы в структуре языков буквальный перевод невозможен, по этой причине переводчики вынуждены перестраивать предложение.

Итак, для передачи бытовых реалий переводчики использовали такие приёмы, как транслитерация, калькирование, описательный перевод, а для передачи реалий общественной жизни – приближенный перевод (аналог).

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что чаще всего переводчики в этом произведении используют приближенный перевод, а описательный – там, где невозможен приближенный перевод. Предположительно, это связано с желанием максимально адаптировать роман под русскоговорящего читателя.

Библиографический список

1. *Барнс Дж.* Попугай Флобера. М., 2012.
2. Большой Энциклопедический словарь онлайн. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/57517-РОМАН> (дата обращения: 28.03.2020).
3. *Борисенко А., Сонькин В.* Переводчик ничем не отличается от любого автора // Октябрь. 2017. № 2.
4. *Виноградов В.С.* Перевод: общие и лексические вопросы. КДУ, 2004.
5. *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М., 2012.
6. *Никитина А.А.* Флобер и попугай как идеологические двойники в романе Дж. Барнса «Попугай Флобера» // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сборник статей по материалам LXI международной студенческой научно-практической конференции. № 1 (61). Новосибирск, 2018.
7. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М., 2002.
8. *Barnes J.* Flaubert's parrot/Julian Barnes – 1st Vintage international ed.p. cm. (Vintage international). 2012. URL: https://royallib.com/book/Barnes_Julian/flauberts_parrot.html (дата обращения: 23.03.2020).

А.А. Холодова

Магистрант

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: holodova35@inbox.ru

С.В. Левичева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры И-11

Московский авиационный институт

E-mail: parabola.08@mail.ru

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ

А.С. Скопинцева

Аннотация. В данной статье исследуется проблема перевода газетных заголовков, в частности, заголовков, переведенных с английского на русский язык на примере американских и британских газет. Указываются особенности перевода, обусловленные рядом факторов: необходимостью привлечь внимание читателя к публикуемому материалу, потребностью изложить в заголовке в краткой форме содержание сообщения и выделить наиболее важные факты. Для определения особенностей перевода газетных заголовков американской и английской прессы в данной работе рассмотрены основные особенности публицистического стиля с точки зрения перевода, а также проанализированы некоторые заголовки американских и британских газет, на примере которых рассмотрены основные приемы перевода. В результате анализа перевода различных заголовков газет с английского языка на русский устанавливаются основные особенности перевода газетных заголовков, для которых требуются как грамматические, так и лексические трансформации. Также предложены практические рекомендации по достижению качества и более высокого уровня адекватности перевода газетных заголовков.

Ключевые слова: заголовок, английская и американская пресса, перевод, публицистический стиль, новости.

BRITISH AND AMERICAN PRESS HEADLINES AND DIFFICULTIES OF THEIR TRANSLATION

A.S. Skopintseva

Abstract. This article deals with the difficulties of translating newspaper headlines, in particular headlines translated from English into Russian using the example of American and British newspapers. The peculiarities of translation, which are explained by a series of factors, are pointed out. They are as follows: the necessity to attract the readers' attention to a published material, the need to state briefly the plot of a short news report and provide the highlights of an article. In order to determine the peculiarities of translation of American and English newspaper headlines, this paper considers the main features of the publicistic style in terms of translation, and also analyzes some headlines of American and British newspapers, based on the example of which the main translation techniques are considered. As a result of the analysis of translation of various newspaper headlines from English into Russian, the main features of translation of newspaper headlines requiring both grammatical and lexical transformations are established. Also, practical recommendations on how to achieve quality and higher level of adequacy of translating newspaper headlines are offered herein.

Keywords: headline, British and American press, translation, publicistic style, news.

Газетные статьи относятся к письменной форме публицистического стиля.

Основной функцией газетно-публицистического стиля является информирование и воздействие на читателя. Этот стиль предназначен для различной аудитории, для людей, которые отличаются друг от друга по происхождению, уровню образования и культуры. Газету обычно читают в местах, где трудно сконцентрироваться (в метро, за завтраком или обедом, во время перерыва). Чтение часто прерывается. Все эти факторы накладывают определенные правила на создание газетной статьи. Статья должна быть понятна всем; она не должна основываться на фоновых знаниях читателя или на контексте. Предполагается, что она должна сразу же пробуждать интерес читателя и хранить его в течение всего текста. Основная информация должна быть изложена кратко и в то же время выразительно.

Французский ученый, философ и писатель Б. Паскаль отмечал: «Я пишу длинно, потому что у меня нет времени писать коротко». В этой парадоксальной фразе есть глубокий смысл, потому что небрежность, беспомощность автора обычно приводит к многословию, а краткости и ясности текста можно достичь лишь в результате напряженной работы со словом.

Газетные статьи характеризуются следующими общими особенностями:

1. Тексты газет изобилуют именами собственными (фамилиями людей, географическими названиями, учреждениями).
2. Язык газет состоит из большого количества экономических и политических терминов и абстрактных слов, хотя обычно они передают достаточно конкретную информацию.
3. Клише и фразеологизмы часто используются в газетном стиле. Клише помогают избежать недоразумений, будучи банальными и широко распространенными: «свержение правительства», «снятие обвинений», «вступление в должность», «вступление в силу», «выдвижение на первый план» и т.д.
4. Многочисленные сокращения способствуют выразительности. Сокращениями могут обозначаться географические названия, правящие партии и имена известных политических и общественных деятелей, писателей, кинозвезд: *JFK* (*Джон Фрэнсис Кеннеди*), *BB* (*Бриджит Бардо*), *Lib* (*Либеральная партия*), *Lab* (*Лейбористская партия*), *Mont* (*Монтана*).
5. Поскольку авторы газетных статей должны быть очень чувствительны ко всему новому, происходящему в жизни людей, на страницах газет часто появляются неологизмы.
6. Язык газетного стиля богат стилистическими приёмами, как лексическими, так и синтаксическими. Аллюзии, ирония и каламбур особенно характерны для газетного стиля. Язык газет представляет собой сочетание слов различных стилистических групп: разговорных, сленговых, архаизмов и варваризмов.
7. Синтаксис некоторых статей может быть очень сложным. Содержание иногда передаётся в нескольких предложениях, для чего создаются довольно сложные синтаксические конструкции.

Таким образом, при переводе газетной статьи перед переводчиком стоит непростая задача: используя многочисленные переводческие приёмы, не исказить смысл сообщения – и при этом не потерять его краткости и выразительности.

Особое место в газетно-публицистическом стиле отводится заголовку. Учитывая лингвистические и функциональные особенности газетного заголовка, многие ученые рассматривают заголовок как отдельный «жанр» газетного стиля.

Казалось бы, «заголовок» – это термин, который не нуждается в объяснении или определении. Тем не менее, существует множество различных определений понятия газетного заголовка, сформулированных учеными, занимающимися изучением специфики этого вопроса.

По мнению В.А. Кухаренко заголовок – это текст в верхней части газетной статьи, указывающий на характер статьи под ней. И.Р. Гальперин считает основной функцией заголовка – кратко информировать читателя о тексте, который следует за ним. Ван Дейк предположил, что заголовок выражает основную тему текста. Но каким бы ни было определение данного понятия, сомнений не вызывает следующее: заголовки являются наиболее важными элементами в газете, поскольку они информируют читателя о главной идее статьи, или часто по одному заголовку читатель может понять смысл статьи, ища для себя интересующую тему.

Английские лингвисты Д. Кристал и Д. Дейви, например, описывают заголовки как отдельный предмет исследования, радикально отличающийся от газетного языка в целом. Выделяют две причины для рассмотрения заголовков в качестве отдельного вида текста:

- заголовок имеет иную функцию и структуру, чем текст статьи или новостного репортажа;
- газетные заголовки отличаются от других типов заголовков, таких как заголовки книг, в силу их характерных особенностей.

Аллан Белл выделяет две основные функции заголовков новостей:

- они суммируют детали новостного сюжета;
- они привлекают читателей с помощью распространенных речевых приемов, таких как аллитерация, каламбур и псевдопрямые цитаты, особенно в популярной прессе.

В связи с их значимостью как особого типа текста, проблематика перевода заголовков особенно привлекает внимание многих переводчиков и исследователей (В.А. Кухаренко, Э.А. Лазарева, Д.А. Качаев, В.С. Мужев, В.П. Вомперский, А.А. Сафонов, и др.).

Характеристики, относящиеся к заголовкам на языке оригинала, также относятся и к переведенным заголовкам. То есть переводчик должен перевести заголовок статьи таким образом, чтобы он остался кратким и привлекательными для читателей. Таким образом, часто при переводе приходится сильно менять текст, а иногда даже полностью заменять. Также, при переводе заголовков необходимо учитывать особенности языковой культуры целевой читательской аудитории. Именно поэтому перевод заголовков становится непростой задачей для переводчика.

Основные трудности при переводе газетных заголовков связаны с тем, что авторы в них довольно часто используют сокращения, названия, отсылки к различным реалиям, понятным только представителям английской или американской культуры.

Поскольку заголовок должен давать представление о тексте и в то же время привлекать внимание читателя, авторы смело обращаются с языком: убирают артикли, глаголы-связки и прочие служебные слова; нарушают порядок слов в предложении; осознанно допускают пунктуационные ошибки; используют клише, неологизмы, сокращения, разговорную лексику.

Очень важно, чтобы переводчик обладал достаточными знаниями в области реалий среды, языковых особенностей и предмета повествования. Иначе почувствовать и передать задумку автора не представляется возможным.

В связи с тем, что при переводе заголовков должен сохранить свою краткость, информативность и привлекательность для читателя, основной трудностью в переводе газетных заголовков является отсутствие возможности дополнять текст пояснениями.

Чтобы перевод был осуществлен адекватно, переводчику необходимо уметь пользоваться специальными приёмами, называемыми трансформациями.

Лингвист Я.И. Рецкер понимает лексические трансформации, как «приёмы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим его русское соответствие, не совпадающее со словарным» [4].

Итак, проанализируем основные приёмы, используемые переводчиками при переводе англоязычных газетных заголовков на русский язык.

Калькирование. Одним из основных приемов перевода лексических единиц является калькирование (от фр. *calque* «копия»). Смысл данного приёма «заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы» [2]. То есть, по сути дела, калькирование является дословным переводом. Например: «*The Real German Warning for Cold War II?*» [6] – «*Предостережение Германии о второй холодной войне?*». Словосочетание «*Cold War*», приведенное в примере, является калькой, то есть дословным переводом на русский язык. Данный способ перевода безэквивалентной лексики позволяет пополнять словарный состав русского языка новыми словами и словосочетаниями. Именно переводчик впервые представляет понятие иноязычной аудитории, и от того, как он это сделает, во многом зависит судьба этого понятия в принимающем языке. Данный прием используется довольно редко, так как зачастую такой перевод чреват некорректной передачей изначального смысла слова на языке оригинала. В качестве примера неудачного калькирования можно рассмотреть вошедшее в русский язык и закрепившееся в нем поня-

тие «Силиконовая долина» («*Silicon Valley*»), хотя это некорректный перевод. Перевод слова «*silicon*» как «*силиконовая*» является ошибкой, как переводческой, так и смысловой. Дело в том, что в оригинале это понятие обозначает долину, в которой разрабатывают кремниевые микропроцессоры и программное обеспечение для них. Поэтому корректным переводом названия «*Silicon Valley*» является именно «*Кремниевая долина*».

Лексическое добавление. В некоторых случаях перевод лексических единиц с одного языка на другой требует внесения в текст дополнительных слов. Этот приём используется, когда более ёмкие английские понятия требуют в русском языке более развернутого выражения мысли. Многие исследователи считают этот приём одним из основных при переводе заголовков. Он используется чаще всего, так как заголовки англоязычных газет всегда лаконичны, в них, как правило, опускаются многие члены предложения, которые англоговорящий читатель может домыслить. Поэтому переводчик часто добавляет «выброшенные» автором статьи слова, чтобы восстановить смысловой пробел для русского читателя. Рассмотрим пример: «*The Deep Policy Failures That Led to Ukraine*» [7] – «*Глубокие политические провалы, приведшие к украинским событиям*». При переводе данного заголовка на русский язык переводчиком было добавлено слово «*события*», с целью передачи полного смысла заголовка. «*Obama Drastically Cuts Military; Sparks Heated Debate in Congress*» [8] – «*Радикальное сокращение президентом США вооруженных сил вызвало бурные прения в Конгрессе*». Автор английской статьи создал заголовок, используя краткую форму, нетипичную для русского языка. Поэтому при переводе подобных заголовков следует жертвовать краткостью в пользу выражения основной идеи текста языком, привычным для русского читателя.

Опущения. Приёмом, противоположным лексическому добавлению, является приём опущения. Заключается он в игнорировании в процессе перевода некоторых слов, которые не несут важной смысловой нагрузки, то есть являются семантически избыточными. Приведём такой пример: «*The agreement signed by the two countries provided just and equitable peace conditions for both sides*» [9] – «*Подписанное обеими странами соглашение предусматривает справедливые условия мира для обеих сторон*». В данном примере слово «*equitable*» является избыточным при переводе на русский, так как повторяет смысл слова «*just*».

Конкретизация. Конкретизация – это способ перевода, при котором происходит замена иностранного слова или словосочетания с более широким предметно-логическим значением на слово в переводе с более узким значением. Например: «*At the by-election victory went to the Labour candidate*» [10] – «*На дополнительных выборах победу одержал кандидат от лейбористской партии*». В данном случае переводчику пришлось конкретизировать слово «*labour*», уточнив, что имеется в виду именно партия лейбористов. Абстрактные существительные часто конкретизируются при переводе: «*The Soviet Union's record in medical care*» – «*Достижения Советского Союза в области здравоохранения*».

Генерализация. Суть данного приёма прямо противоположна конкретизации. То есть это приём, смысл которого заключается в обобщении и переходе от узкого значения понятия к более широкому. Рассмотрим пример: «*A Mathematician Says Schools Are Too Easy*» [11] – «*Математик: школьная программа в США слишком проста*». В данном контексте перевести слово «*schools*» как «*школы*» было бы некорректно, поскольку такой заголовок не передаёт весь смысл информации, изложенной в статье, так как в ней говорится не о конкретных школах, а о школе, как системе.

Компенсация. Данный приём также является одним из самых важных при переводе заголовков. Я.И. Рецкер определяет его, как «замену непередаваемого элемента подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника и там, где это представляется удобным по условиям русского языка» [4]. Приём компенсации очень важен для сохранения эмоциональной окраски оригинала. Рассмотрим

следующий заголовок: «*Edward Snowden's Half-Baked Revolution*» [12] – «Недоделанная революция Сноудена». Дословный перевод словосочетания «*Half-Baked*» («недопеченная») в сочетании со словом «революция» невозможен. Поэтому данное словосочетание следует перевести таким образом, чтобы оно сочеталось с контекстом и имело бы такую же степень выразительности.

Трудность при переводе могут вызвать и различные аббревиатуры, встречающиеся на страницах англоязычных газет довольно часто. Многие из них носят международный характер и знакомы не только носителям языка оригинала. В таком случае аббревиатуру переводят аббревиатурой. Например: «*IMF: it's worse than we thought*» [13] – «МВФ: Все хуже, чем мы думали». *IMF* – это аббревиатура от *International Monetary Fund*. При переводе данного заголовка была использована русская аббревиатура *МВФ*, используемая для обозначения *Международного валютного фонда* при ООН. Но не всегда эти языковые единицы можно перевести аналогичной аббревиатурой, так как некоторые из них имеют национальный характер. И тогда при переводе следует давать их полную расшифровку, используя приём экспликации.

Экспликация. Для передачи незнакомых и малознакомых реалий используется экспликация, или описательный перевод. Если переводчику не удастся найти эквивалент описываемого понятия, то он может дать своё определение, дополнив его по необходимости поясняющей информацией. Наиболее простым способом такого приёма является ситуация, когда название реалии сохраняется, но при этом к ней дается краткое определение. Как правило, приём экспликации используется, когда в исходном тексте присутствуют географические названия, имена собственные, или наименования культурно-бытовых реалий. Например, при переводе на русский язык таких названий как *Idaho (Айдахо)*, *Iowa (Айова)*, *Ohio (Огайо)*, *Louisiana (Луизиана)* и т.д., как правило, добавляются слова «штат, провинция, графство», поясняющие русскому читателю, значение этих названий.

Также описательный перевод может понадобиться для объяснения названий всевозможных социокультурных явлений, связанных с особенностями быта и жизни носителей языка оригинала. Например: «*Britain seeks travel ban on Russian MPs over Crimea*» [14] – «Британия по причине присоединения Россией Крыма вводит санкции на въезд в страну членов российского парламента». Аббревиатура *MPs* расшифровывается как *Members of Parliament*. Но словосочетание «член парламента» в русском языке не сокращается. Поэтому при переводе этого заголовка на русский язык переводчик использует приём экспликации.

Приём модуляции. В основе приёма модуляции, то есть смыслового и логического развития, лежит принцип, когда упомянутая в тексте причина развивается и заменяется ее следствием (или наоборот). Этот приём используется тогда, когда смысл фразы понятен, но не может быть переведен теми же самыми лексическими средствами. В таком случае переводчику предстоит перестроить предложения полностью – и структурно, и семантически. В данном случае главной задачей является сохранение смысла высказывания. Рассмотрим приём модуляции на примере следующего заголовка: «*In The Ukraine Crisis, The U.S. Has A Credibility Problem*» [15] – «Вопрос доверия к США в украинском кризисе».

Итак, мы рассмотрели основные приемы, используемые при переводе заголовков англоязычной прессы. Из всего вышесказанного мы видим, что из-за лексических несовпадений в различных языках, различий в семантической структуре, из-за отсутствия необходимых эквивалентов в языке, лексические трансформации являются необходимой частью перевода. Для максимальной передачи смысла, настроения, основной идеи заголовка с английского языка на русский, переводчик должен уметь легко и свободно использовать различные переводческие приемы. Переводчик должен обладать необходимыми переводческими на-

выками и умением применять несколько переводческих приёмов, чтобы иметь возможность эффективно переводить заголовки новостей, поскольку использование одного переводческого приёма, как правило, недостаточно для получения эффективного перевода.

В заключение перечислим некоторые общие правила, помогающие оптимизировать процесс перевода газетных заголовков:

1. Приступать к переводу заголовка стоит после окончания работы с основным текстом. Только после полноценного погружения в текст и понимания контекста переводчик сможет подобрать заголовок, максимально отражающий основную идею текста.
2. Рассматривать как можно больше различных вариантов перевода для выявления наиболее удачного. То есть того, который наиболее верно передаёт замысел автора и при этом наиболее понятен и привлекателен для читателя.
3. Не ориентироваться на оригинал буквально. Отвлекаться от источника и уходить от прямого перевода фразы в сторону более точной передачи смысла.
4. Отражать основную идею текста в заголовке. Избегать двусмысленности (исключением могут быть только особые случаи, где неоднозначность художественно оправдана) и противоречий со смыслом текста.
5. Не увеличивать объём переводимого заголовка. Он должен оставаться лаконичным. Для чего переводчик должен применять подходящие трансформации.
6. Ориентироваться на стиль и жанр текста оригинала. Важно уметь определить стиль и жанр, а также придерживаться их требований. Переводя название «сухого» новостного текста, не стоит применять творческий подход. И наоборот – перевод заголовков рекламных текстов и других эмоционально окрашенных статей требует от переводчика писательского таланта, умения правильно использовать выразительные средства, удачные клише, фразеологизмы, жаргонизмы, тропы, стилистические фигуры, звуковые и морфологические средства, изобразительные возможности синтаксиса.

Библиографический список

1. Алимов В.В. Теория перевода: пособие для лингвистов-переводчиков. М., 2015.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М., 2001.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
5. Романова С.П., Коралова А.Л. Пособие по переводу с английского на русский. М., 2007.
6. Buchanan P. The Real German Warning for Cold War II? URL: <https://www.theamericanconservative.com/lessons-from-germany-for-a-cold-war-ii/> (дата обращения: 22.10.2020).
7. Nikolas K. The Deep Policy Failures That Led to Ukraine. URL: <https://nationalinterest.org/commentary/the-deep-policy-failures-led-ukraine-10266?noaging=1> (дата обращения: 22.10.2020).
8. Crawford S. Obama Drastically Cuts Military; Sparks Heated Debate in Congress. URL: <https://www.christianpost.com/news/obama-drastically-cuts-military-sparks-heated-debate-in-congress.html> (дата обращения: 24.10.2020).
9. Grossman N. The agreement signed by the two countries provided just and equitable peace conditions for both sides // TheDailyWorld. 1983.
10. Mitchel S. At the by-election victory went to the Labour candidate. // MorningStar. 1973.
11. Чанман П. Математик: школьная программа в США слишком проста. URL: <https://inosmi.ru/world/20140417/219620444.html> (дата обращения: 24.10.2020).
12. Ames M. Edward Snowden's Half-Baked Revolution. URL: <https://www.nsfwcorp.com/dispatch/half-baked-revolution/> (дата обращения: 24.10.2020).
13. Wagstyl S. IMF: it's worse than we thought // The Financial Times. 2012. October 9. URL: <https://www.ft.com/content/3dba52c3-ffa2-319a-ac01-621f06383790> (дата обращения: 24.10.2020).

14. *Sam Coates*. Britain seeks travel ban on Russian MPs over Crimea // TheTimes. 2014. March 12. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/britain-seeks-travel-ban-on-russian-mps-over-crimea-mtvdmhp3vpl> (дата обращения: 24.10.2020).
15. *Robinson E.* In The Ukraine Crisis, The U.S. Has A Credibility Problem // The Washington Post. 2014. March 4. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/eugene-robinson-with-ukraine-crisis-the-us-has-a-credibility-problem/2014/03/03/f8f6a58a-a311-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (дата обращения: 25.10.2020).

А.С. Скопинцева

Студент

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

ПСИХОЛОГИЯ

PSYCHOLOGY

УДК 159.9

КОНФОРМНОСТЬ: КЛАССИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ И СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Р.Е. Барабанов, А.А. Блохина

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению классических экспериментов по изучению конформности, конформного поведения и их современное осмысление сквозь призму психологической науки.

Ключевые слова: *конформность, конформизм, конформное поведение.*

CONFORMITY: CLASSICAL EXPERIMENTS AND MODERN UNDERSTANDING

R.E. Barabanov, A.A. Blokhina

Abstract. This article is devoted to the analysis of classical experiments on the study of conformity, conformal behavior and their modern understanding in terms of psychological science.

Keywords: *conformity, conformism, conformity behavior.*

Конформизм (от лат. *Conformis* – подобный) – это изменение мнений, установок и поведения под влиянием окружающих [3; 4]. Существует два вида конформизма: внешний и внутренний. Внешний конформизм выражается в демонстрации согласия, при котором внутренне человек не считает верным мнение группы. Внешний конформизм делится на два вида. Первый – уступчивость, второй – повиновение, когда человек подчиняется явно выраженному приказу. Внутренний конформизм характеризуется изменением мнения человека в пользу группы, когда человек искренне начинает считать мнение группы верным. Такой внутренний конформизм называется одобрением или согласием [6].

Изучение конформного поведения является актуальным вопросом. В жизни мы постоянно сталкиваемся с этим феноменом. Многие люди в обществе ведут себя так, как принято, при этом не одобряя в душе то, что они делают (например, надевают галстук или платье, хотя это не нравится), или же под влиянием мнения авторитетного для них человека пересматривают свою позицию.

Целью настоящей работы является рассмотрение классических экспериментов по изучению конформности и их современное осмысление.

Классическими экспериментами по изучению конформности считаются работы М. Шерифа (1935), С. Аша (1951), Р. Кратчфилда (1955) и С. Милгрема (1965).

Музафер Шериф помещал людей в полностью затемненную комнату. На расстоянии пяти метров им предьявлялась неподвижная световая точка. Затем экспериментатор просил испытуемых вслух сообщать о смещениях точки. Половина испытуемых начинала прохождение эксперимента в одиночестве, а другая половина начинала в группе по два-три человека. В следующие три экспериментальных дня они участвовали еще в трех сериях проб, но уже в другом составе. Первая половина теперь была в группе, а вторая – в одиночестве. Проведенный эксперимент показал, что люди, столкнувшись с чужими мнениями, быстро отказываются от своей позиции и приспосабливаются к своим партнерам. Сформированное в группе мнение продолжает влиять на индивидуальные суждения в отсутствии этой группы [3; 6; 8].

Эксперимент Соломона Аша заключался в следующем. Экспериментатор под видом изучения зрительного восприятия набрал группу испытуемых, которым предстояло 18 раз решить, какая из трех линий по длине была равна стандарту. Каждый испытуемый проходил эксперимент в подставной группе. 6 из 18 проб были нейтральные (группа давала верный ответ), остальные 12 проб были критические (группа давала одинаковые неверные ответы). В результате, более одной трети (37%) дали ошибочные ответы, то есть продемонстрировали конформное поведение [1; 2; 4; 5; 6].

В так называемой «методике Крачфидда» испытуемые обычно помещались в отдельные кабинки, в которых они могли видеть отображения ответов помощников экспериментатора (виртуальные) на экране. Суть эксперимента была такой же, как и в эксперименте С. Аша [2].

Стенли Милгрэм набрал испытуемых для своего эксперимента по объявлению в газете о поиске участников исследования памяти. Все испытуемые играли роль «учителей», задачей которых было наказывать «учеников» за неправильные ответы. В качестве наказания «ученик» получал разряд тока определенного напряжения. Конечно, это было не по-настоящему, но «учитель» этого не знал и действовал по приказам экспериментатора. В результате эксперимента из 40 первых испытуемых С. Милграма мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, 25 прошли всю шкалу до 450 вольт. 63% мужчин дали максимально возможный электрический разряд своему «ученику». Во втором подобном эксперименте максимально возможный шок назначили 65% участников. Большинство проявило полное подчинение [1; 2; 4; 5; 6; 8].

Таким образом, классические эксперименты М. Шерифа, С. Аша, Р. Крачфилда и С. Милграма показали, что под влиянием высказываний и поведения, демонстрируемых специально проинструктированными испытуемыми, значительная часть участников эксперимента изменила свои первоначальные суждения, оценки и поведение.

В настоящее время существует огромное количество исследований по проблеме конформного поведения. Известно, что конформизм зависит от характеристик группы. Наибольшую конформность люди проявляют в ситуации единого мнения трех и более человек, при высоком статусе участников группы, в отсутствии предварительных заявлений. Различия по полу можно считать незначимыми. Гендерные различия в конформном поведении были получены в ситуациях, когда поставленный перед группой вопрос был изначально ориентирован на определенный пол. Так, женщины вели себя конформнее, когда задание было ориентировано на мужчин, а мужчины, наоборот, в заданиях, ориентированных на женскую аудиторию [2].

Личностные особенности также влияют на конформность поведения. Люди с низкой самооценкой больше подвержены влиянию группы. Неуверенность в правильности своего мнения также способствует проявлению более конформного поведения [5].

Кроме того, в настоящее время известны данные о культурных различиях в конформном поведении. Установлено, что норвежцы ведут себя более конформно, чем французы, а японские студенты в большей степени готовы оказаться в положении меньшинства, чем американские [2].

С точки зрения актуальных проблем современного общества, конформное поведение, как и в 1950-х гг., имеет место быть и является неотъемлемой частью социального взаимодействия. Последствия конформизма различны. В классической литературе по социальной психологии приводится огромное количество примеров, когда конформное поведение ведет не просто к негативным, а к трагическим последствиям. Вспомним, например, убийства миллионов безвинных людей в нацистских лагерях смерти во времена Второй мировой войны. Ярким примером таких последствий в настоящее время можно считать недавние события в Украине. Разумеется, не всё, что происходило в этой стране, объясняется конформизмом, но часть людей принимала определенную позицию под групповым давлением (особенно что касается позиции российских граждан по отношению к событиям на Украине).

С другой стороны, конформное поведение позволяет нам структурировать социальное поведение и предсказывать реакции окружающих. Опыт одних людей позволяет другим избежать крупных личных неприятностей. Ради обеспечения собственного спокойствия человек подчиняется определенным правилам. Конформизм по отношению к социальным правилам и нормам служит своего рода смазкой в механизме социального взаимодействия [5].

Подводя итоги, хочется процитировать социального психолога Д. Майерса, который как нельзя лучше написал о конформизме: «Иногда конформизм плох (когда он становится причиной того, что кто-то садится пьяным за руль или вступает в ряды расистов), иногда – хорош (когда он мешает людям вести себя в общественных местах несоответствующим образом), а порой – ни плох, ни хорош (например, когда мы, собираясь на теннисный корт, надеваем белые костюмы)» [6]. Если мы слишком легко уступаем просьбам других, мы становимся уязвимыми для манипуляций со стороны. Несмотря на это, конформизм выполняет очень важные личные и общественные функции, удовлетворяя потребности в предсказуемости, порядке и даже в переменах.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник. М., 2010.
2. Аронсон Э. Общественное животное. М., 1998.
3. Барабанов Р.Е. Основы патопсихологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2019.
4. Горбунова М.Ю. Социальная психология. М., 2006.
5. Зимбардо Ф., Ляйпне М. Социальное влияние. СПб., 2001.
6. Майерс Д. Социальная психология. М., 2002.
7. Социальная психология: учебное пособие для вузов / сост. Р. Мокшанцев, А. Мокшанцева. М., 2001.
8. Хьюстон М., Штребе В. Введение в социальную психологию: учебник. М, 2004.
9. Robert B. Cialdini. Influence. Science and Practice. New York, 2001.

Р.Е. Барабанов

Доцент, старший научный сотрудник

Преподаватель кафедры психолого-педагогических и театральные дисциплин

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

А.А. Блохина

Студент

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ В СЕМЬЯХ С НЕЗАПЛАНИРОВАННЫМИ ДЕТЬМИ

А.В. Спиридонов, Л.Н. Бенелли

Аннотация. В статье приводятся данные исследования межличностных отношений между родителями в семьях с незапланированными детьми. Приводится анализ существующей литературы на данную тему и выявляется актуальность исследования. Сформулирована основная гипотеза: «Межличностные отношения между родителями в семьях с незапланированными детьми являются более негармоничными и конфликтными, чем в семьях с запланированными детьми». Раскрывается суть использованных для исследования методик. Главным выводом исследования является подтверждение первоначальной гипотезы.

Ключевые слова: межличностные отношения, родительство, незапланированные дети, семейная психология.

AN EMPIRICAL STUDY OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS BETWEEN PARENTS IN FAMILIES WITH UNPLANNED CHILDREN

A.V. Spiridonov, L.N. Benelli

Abstract. This article provides data from a study of interpersonal relationships between parents in a family with unplanned children. An analysis of the existing literature on the topic is given and the relevance of that study is revealed. The formulated main hypothesis: «Interpersonal relationships between parents in a family with unplanned children are more inharmonious and conflicting than in a family with planned children». The essence of the methods used for research is revealed. The main conclusion of the study is confirmation of the primary hypothesis.

Keywords: interpersonal relationships, parenting, unplanned children, family psychology.

Актуальность исследования обусловлена значимостью качества межличностных отношений между родителями для психического и физического здоровья детей, их гармоничного эмоционально-личностного развития. Об этом свидетельствует множество научных исследований, проведенных как в нашей стране, так и за рубежом (Э. Фромм, А.С. Филимонова, А.В. Толчинская, В.В. Белоколов, Е.Л. Николаев, А.А. Иванова, А.Б. Холмогорова, С.В. Воликова, М.Г. Сорокова и др.).

Однако, несмотря на многочисленные исследования, раскрывающие особенности супружеских отношений на разных этапах функционирования семьи, отношения между родителями, имеющими разное количество детей и детей с отклонениями здоровья (А.Г. Лидерс, С.Т. Агарков, Е. Зубкова, И. Пудова, Ю.Е. Алешина, А. Варга, Е.М. Дубровская, В.В. Столин, Ю.В. Филиппова, Е.Л. Калугина, Е.А. Полоухина, Д. Орснер, С. Нок, Х. и М. Фелдман, В. Сатир, Р. Гилфорд и В. Бенгстон и др.), работ, посвященных изучению межличностных отношений между родителями в семьях с незапланированным детьми в доступной литературе обнаружено не было. Это свидетельствует о том, что данная проблема практически не изучена, и это объясняет ее актуальность и необходимость подобного исследования.

Цель эмпирического исследования: выявить особенности межличностных отношений между родителями в семьях с незапланированными детьми.

Объект исследования: межличностные отношения между родителями в семьях с детьми.

Предмет исследования: особенности проблем в межличностных отношениях между родителями в семьях с незапланированными детьми.

В качестве гипотезы выдвинуто предположение о том, что межличностные отношения между родителями в семьях с незапланированными детьми являются более негармоничными и конфликтными, чем в семьях с запланированными детьми.

Задачи эмпирического исследования:

1. Сформировать эмпирические выборки и выбрать диагностические и методики.
2. Провести сравнительный анализ и выявить особенности межличностных отношений между родителями в семьях с незапланированными детьми, в сравнении с семьями с запланированными детьми.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили современные исследования в психологии семейных отношений А. Варги, Т.Б. Карцева, В. Сатир, В.В. Столина, Ю.В. Филипповой, Л.Б. Шнейдера, Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса, Ю.Е. Алешиной, И.Ю. Борисова, Г.Л. Боуэна, Н. Голберга и др., концепция супружеской адаптации и дезадаптации В.В. Кришталь и С.Т. Агаркова, работы, посвященные проблеме отношений между родителями, имеющими детей (А.Г. Лидерс, С.Т. Агарков, Е. Зубкова, И. Пудова, Е.Л. Калугина, Е.А. Полоухина и др.).

Новизна исследования: получены новые эмпирические данные о межличностных отношениях между супругами в семьях с незапланированными детьми (данный аспект в научной литературе практически не представлен).

Теоретическая значимость исследования: обобщены теоретические и эмпирические данные об особенностях взаимоотношений между отцом и матерью, в связи с рождением незапланированного ребенка.

Практическая значимость работы: полученные результаты могут быть использованы в работе семейных психологов по коррекции и профилактике дисфункциональных межличностных отношений супругов, имеющих незапланированных детей.

Надежность и достоверность результатов исследования достигалась посредством использования методов и методик, соответствующих предмету, цели и задачам исследования, качественным и количественным анализом эмпирического материала.

Эмпирическая база исследования: в исследовании приняли участие 30 семейных пар, имеющих незапланированного ребенка, и 30 семейных пар, имеющих запланированного ребенка. Все супруги состоят в официальном браке. Возраст супругов, имеющих незапланированных детей, от 24 до 48 лет, средний возраст – 36,9 лет; стаж семейной жизни от 1 года до 18 лет. Возраст супругов, имеющих запланированных детей, от 22 до 49 лет, средний возраст – 35,8 лет; стаж семейной жизни от 1 года до 22 лет.

Формирование выборок проводилось на основании результатов опроса по составленной нами анкете.

Исследование состояло из следующих этапов:

1. Организационный этап. В рамках данного этапа формировалась выборка испытуемых и подбирались психодиагностические методики.
2. Сбор эмпирических данных. На втором этапе исследования проводилась диагностика межличностных отношений супругов.
3. Обработка и интерпретация результатов.

После получения эмпирических данных проводилась их обработка по ключам. Полученные результаты представлялись наглядно в виде таблиц и графиков. Осуществлялся количественный и качественный анализ данных. Количественный анализ проводился с помощью

математических методов. Рассчитывались средние значения по группе по всем показателям. Определялся уровень различий в выраженности изучаемых переменных в супружеских парах, имеющих незапланированных и запланированных детей.

В соответствии с целью, рабочей гипотезой исследования и поставленными задачами, в эмпирическом исследовании были использованы следующие методы:

1. Эмпирические методы (анкетирование, тестирование).
2. Сравнительный метод – использовался для выявления особенностей межличностных отношений супругов, имеющих незапланированных и запланированных детей.
3. Методы математической статистики:
 - методы описательной статистики (среднее значение, стандартное отклонение);
 - для определения уровня различий выраженности изучаемых переменных в сравниваемых группах и был использован непараметрический критерий Манна-Уитни, Достоверными считались результаты при $p \leq 0,01$, $p \leq 0,05$.

Диагностика межличностных отношений супругов проводилась с помощью следующих методик:

1. **Методика «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Ю.Е. Алешина и Л.Я. Гозман)** [9, с. 280–286], позволяющая выявить наиболее конфликтогенные сферы супружеских отношений, степень согласия (или несогласия) в конфликтных ситуациях, уровень конфликтности в паре. В методике выделены восемь сфер, в которых чаще всего происходят столкновения:
 - проблемы отношений с родственниками и друзьями;
 - вопросы, связанные с воспитанием детей;
 - проявление стремления к автономии;
 - нарушение ролевых ожиданий;
 - рассогласование норм поведения;
 - проявление доминирования одним из супругов;
 - проявление ревности;
 - расхождения в отношении к деньгам.
2. **Тест «Самооценка конструктивного взаимодействия в супружеских отношениях» (А.П. Емельянов)** [10, с. 26–28]. Целью данной методики является выявление уровня готовности супругов к конструктивному взаимодействию в конфликте, а также выявление общего уровня конфликтности в семье. Методика представляет собой бланковый тест-опросник, содержащий 15 утверждений, которые респондент должен оценить применительно к себе по 5-бальной шкале (5-наиболее высокий показатель, 1-наименьший, говорящие о том, как опрашиваемый ведет себя в описываемой ситуации).
3. **Методика «Общение в семье» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская)** [9, с. 269–279], предназначенная для исследования особенностей межличностного общения супругов, состоящая из 48 вопросов и включающая 8 шкал, в том числе:
 - Доверительность общения, которая распадается на две субшкалы: а) как респондент оценивает себя по этому признаку, б) как он оценивает партнера. Результаты подсчитываются отдельно.
 - Взаимопонимание между супругами, которая также распадается на две субшкалы: а) как респондент оценивает себя по этому признаку, б) как он оценивает партнера. Результаты подсчитываются отдельно.
 - Сходство во взглядах супругов.
 - Общие символы семьи.

- Легкость общения между супругами.
- Психотерапевтичность общения.

Указанные 6 шкал, отобранные из схемы Р. Левиса и Дж. Спаниера, наиболее полно характеризуют успешность межличностного общения супругов. Шкала «психотерапевтичности» семейного общения характеризует, насколько межличностное общение супругов способствует созданию комфортной и интимной атмосферы в семье. Шкала легкости общения показывает, насколько супругам просто наладить между собой контакт, начать и кончить разговор, насколько свободно чувствуют себя супруги, общаясь друг с другом. Чем выше балл, тем все измеряемые признаки более выражены.

4. **Методика ДОО: «Дифференциальная оценка отношений» (А.Н. Волкова)** [8, с. 585]. Шкала ДОО разработана А.Н. Волковой по образцу семантических дифференциалов. Она содержит ряд полярных определений типа: «трудные – легкие», «радостные – тягостные» и т.п. Респондентам предлагается оценить отношения, выбирая оценку между этими полюсами. Суммирование баллов позволяет получить общую оценку благополучия отношений в непрерывной шкале от 0 до 90 баллов. Чем выше балл, тем дружелюбнее отношения, благожелательнее атмосфера в них.

Обработка данных проводилась с помощью программы статистической обработки «IBM SPSS Statistics» для персональных компьютеров.

Аналізу подвергались особенности отношений между обоими родителями в семьях с незапланированными детьми и в семьях с запланированными детьми, что позволяет выявить источник и характер нарушений супружеских отношений. Также проводился сравнительный анализ отношений между отцами и матерями, имеющими незапланированных и запланированных детей, что позволяет выявить особенности отношений между супругами в семьях с незапланированными детьми в сравнении с семьями с запланированными детьми.

Работа была посвящена изучению особенностей межличностных отношений между родителями в семьях с незапланированными детьми.

В ходе исследования был проведен теоретический анализ отношений мужа и жены до появления детей; рассмотрены особенности формирования новых межличностных отношений между отцом и матерью в связи с незапланированной беременностью и рождением ребенка; проведено эмпирическое исследование межличностных отношений между родителями в семьях с незапланированными детьми.

Теоретическое исследование показало, что характер и качество супружеских отношений на разных этапах семейного цикла определяется наличием детей и задачами их воспитания. На каждом этапе семейного цикла существуют проблемы, влияющие на отношения между супругами, при этом считается, что в семьях с детьми таких проблем больше, чем в бездетных семьях. Существуют особенности супружеских отношений в семьях без детей, находящихся на первом этапе семейного цикла – до появления ребенка, обусловленные адаптацией супругов друг к другу и к семейной жизни, и отношений между супругами, сознательно не имеющими детей. Появление незапланированного ребенка у супругов, по каким-либо причинам сознательно не имевших детей, может оказать негативное влияние на отношения между мужем и женой [1–7].

Проблема отношений между родителями в семьях с незапланированным ребенком практически не представлена в научной литературе, однако на основании существующих данных можно сказать, что эти отношения менее благоприятные, чем в семьях с желанной и планируемой беременностью. Это позволило выдвинуть гипотезу о том, что межличностные отношения между родителями в семьях с незапланированными детьми являются более негармоничными и конфликтными, чем в семьях с запланированными детьми.

В ходе эмпирического исследования были сделаны выводы:

1. Уровень конфликтности в отношениях у родителей, имеющих незапланированного ребенка, значительно выше, чем у родителей, имеющих запланированного ребенка.
2. В семьях с незапланированным ребенком мужчины значительно меньше проявляют негативных реакций в конфликте, чем их жены, тогда как конфликтность супругов, имеющих запланированного ребенка, низкая и не имеет значимых различий, что указывает на гармоничность отношений.
3. У родителей, имеющих незапланированных детей, наиболее выражены конфликты в ситуациях, связанных с воспитанием детей и нарушением ролевых ожиданий. При этом, если в остальных сферах реакции в конфликте у обоих супругов хоть и негативные, но достаточно пассивные, то в конфликтах, связанных с воспитанием и распределением ролей, оба супруга проявляют высокий уровень активности и выражением негативных реакций. Это, по-видимому, связано с появлением незапланированного ребенка и неготовностью родителей к его воспитанию и распределению новых, родительских, ролей. При этом женщины в большей степени, чем их мужья, конфликтуют в этих ситуациях.
4. Высокая конфликтность в отношении родителей, имеющих незапланированного ребенка, может быть обусловлена низкой готовностью обоих супругов к конструктивному взаимодействию друг с другом, которая значимо ниже, чем у супругов, имеющих запланированного ребенка.
5. Межличностные отношения между родителями, имеющими незапланированного ребенка, отличаются недостаточным и значимо более низким, в сравнении с родителями, воспитывающими запланированных детей, уровнем доверия друг к другу, взаимопонимания, и психотерапевтичности в отношениях. Их отношения менее легкие, чем у родителей, имеющих запланированного ребенка, у них также меньше схожести во взглядах и общих семейных символов, сплачивающих семью.
6. Отношения родителей, имеющих незапланированного ребенка, отличаются значимо меньшей эмоциональной близостью и дружелюбием, чем у родителей, имеющих запланированного ребенка.
7. Таким образом, гипотеза о том, что межличностные отношения между родителями в семьях с незапланированными детьми являются более негармоничными и конфликтными, чем в семьях с запланированными детьми, полностью подтвердилась.

Полученные результаты могут быть использованы в работе семейных психологов по коррекции и профилактике дисфункциональных межличностных отношений супругов, имеющих незапланированных детей, что обуславливает практическую значимость проведенного исследования.

Библиографический список

1. Авдеева Н.Н., Ганошенко Н.И. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений матери и ребенка // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 3–13.
2. Агнаева Е.Х.-М. Образ будущего ребенка у беременной женщины: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2001.
3. Аleshina Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. М., 2007.
4. Аleshina Ю.Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем семейной жизни: дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.
5. Аleshina Ю.Е. Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1987. № 2. С. 60–72.

6. Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 59–68.
7. Брутман В.И., Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 79–87.
8. Диагностика здоровья: психологический практикум / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2007.
9. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: учебное пособие. М., 2007.
10. Никулина З.В. Конфликтология: учебно-практическое пособие для бакалавров. Ростов н/Д., 2013.

А.В. Спиридонов

Аспирант

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: Spiridonov-94@yandex.ru

Л.Н. Бенелли

Доцент кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин
Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: Lnbenelli@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ СИМВОЛОВ, ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Д.И. Чистовский, Р.Е. Барабанов

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязи символов, гражданской идентичности и патриотического воспитания в социальной психологии.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, гражданская идентичность, национальная символика.

THE RELATIONSHIP OF SYMBOLS OF NATIONAL IDENTITY AND PATRIOTIC EDUCATION

D.I. Chistovsky, R.E. Barabanov

Abstract. This article is devoted to the study of a relationship between symbols, civic identity and patriotic education in social psychology.

Keywords: patriotic education, civic identity, national symbols.

Одно из основных направлений психологических и социологических исследований – влияние символики на гражданскую идентичность. Так, в т. 49 Британского журнала социальной психологии (*British Journal of Social Psychology*) было опубликовано результаты исследования Э. Финелла и К. Лиибкинда о воздействии на национальную идентичность государственной символики и других идеологически окрашенных знаков [5]. По двум критериям были выявлены пять способов различия людьми «своих» и «чужих». Первый критерий – сила разделения «своих» и «чужих» на два противоположных лагеря в представлении респондента, второй – односторонне или нет респондентом рассматриваются отношения между ними (субъект, объект). Национализм поляризовался на два полюса – партикуляризм и универсализм, которые играют важную роль в дифференциации «свой» и «чужой». Это приводит к пониманию важности проблем идеологии в изучении гражданской идентичности.

В настоящее время государство уделяет большое внимание патриотическому воспитанию. Некоторые решения и предложения в рамках реализации государственной политики могут привести к негативным последствиям, показанным в научных исследованиях. Например, правительство Калужской области в 2015 г. выступило с предложением об обязательном исполнении государственного гимна в школах региона каждое утро. Но в данном случае необходимо обратить особое внимание на результаты исследования М. Кеммельмейера и Д. Винтера, опубликованных в статье «Сеем патриотизм, а пожинаем национализм? Последствия наблюдения американского флага». Когда ученые проводили исследование в помещении с государственным флагом, респонденты выбирали больше показателей по шкале национализма, чем по шкале патриотизма. При интерпретации этих данных был сделан вывод, что постоянное наблюдение государственной символики приводит не к любви к своей стране и отсутствию конкуренции с другими нациями, а к ощущению исключительности своих сограждан (*nationality*) и доминированию над «чужими» [6].

Влияние символики на гражданскую идентичность также изучается и в политической психологии. В исследовании, осуществленном под руководством А. Рейджерса, выявлены три группы факторов, влияющие на представления о национальном [7]. Это этнические, культурные и гражданские факторы. Первые две шкалы коррелируют между собой, но не совпадают с гражданской. К тому же этнические и культурные факторы коррелируют с негативным отношением к мигрантам, а гражданская шкала не показывает связи с антимигрантскими настроениями. При одновременном анализе всех трех факторов соотношение этнического фактора и плохого отношения к мигрантам уже не так значительно, в то время как при анализе гражданского и культурного фактора антимигрантские настроения проявляются с той же силой.

В России данная тематика (равно как и гражданская идентичность в целом) в большей мере изучается в рамках социологических исследований при меньшем психологическом анализе [1]. Например, Н.Б. Помозова в своей диссертации показывает, что в формировании гражданской идентичности всё большую роль приобретает виртуальная реальность и процессы перформативности в ней. Это, по мнению исследователя, приводит к преобладанию контекстуально-лабильных идентификаций. Поэтому одним из важнейших инструментов управления процессами в патриотическом воспитании и формирования необходимой гражданской идентичности представляются политические символы, от динамики смысла которых напрямую зависит выбор самоидентификаций граждан [3, с. 12–13].

Таким образом, можно заключить, что во взаимодействии в системе «человек – компьютер», «человек – Интернет» открываются новые возможности развития личности детей и взрослых в части патриотического воспитания. Но при этом стоит учитывать, что имеется и опасность развития у пользователей Интернета (особенно у пользователей социальных сетей) националистических воззрений и негативного, нетолерантного отношения к представителям «чужих» (в частности, к мигрантам) [2; 4].

Библиографический список

1. *Дергачева Н.С., Барабанов Р.Е.* Теоретические аспекты и принципы организации образовательного процесса в рамках уроков истории как способ формирования культурного самосознания, социальной и гражданской идентичности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 3. С. 52–59.
2. *Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В.* Направления исследования предубежденности в современной психологии // Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования / под ред. В.С. Собкина. М., 2004. С. 50–71.
3. *Помозова Н.Б.* Символы как инструмент управления формированием гражданской идентичности: сравнительный анализ России и Китая: автореферат дис. ... канд. социол. Наук. М., 2012.
4. *Чистовский Д.И.* Роль символов и виртуальной реальности в патриотическом воспитании // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение): материалы V Международной научно-практической конференции, Москва, 28–30 октября 2015 г. / под ред. Б.Б. Айсмонтаса, В.Ю. Меновщикова. М., 2015. С. 294–296.
5. *Finell E., Liebkind K.* National symbols and distinctiveness: Rhetorical strategies in creating distinct national identities // British Journal of Social Psychology. 2010. Vol. 49. Is. 2. P. 321–341.
6. *Kemmelmeier M., Winter D.G.* Sowing patriotism, but reaping nationalism? Consequences of exposure to the american flag // Political Psychology. 2008. Vol. 29. Is. 6.

7. *Reijerse A., Van Acker K., Vanbeselaere N., Phaet K., Duriez B.* Beyond the Ethnic-Civic Dichotomy: Cultural Citizenship as a New Way of Excluding Immigrants // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. Is. 4. P. 611–630.

Д.И. Чистовский

*Преподаватель кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью
Московский государственный психолого-педагогический университет*

Р.Е. Барабанов

*Доцент, старший научный сотрудник
Преподаватель кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин
Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт*

СУТЬ МЕТОДА НАБЛЮДЕНИЯ В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Т.С. Чернецова, О.В. Афанасьева

Аннотация. В статье рассматривается существенная разница между профессиональным наблюдением с использованием четких, специально разработанных требований к процессу и бессистемным, не фиксированным житейским наблюдением. Авторы отмечают необходимость применения в образовательных организациях наблюдения именно как целостного метода психолого-педагогических исследований. Данная статья описывает условия проведения психолого-педагогического наблюдения, требования к его научному проведению. Проводится обзор субъективных и объективных достоинств и недостатков данного метода, а также приводятся доводы для оценки эффективности метода наблюдения. В качестве примера дается описание одной из возможных схем проведения наблюдения в общеобразовательном учреждении для выявления уровня мотивации учащихся к школьному процессу в целом.

Ключевые слова: психолого-педагогическое наблюдение, требования к процессу, непосредственная связь испытателя с объектом, фиксация событий, объективность и субъективность, техническая подготовка, мотивация учащихся, обработка полученных результатов.

THE OBSERVATION METHOD PRINCIPLES IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH

T.S. Chernetsova, O.V. Afanasyeva

Abstract. This article studies the significant difference between professional supervision, using clear and developed requirements for the process and unsystematic, not fixed everyday supervision. The authors note the necessity of observation in educational organizations as a holistic method of psychological and pedagogical research. This article describes the conditions for conducting psychological and pedagogical observation, as well as the requirements for its scientific implementation. It reviews the subjective and objective advantages and disadvantages of this method. It also provides arguments for evaluating the effectiveness of the observation method. As an example, we represent a description of one of the possible schemes of monitoring in a General education institution in order to identify the level of motivation of students regarding the school process as a whole.

Keywords: psychological and pedagogical observation, requirements for the process, direct connection of the tester with the object, recording events, objectivity and subjectivity, technical training, motivation of students, processing of the results obtained.

В условиях жизни современного общества возникает потребность в таких людях, которые умеют быстро адаптироваться к окружающей среде, творчески мыслят и умеют решать задачи и проблемы самостоятельно. Поскольку современным детям предстоит стать частью общества нашей страны, то они должны будут участвовать в развитии социальной и духовной стороны нашего общества. Это накладывает на них определенную ответственность. Так, уже сейчас в школьном возрасте от учеников требуется самостоятельность в процессе получения знаний и умений. Но эту ответственность несут и педагоги. Одной из основных задач педагога является подготовка способных и компетентных учеников.

Педагоги обязаны вести воспитательную работу таким образом, чтобы она создавала самые эффективные условия адаптации учеников к школе. Педагог должен глубоко и все-

сторонне знать учеников, следить за их развитием и возникающими проблемами в учебе и поведении, а также стараться моделировать учебный процесс таким образом, чтобы он максимально подходил каждому ученику. Следовательно, для оптимальной работы педагогу недостаточно лишь житейского наблюдения за своими подопечными. Ему требуется профессиональный подход.

В данной статье рассматривается проблема необходимости профессионального наблюдения за поведенческими особенностями учеников в ходе учебного процесса, а также необходимости эффективной фиксации полученных результатов в ходе психолого-педагогического исследования. Особенность метода наблюдения заключается в том, что его применение позволяет, при правильной организации, добиться максимально эталонных результатов, зафиксированных без вмешательства в сам процесс обучения и воспитания.

Целью данной статьи является описание и объяснение существенной разницы между научным наблюдением и наблюдением в повседневной жизни.

Статья ставит перед собой следующие задачи

- охарактеризовать условия проведения психолого-педагогического наблюдения и описать требования, предъявляемые к проведению процесса наблюдения;
- выполнить обзор достоинств и недостатков метода наблюдения и оценить эффективность метода наблюдения;
- описать одну из возможных схем проведения наблюдения за учащимися во время учебного процесса и оценить получившийся во время исследования результат.

Наблюдение как метод исследования встречается в таких науках, как социология, психология и педагогика. Люди применяли этот метод познания действительности с древнейших времен.

К первым профессиональным педагогам можно отнести жрецов Древнего Египта и шаманов Древнего Востока. Они выступали организаторами и учителями в храмовых школах разного уровня. Главной задачей учителей в древние времена было обучение основам письма, чтения, счета, азам мифологии, а также обучение основам социального устройства общества. Основным показателем успешной работы педагога считалась прочность усвоения знаний и дисциплина учащихся. Конечно же, одним из самых доступных методов изучения воспитанников было систематическое наблюдение за ними и изучение их поведения и деятельности. На том этапе обычной житейской наблюдательности педагога было вполне достаточно. Люди не испытывали необходимости в специальных техниках и приемах наблюдения. Следовательно, не существовало каких-либо педагогических рекомендаций и программ с критериями по наблюдению, написанных специально для педагогов.

Чуть позже, с появлением и развитием так называемых ораторских школ, стало развиваться и педагогическое наблюдение, так как для воспитания оратора нужно грамотно оценить его природные возможности и подобрать такие методы обучения и воспитания, которые бы привели к успешному развитию и становлению учащегося. Марк Фабий Квинтилиан, римский учитель красноречия, в своем труде «О воспитании оратора» описывал необходимость изучать индивидуальные возможности ребенка, а также указывал конкретные показатели, на основе которых следует строить педагогическое наблюдение: «В детях редко недостает природных способностей; чаще недостает попечения об них» [3]. Он писал о том, что благоразумный наставник должен разглядеть свойства ума и характер своего ученика, а также оценить индивидуальные возможности памяти и способности к подражанию: «После таких наблюдений над способностями учащихся учитель замечает, как лучше всего обходиться ему с учениками. Один требует понуждения, другой не терпит строгих приказаний; некоторых

сдерживает страх, у других он отнимает бодрость; иной успеваешь от постоянного прилежания, другой действует порывами» [3].

Несмотря на столь раннее зарождение данного метода, наблюдение как средство педагогического изучения и контроля за учащимися развивалось медленно и почти не менялось вплоть до нового времени.

В педагогике до сих пор наблюдение является наиболее распространенным и часто употребляемым методом, особенно в сочетании с другими методами исследования: экспериментом, изучением детей, беседами.

Психолого-педагогическое наблюдение, как научный метод исследования, – это целенаправленное, планомерное и систематическое восприятие воспитательных явлений и процессов. Суть заключается в определении взаимосвязей и отношений в наблюдаемой ситуации.

Стоит заметить, что научное наблюдение и обычное наблюдение в жизни заметно различаются. Различия заключаются в существовании определенной, конкретной идеи научного наблюдения, которая ведет к четко сформулированной цели. Профессиональное наблюдение обладает такими чертами, как планомерность и систематичность. Четкое определение цели означает, что педагог точно знает, что ему следует заметить в той или иной ситуации, и тем самым, он сможет предвидеть результаты своего наблюдения.

Наблюдение может быть направлено на достижение различных целей. Оно может быть использовано как источник информации для построения гипотез, служить для проверки данных, полученных другими методами, с его помощью можно извлечь дополнительные сведения об изучаемом объекте.

Наблюдение принято считать довольно трудоемким методом исследования. Трудности могут возникнуть уже на стадии сбора первичной информации. Это связано с некоторыми субъективными (влияние личности исследователя на трактовку действий подопечных, толкование результатов через призму собственного «Я», точнее через свою собственную систему ценностей), и объективными (ограниченность во времени проведения наблюдения) особенностями самого метода. Для того, чтобы суметь получить объективную информацию в процессе наблюдения, а также не пропустить некоторые малозаметные факты и сведения, важные для исследования, следует заблаговременно разработать программу педагогического наблюдения. С помощью подобной программы наблюдатель определяет время работы, средства, технику сбора материала, а также обдумывает взаимоотношения между проблемой, рабочей гипотезой и критериями выбора фактов, оценкой полученных данных.

Существует ряд общих требований, которые должны соблюдаться для возможности реализации процесса наблюдения в целом. Наблюдаемые процессы должны быть по своей природе доступны для наблюдения. Период времени, в который проводится наблюдение, должен быть не слишком долговременным, так как в противном случае изменения в окружающей обстановке могут повлиять на изучаемое поведение, явление. Наблюдение проводится в соответствии с заранее разработанным планом, где указываются место и время, объект наблюдения, способы установления характеристик объекта наблюдения, способ фиксирования результатов и др.

При проведении научного наблюдения необходимо соблюдать такие требования, как адресность, беспристрастность, плановость, разработанная процедура процесса наблюдения, необходимость и достаточность количества наблюдаемых признаков, учет возможных будущих ошибок, возможность проведения сравнения, измерения, а также математической обработки собранных сведений, уместность.

Метод наблюдения, как и другие методы, имеет ряд достоинств и недостатков.

К бесспорным достоинствам можно отнести оперативность получения информации и непосредственную связь испытателя с объектом изучения, которая позволяет охватить и зафиксировать явления и ситуации в целом, при этом многогранность данного метода дает возможность улавливать и отдельные детали изучаемого явления. Наблюдение позволяет произвести исследование независимо от готовности наблюдаемых объектов. Также одним из достоинств данного метода является возможность фиксировать события и элементы человеческого поведения в момент их совершения, в отличие от других методов сбора первичной информации, которые основываются на предварительных или ретроспективных суждениях респондентов. Данный метод позволяет достичь многомерности охвата (фиксации сразу по нескольким параметрам). Используя данный метод, исследователь в определенной степени не зависит от объекта исследования, то есть он может собирать факты независимо не только от умения, но и желания наблюдаемых говорить.

Недостатки метода можно разделить на две группы: объективные – то есть не зависящие от наблюдателя, и субъективные – те, которые связаны с личностью и профессиональными особенностями наблюдателя.

Объективными недостатками принято считать ограниченность информации о целях и мотивах поведения наблюдаемых, сложность и как правило невозможность повторения наблюдений, высокую трудоемкость метода (большие временные затраты, участие большого количества исследователей высокой квалификации).

В свою очередь, к наиболее важному субъективному недостатку относят возможность непреднамеренного вмешательства наблюдателя в естественный ход исследования, особенно в случае включенного наблюдателя: заняв позицию тех, кого он наблюдает, он может начать симпатизировать (или наоборот) отдельным индивидам или группам. Также стоит внимательно относиться к различиям в социальном положении наблюдателя и наблюдаемых, несхожести их интересов, ценностных ориентаций, а также стереотипов поведения. Существует такое понятие, как «эффект эксперимента». Это так называемое влияние установки наблюдателя на наблюдаемых. Считается, что если наблюдаемые знают, что являются объектом наблюдения, то характер их действий может искусственно меняться, их желания подстраиваться под то, что, по их мнению, хотелось бы видеть наблюдателю.

Эффективность метода наблюдения заключается в его информативности и универсальности, так как с его помощью можно изучать почти любой процесс или явление. Именно этот метод позволяет воспринимать и фиксировать поведенческие акты одновременно, что исключает факт забывания ситуации или вынесения ошибочных суждений. Наблюдение не искажает естественного протекания процессов поведения. При этом, опытный наблюдатель воспринимает всю картину происходящего целиком и способен одновременно отслеживать поведение целой группы. По средствам наблюдения возможно измерить степень интенсивности актов поведения. Данный метод позволяет свести вмешательство в процесс к минимуму и практически не требует никаких дополнительных средств.

Перед началом наблюдения следует провести тщательную техническую подготовку. Следует заготовить регистрационные листы (или бланки, схемы). Необходимо точно знать, в какой форме будет вестись наблюдение. Проверить наличие записывающих средств, если таковые используются. Продумать ситуацию включения в наблюдение. Определить место, с которого можно наилучшим образом увидеть то, что интересует. Согласовать график наблюдений с ходом реальной жизни наблюдаемых людей.

Обработка результатов наблюдений зависит от его целей, выбранного вида наблюдения и составленной программы. Если наблюдение проводится по формализованной схеме,

то первичная обработка проводится путем обобщения данных, полученных по каждому показателю, с учетом количества проведенных наблюдений. Вторичная обработка будет зависеть от задач исследования в целом.

Наблюдение является одним из методов, которые используются для определения учебной мотивации учеников или студентов. В условиях школьной жизни для педагога не составит никакого труда осуществить данный метод, так как время, которое ученики проводят в стенах школы, довольно продолжительное. Педагог имеет возможность наблюдать за поведением и деятельностью учеников в разных ситуациях (во время учебных занятий, на перемене, в школьной столовой, во время внеурочной деятельности).

На основе полученных данных можно будет сделать вывод об уровне учебной мотивации школьников. В свою очередь, сделанные выводы послужат базой для составления рекомендаций по дополнительной, индивидуальной работе с отдельными учениками.

Анализ научной литературы показывает, что для того, чтобы грамотно провести процесс наблюдения, педагогу необходима четкая схема процесса. Поскольку наблюдение – процесс непрерывный, прежде чем начать наблюдать выбранный объект, следует выделить определенные его стороны, которые нужно замечать и фиксировать. Выбранные единицы наблюдения должны быть согласованы с целью исследования и давать возможность интерпретации результатов в соответствии с теоретической позицией. Подобные исследования были проведены такими отечественными учеными, как М.Я. Басов [1], Б.С. Волков [2], Л.А. Регуш [4], Л.А. Шипилова [5], Н.М. Щелованов [6] и многими другими.

М.Я. Басов в своих трудах определил общие требования к записи наблюдений. Он отмечал необходимость фактической логичности, предметного и социального описания ситуации, полноты записи, чтобы в соответствии с целью отражать изучаемую реальность.

Далее, в качестве примера, будет приведена примерная схема наблюдения за учащимися в процессе учебной деятельности, применимая в общеобразовательном учреждении. Целью наблюдения выступает выявление уровня мотивации к учебному процессу.

Перед началом наблюдения следует составить схему рассадки детей в классе и подготовить достаточное количество карт наблюдения (*рисунок 1*).

Карта наблюдения за учащимися _____ класса	
Предмет _____	День недели _____
Урок по счету _____	
Тема урока _____	
Учитель _____	Дата _____
Цель наблюдения _____ _____	
Ф.И.О. наблюдателя _____	Должность _____

Рисунок 1. Карта наблюдения за учащимися

Далее следует разработать необходимые и достаточные единицы наблюдения. Примерный перечень единиц наблюдения указан в *таблице 1*. Необходимо также разработать критерии для оценивания уровня мотивации учащихся (*таблица 2*).

Таблица 1

Схема проведения наблюдения для выявления степени мотивации к учебному процессу (единицы наблюдения)

1. Отношение ученика к учению	2. Уровень форсированности навыков учебно-познавательной деятельности ученика
<ul style="list-style-type: none"> – с интересом или без интереса учится; – проявляет ли желание учиться лучше; – к каким учебным предметам проявляет интерес; – реакции на успехи и неудачи в учении; – отношение к оценке; – отношение к похвале и порицанию учителя; – степень осознанности общественной и личностной значимости учебной деятельности для ученика 	<ul style="list-style-type: none"> – умение принимать и выполнять требования учителя; – умение планировать учебную работу; – осмысленность восприятия учебного материала, быстрота осмысления; – умение выделять главное в учебном материале, делать обобщения, выводы; – собранность, внимательность, сосредоточенность во время урока; – уровень настойчивости в достижении поставленных учебных целей; – умение преодолевать трудности в учебе и личном поведении; – умение осуществлять контроль в учении; – умение самостоятельно работать над книгой, заучивать материал
3. Особенности поведения в учебной деятельности	4. Степень успеваемости
<ul style="list-style-type: none"> – ведет себя спокойно, сдержанно или проявляет излишнюю подвижность, непоседливость; – типичные нарушения дисциплины (если они имели место); – типичное настроение на уроке; – насколько инициативен в учебной деятельности; – выполнение требований взрослых (выполняет охотно или по принуждению, часто ли отказывается выполнять требования и какие) 	<ul style="list-style-type: none"> – преобладающие оценки; – одинаково или нет успевает по разным предметам

Таблица 2

Критерии оценивания степени мотивации учащихся к школьному процессу

<i>Параметры</i>	<i>Класс в целом</i>	<i>Отдельные учащиеся</i>	<i>Дополнения</i>
Степень готовности к уроку (учебные принадлежности, настрой на работу на уроке)			
Познавательная активность (высокая, средняя, низкая)			
Степень включенности учащихся в учебную деятельность			
Стремление к улучшению результата (ярко выражено, средне, отсутствует)			
Работоспособность (высокая, средняя, низкая)			
Темп деятельности (высокий, средний, низкий)			
Саморегуляция (высокая, средняя, низкая)			
Степень самостоятельности (при выполнении заданий) (высокая, средняя, низкая)			
Потребность в одобрении (при выполнении заданий) (высокая, средняя, низкая)			
Уровень отвлекаемости (проявление речевой, двигательной активности, навязчивые движения, разговоры «не по теме») (высокий, средний, низкий)			
Наличие агрессивных проявлений (по отношению к сверстникам, взрослым) (присутствует, отсутствует)			
Преобладание эмоционального фона, пониженный фон настроения, эмоциональная нестабильность			

Приемы, используемые педагогом для эффективного усвоения учебного материала, следует фиксировать в специально разработанной форме.

Метод наблюдения становится наиболее эффективным, если его применять с использованием элементов других методов (беседа, анкетирование). Так, при проведении наблюдения за учащимися школы будет целесообразно провести беседу по окончании процесса наблюдения. То же

касается и проведения анкетирования. Эти данные качественно дополняют, полученную в ходе наблюдения информацию. Примерные вопросы к беседе с учеником приведены на *рисунке 2*.

1. Что больше всего тебя привлекает в школе? (общение с товарищами, получение отметок, узнавание нового, сам процесс учения, самостоятельная работа и другое),
2. Какой учебный предмет тебе кажется наиболее трудным и почему?
3. Какой учебный предмет тебе кажется наиболее интересным и почему?
4. Какой из учебных предметов ты считаешь самым полезным для своей подготовки к жизни после окончания школы и почему?
5. Какие учебные предметы надо было бы включить в обучение и почему?
6. Преподавание какого предмета тебе нравится больше всего и почему?
7. Как ты считаешь, правильно ли оценивают учителя тебя и твои знания?
8. Можешь ли ты достичь лучших результатов в учении?

Рисунок 2. Вопросы для беседы

В *таблице 3* приведен список вопросов для анкетирования учащихся. Проверка уровня школьной мотивации учащихся проводится по анкете Н.Г. Лускановой (1993). Данная анкета наилучшим образом отражает отношение детей к школе и учебному процессу.

Таблица 3

Анкета для определения уровня школьной мотивации Н.Г. Лусканова

1.	Тебе нравится в школе?	да; не очень; нет
2.	Утром ты всегда с радостью идешь в школу, или тебе часто хочется остаться дома?	иду с радостью; бывает по-разному; чаще хочется остаться дома
3.	Если бы учитель сказал, что завтра в школу не обязательно приходить всем ученикам, ты пошел бы в школу или остался дома?	пошел бы в школу; не знаю; остался бы дома
4.	Тебе нравится, когда отменяются какие-нибудь уроки?	не нравится; бывает по-разному; нравится
5.	Ты хотел бы, чтобы тебе не задавали никаких домашних заданий?	не хотел бы; не знаю; хотел бы
6.	Ты хотел бы, чтобы в школе остались одни перемены?	нет; не знаю; хотел бы
7.	Ты часто рассказываешь о школе своим родителям и друзьям?	часто; редко; не рассказываю
8.	Ты хотел бы, чтобы у тебя был другой, строгий учитель?	мне нравится наш учитель; точно не знаю; хотел бы
9.	У тебя в классе много друзей?	много; мало; нет друзей
10.	Тебе нравятся твои одноклассники?	нравятся; не очень; не нравятся

Критерии анализа результатов: за каждый первый ответ – 3 балла, промежуточный – 1 балл, последний – 0 баллов. Максимальная оценка 30 баллов. Чем выше балл, тем выше школьная мотивация.

25–30 баллов – сформировано отношение к себе как к школьнику, высокая учебная активность.

20–24 балла – отношение к себе как к школьнику практически сформировано.

15–19 баллов – положительное отношение к школе, но школа привлекает больше вне учебных сторонами.

10–14 баллов – отношение к себе как к школьнику не сформировано.

Ниже 10 баллов – негативное отношение к школе.

Проводя научное наблюдение, мы стараемся уловить закономерности и связи в наблюдаемом явлении, его основную суть. Раскрыть сущность явления возможно при анализе педагогических и психологических данных, полученных при наблюдении. Научное наблюдение должно привести к формированию гипотез, к их последующей проверке, уточнению и созданию теоретической базы, объясняющей эти гипотезы. У научного наблюдения есть цель и должен быть результат, в этом его отличие от ненаучного наблюдения. Для того, чтобы процесс наблюдения был организован как научный метод психолого-педагогического исследования и позволил получить достоверную информацию, которая после обработки может служить источником подтверждения или опровержения поставленных гипотез, необходимо четко соблюдать требования и условия, предъявляемые к данному процессу. Эффективность метода наблюдения зависит от профессиональных и личных качеств исследователя, его специальной подготовки и обученности, от четкой и спланированной подготовки на предварительном этапе (выбор оптимальной стратегии наблюдения и четкое ее соблюдение), от своевременной и систематической фиксации наблюдаемых актов; от сопоставления результатов исследования с помощью других методов (анкетирование, тест, беседа) для исключения субъективности метода наблюдения. Отсутствие предварительно разработанной программы и техники наблюдения делает наблюдение сравнительно сложным и требует от исполнителя высокой методологической подготовки. Имея на руках прописанные карты и формы наблюдения за учащимися, а также четко сформулированные единицы наблюдения и критерии оценивания степени мотивированности школьников к учебному процессу, наблюдатель весьма успешно справится с поставленной задачей. А полученные опытным путем результаты будут полностью достоверны.

Наблюдение, которое ведут современные исследователи, является более рациональным и активным. Оно позволяет собирать не только единичные, особенные факты, но и устанавливать причины их возникновения, выявлять на типичное в поведении людей. На основе такого вида наблюдения разрабатываются конкретные методики, которыми могут пользоваться как искусные наблюдатели, так и психологи и педагоги, владеющие общими правилами наблюдения.

Библиографический список

1. Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М., 1975.
2. Волков Б.С., Волкова Н.В. Губанов А.В. Методология и методы психологического исследования. М. 2010.
3. Квинтилиан Марк Фабий. «О воспитании будущего оратора» // URL: <http://rit-info.narod.ru/stories.html> (дата обращения 02.11.2020)
4. Регуш Л.А. Практикум по наблюдению и наблюдательности. СПб., 2008.

5. *Шипилина Л.А.* Методология и методы психолого-педагогических исследований: учебное пособие для аспирантов и магистрантов по направлению «Педагогика». М., 2013.
6. *Щелованов Н.М.* Воспитание детей раннего возраста: стенограмма публичной лекции. М., 1954.

Т.С. Чернецова

Студент

Московский информационно-технический университет – Московский архитектурно-строительный институт

О.В. Афанасьева

Кандидат филологических наук

Старший преподаватель кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин

Московский информационно-технический университет – Московский архитектурно-строительный институт

ПЕДАГОГИКА

PEDAGOGY

УДК 377.6

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.О. Привальская

Аннотация. Развитие информационных технологий влияет на выбор методов и приёмов обучения русскому языку в заведениях среднего профессионального образования. Применение современных методов и приёмов, разработанных ведущими филологами и педагогами, способствует повышению качества владения студентами языковыми средствами и мотивации их дальнейшего обучения. Основным субъектом обучения в заведениях среднего профессионального образования является студент, поэтому все средства обучения должны быть направлены на развитие его духовного потенциала и творческих способностей. Антропоцентрический подход к образованию, метод проблемного обучения и инновационные приемы в сочетании с традиционной парадигмой способствуют овладению учащимися коммуникативной, языковой, лингвистической и культурологической компетенциями, что является целью обучения русскому языку в заведениях среднего профессионального образования.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, антропоцентризм, коммуникативная компетенция, фишбоун, интеллект-карта, инсерт.

THE MODERN METHODS AND TECHNIQUES OF TEACHING RUSSIAN IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS

A.O. Privalskaya

Abstract. The development of information technologies influences the choice of methods and techniques of teaching Russian in secondary vocational education institutions. The use of modern methods and techniques developed by leading philologists and teachers helps to improve the quality of students' language skills and motivate them to continue their education. The main subject of teaching in secondary vocational education institutions is the student, so all teaching tools should be aimed at developing their spiritual potential and creative abilities. The anthropocentric approach to education, the method of problem-based learning and innovative techniques combined with the traditional paradigm help students master communicative, linguistic and cultural competencies, which is the goal of teaching Russian in secondary vocational education institutions.

Keywords: secondary professional education, anthropocentrism, communication competence, fishbone analysis, mental card, insert.

Стремительное развитие информационных технологий диктует изменение традиционной системы просвещения как в школе и вузах, так и в учреждениях среднего професси-

онального образования. Потребности общества растут и постоянно изменяются, определяя цель педагогической деятельности преподавателя как формирование у учащихся способности успешной социализации, а также эффективной адаптации на рынке труда [7]. Снижение интереса молодёжи к русской классической литературе по причине увлечённости сериалами, комиксами, ток-шоу и реалити-шоу приводит к тому, что, в свою очередь, снижается качество владения русским литературным языком, к трудностям коммуникации, уменьшению количества и разнообразия форм самовыражения и естественного, прямого общения студентов [3].

Однако продолжает расти спрос общества на творческих, динамичных, развивающихся и гибких личностей, специалистов в своей профессии, способных за короткое время адаптироваться в постоянно изменяющихся условиях, располагающих различными способами и методами поиска и анализа информации, с увлечением обучающихся выбранной профессии [10].

Интеграция российского образования в систему Европейского международного образования подразумевает внедрение в педагогическую деятельность российских педагогов инновационных технологий, позволяющих повысить уровень подготовки специалистов. Среднее специальное образование нуждается в реформировании, предполагающем разработку и включение новейших научно доказанных средств и учебно-предметных сред, методов, форм и приёмов, а также педагогических технологий, помогающих эффективно организовать учебно-воспитательный процесс и управлять им.

Таким образом, можно охарактеризовать современный этап развития среднего специального образования как отвечающего насущным потребностям общества и обусловленного развитием научного прогресса [2].

Русский язык в заведениях среднего профессионального образования – это учебный курс, включающий в себя в обобщённом виде всё, чему студенты научились на уроках русского языка в школе, в предшествующих классах. Содержание дисциплины структурировано на основе компетентностного подхода, включающего овладение коммуникативной, языковой, лингвистической и культурологической компетенциями.

Языковая компетенция подразумевает анализ студентами речевого опыта, а также знаний науки о языке, проработку понятийной базы дисциплины. Она направлена на образование языковых умений и навыков – опознание материала, классификацию и рассмотрение языковых явлений.

Коммуникативная компетенция заключается в способности анализировать речевые ситуации и, опираясь на анализ, подбирать программу речевого поведения: вербальную и невербальную.

Лингвистическая компетенция представляет собой «знание системы языка и правил ее функционирования в коммуникации» [5]. Она характеризуется присутствием языковых средств и их функций с заданным коммуникативным потенциалом.

Культурологическая компетенция направлена на воспитание чуткого отношения к родному языку и духовному опыту народа [3].

Основная деятельность преподавателя русского языка должна заключаться в развитии, воспитании и обучении студентов и осуществляться при помощи обучающих методов и приёмов, цель которых заключается в овладении студентами перечисленных компетенций.

Метод обучения (от греч. *methodos* – путь исследования) – это главный компонент занятия, тесно связанный со всеми его другими компонентами. Педагог располагает несколькими методами обучения, каждый из которых является способом преподавания, с помощью которого студенты усваивают новые знания, умения и навыки и развивают познавательные способности [4].

Все педагогические методы в зависимости от вида деятельности студентов делятся на три группы:

1. Пассивные методы – это формы взаимодействия преподавателя и студентов, в которых преподаватель является основным действующим лицом, управляющим ходом занятия, при этом студенты являются пассивными слушателями. Связь педагога с обучающимися происходит с помощью опросов, контрольных работ, тестов и других видов контроля. Самой распространённой формой занятия является лекция. Самым распространённым стилем преподавания является авторитарный. Несмотря на относительно лёгкую подготовку со стороны преподавателя и ресурс получить сравнительно большое количество знаний со стороны студентов, пассивные методы считаются самыми неэффективными.
2. Интерактивные методы предусматривают взаимодействие, нахождение в режиме беседы, диалога, разговора. Они ориентированы также на взаимоотношения студентов между собой.
3. Активные методы – подразумевают равноправие педагога и учащихся, взаимодействие в ходе занятия. основополагающим стилем преподавания становится демократический, а деятельность обучаемых носит творческий, поисковый, продуктивный характер. Преподаватель стремится не только дать студентам максимальное количество новой информации, но главное – развить в них желание учиться, научить продуктивно и интересно работать. При этом преподавателю нужно не только рассказать и показать в доступной форме, но и развить стремление к осознанному мышлению, практическим действиям и активному самостоятельному поиску новой информации [4].

Каждое занятие может совмещать различные образовательные методы. Выбор производится в зависимости от этапа занятия, целей и возможностей.

Применение активных и интерактивных методов обучения на занятиях русским языком в учреждениях среднего специального образования связано с антропоцентричным подходом в педагогике, то есть с «человекоориентированностью» процесса обучения. Данный подход подразумевает усиление ведущей роли интегративных тенденций между разными сферами знаний и увеличение диалогизации в образовательной среде. В центре антропоцентрического подхода – студент, рост его духовного мира и культуры. На уроках русского языка это, прежде всего, языковое образование личности, потому что именно язык в первую очередь и наиболее остро реагирует на социально-исторические, экономические и политические катаклизмы в обществе, отражая текущее развитие общей культуры [2]. Цель языкового образования – это, прежде всего, формирование личности, которая должна самореализовываться и самовыражаться, самостоятельно выбирать жизненные ориентиры, реализуя речь как осознанную интеллектуальную деятельность [3].

Если говорить о наиболее продуктивных и перспективных образовательных технологиях, позволяющих реализовать учебный процесс в направлении антропоцентричного практического профессионального обучения, необходимо рассмотреть коммуникативно-компетентностную, личностно-ориентированную и профессионально ориентированную методики обучения русскому языку в заведениях среднего специального образования.

Впервые коммуникативные навыки в различных фазах речевой деятельности письма и говорения (развития речи) были определены Т.А. Ладыженской [11]. Основой коммуникативно-компетентностного обучения является обучение русскому языку, ориентированное на развитие коммуникации у студентов. При этом центром такого обучения становится коммуникативная ситуация. Педагог предлагает учащимся такие ситуации, которые включают каждого студента в процесс коммуникации, а также использует речевые и условно-речевые упражнения, которые стремятся максимально точно воссоздать ситуации реального речевого общения. Коммуникативность предполагает наличие определенных коммуникативных интенций: обращение, просьбу, благодарность, сочувствие, соболезнование. Основная роль коммуникативного обучения заключается в том, что оно служит моделью реального общения.

Сюда же относится обучение коммуникативно значимым жанрам: составление конспектов, написание рефератов, запись лекций. Целью коммуникативно-личностного обучения является высокий уровень овладения коммуникативной компетенцией. Основой коммуникативной компетенции является лингвистический компонент, предполагающий знание лексики, орфографии, грамматики и стилистики, а также способов их нормативного употребления.

Другой целью коммуникативного обучения является овладение социолингвистической компетенцией. Это означает умение правильно менять регистры общения в разных коммуникативных ситуациях, распознавать языковые особенности партнера по общению с позиции его социальных и культурных характеристик, гендерных и возрастных различий, демонстрировать коммуникативную вежливость, реализовывать интенции, а также решать средствами русского языка актуальные для себя и социума задачи.

Личностно-ориентированная методика обучения русскому языку в среднем профессиональном образовании считает студента основным субъектом обучения, а целью обучения – развитие его индивидуальных способностей. Средства, направленные на достижение поставленной цели, должны обеспечивать ее реализацию через выявление и структурирование субъективного опыта учащегося и его направленного развития в процессе обучения русскому языку. При этом педагог является не источником новой информации, а только направляет студентов, учитывая их опыт и индивидуальные характеристики [10].

Профессионально ориентированное обучение рассматривает изучение русского языка как средства профессионального общения для того, чтобы эффективно решать профессиональные задачи. Для этого рассматриваются следующие речевые ситуации: совещания, переговоры, беседы разных уровней, написание деловых профессиональных писем и т.д. [8] Профессионально ориентированное обучение должно реализовываться путем интеграционных, междисциплинарных связей через взаимосвязь преподавателей-филологов с преподавателями других дисциплин [10].

Для предоставления максимальных возможностей развития творческих и познавательных способностей обучающихся в процессе обучения русскому языку в среднем профессиональном образовании широко применяется метод проблемного обучения. Рассматривая проблемный метод, необходимо выделить две группы стратегий, определяющие на педагогическую деятельность преподавателя:

1. Стратегии, влияющие на обучение:
 - когнитивные стратегии, направленные на осмысление учащимися материала;
 - стратегии запоминания, помогающие сохранить знания в памяти студентов;
 - компенсаторские стратегии, поддерживающие студентов в случае затруднения в процессе коммуникации.
2. Стратегии, непосредственно связанные с созданием условий для усвоения знаний и помогающие преодолеть психологические затруднения в процессе обучения языку [7].

Цель перечисленных методик – активизировать, интенсифицировать, оптимизировать процесс познания. Инновационное обучение в таком случае предполагает обязательное включение учащихся в познавательную деятельность, коллективные формы работы на занятии, обмен мнениями.

Среди множества инновационных приёмов, позволяющих применять метод проблемного обучения на занятиях русским языком в заведениях среднего профессионального образования, следует выделить наиболее распространенные и продуктивные методики:

- прием кластеров (наиболее распространенным видом которого является прием Фишбоун);
- прием составления ментальных карт или интеллект-карт;
- прием инсерт.

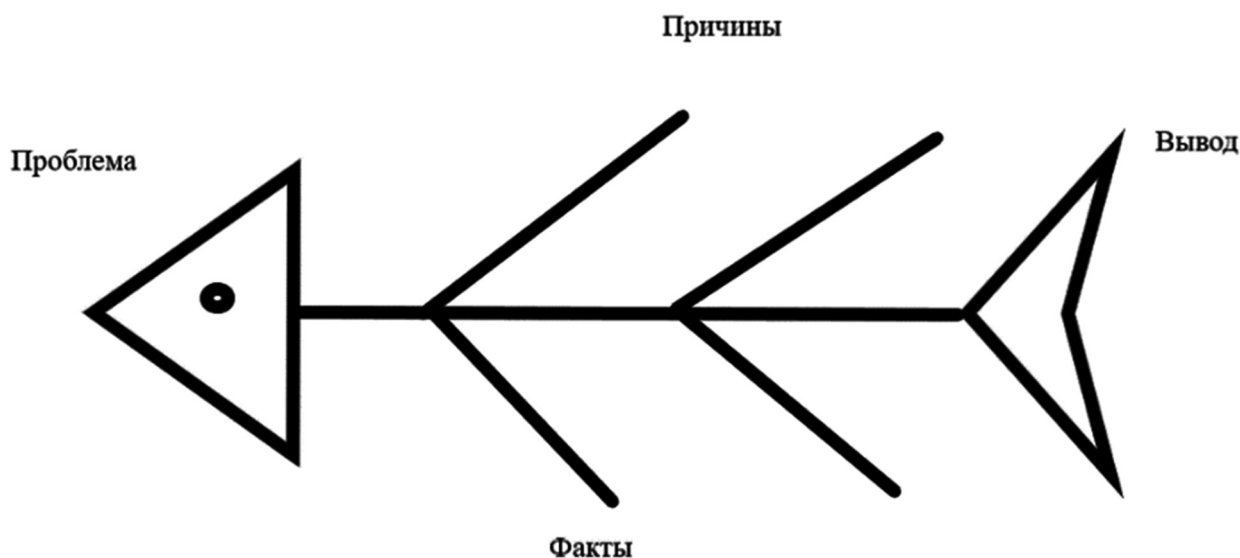

Рисунок 1. Схема Фишбоун

Прием кластеров заключается в графическом представлении материала, позволяющем наглядно преподнести мыслительные процессы, происходящие во время погружения в тему [9]. Кластер отражает нелинейную форму мышления. С помощью кластера можно наглядно представить основные моменты любого понятия курса русского языка. Кластер похож на опорный конспект. Его также можно назвать «наглядным мозговым штурмом». Самая распространённая разновидность кластера – Фишбоун (англ. «Рыбная кость» или «Рыбный скелет»). Он представляет собой диаграмму в форме рыбьего скелета. В мировом образовании данный прием называется Ишикавой (Исикавой) – по имени японского профессора, который придумал метод структурного анализа причинно-следственных связей [12]. Фишбоун представляет собой рисунок или схему, позволяющую наглядно продемонстрировать причины событий, явлений, проблем, а также сделать выводы и подвести итоги обсуждения. Фишбоун включает в себя четыре блока – голову, хвост, верхние и нижние кости (рисунок 1). Далее следуют основная часть и хребет «рыбы». Преподаватель вместе с учащимися заполняют схему в следующем порядке: голова – вопрос, тема или задача; верхние кости – основные понятия темы, причины проблемы; нижние кости – факты, подтверждающие наличие причин; хвост – ответ на вопрос, вывод, обобщение.

Интеллект-карта, ментальная карта или карта памяти – это вид записи материала в виде многомерной (радиантной) структуры, представляющий собой графическое выражение процессов восприятия, обработки и запоминания информации, способ представить идеи понятно и наглядно и показать связь между идеями при помощи схем. Автором данной методики стал известный английский писатель Тони Бьюзен. Так как мышление организовано не линейно, а имеет разветвленную структуру, все понятия в человеческом мозге связаны с другими понятиями, другие понятия – с третьими и так далее (рисунок 2). Поэтому интеллект-карта выглядит следующим образом:

1. Центр карты – основное понятие рассматриваемой темы, выделенное ярким цветом.
2. От центра расходятся ветви ассоциаций – подтемы, количество которых прямо пропорционально памяти. Рекомендовано изображать не более семи ветвей, выделенных разными цветами.
3. Далее каждая ветка разветвляется на подтемы второго уровня.

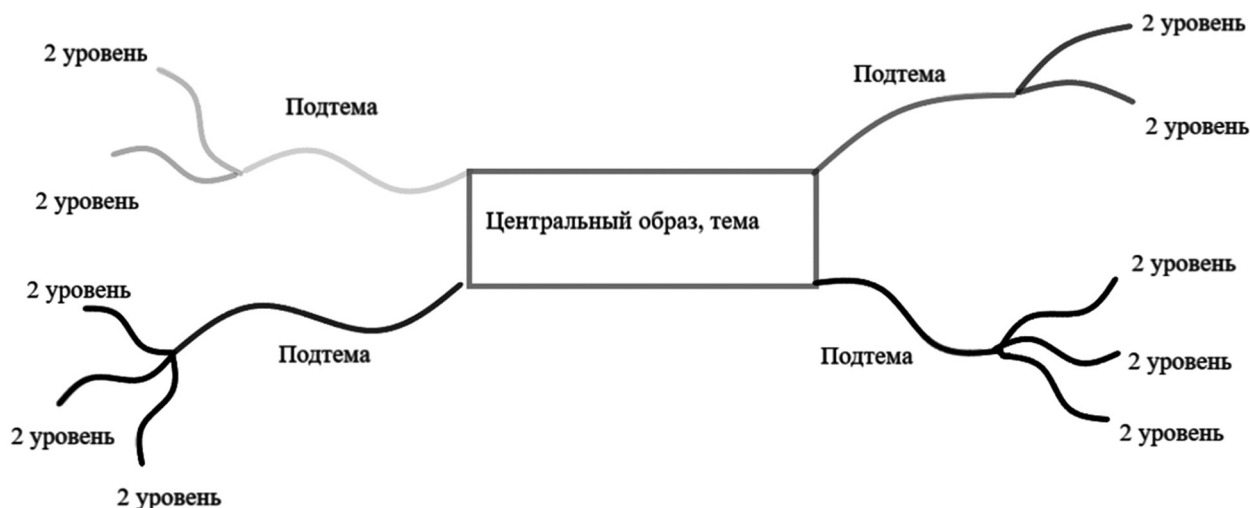

Рисунок 2. Схема интеллект-карты

4. Каждая ветка первого уровня с ветками второго и третьего уровней заключаются в область того же цвета.
5. Между понятиями разных ветвей указываются связи [1].

Инсерт или инсёрт – один из приемов технологии развития критического мышления через чтение и письмо, используемый при работе с текстом. Авторами приёма стали Д. Воган и Т. Эстес. Позднее приём преобразовали Ч. Темпл, К. Меридит и Д. Стилл. С тех пор инсерт стали использовать в технологии критического мышления. Суть методики заключается в том, что учащиеся читают текст, пометая его специальными знаками:

- V – я это знаю;
- + – это новая информация для меня;
- – я думал по-другому;
- ? – это мне непонятно.

После первого чтения текста учащиеся заполняют таблицу, куда выписывают информацию из текста, соответствующую пометам. При повторном чтении текста происходит процесс осмысления информации, таблица может пополниться, может сократиться, тезисы могут переместиться. На этапе рефлексии обсуждаются данные таблицы, информация анализируется и делаются выводы [6].

Применение на уроках русского языка интернет-ресурсов вызывает у учащихся огромный интерес. Благодаря данному виду связи преподаватель и студенты могут обмениваться информацией в режиме, который не зависит от времени и места, творчески взаимодействовать друг с другом, черпать информацию из мобильной информационной среды, находить решение множества коммуникативных задач, что помогает повысить мотивацию студентов. Интернет позволяет использовать на занятиях разные ресурсы – сайты с учебными материалами и тестами, видео- и аудиофайлы, помогает организовывать конференции и дистанционное обучение. Инновационные приемы преподавания русского языка могут быть широко реализованы благодаря интернету.

Однако применяя современные методы и приемы обучения русскому языку в заведениях среднего профессионального образования, не стоит забывать и о более традиционных. Необходимо грамотно сочетать их в постоянной взаимосвязи. Оба эти понятия должны находиться на одном уровне. При таком подходе к педагогической деятельности возможно до-

биться основной цели обучения русскому языку – овладению учащимися коммуникативной, языковой, лингвистической и культурологической компетенциями.

Библиографический список

1. *Бершадская Е.А.* Применение метода интеллект-карт для формирования познавательной деятельности учащихся // Педагогические технологии. 2009. № 3.
2. *Болотнова Н.С.* Новое в методике преподавания русского языка в вузе и школе // Вестник ТГПУ. 1997. № 1.
3. *Горбулинская Е.И.* Методика преподавания русского языка в выпускных классах // ИСОМ. 2014. № 4.
4. *Долгокирова В.Г.* Методы обучения на уроках русского языка и литературы в условиях новых стандартов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 30.
5. *Зимняя И.А.* Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6.
6. Инсерт – прием технологии критического мышления. Что это такое и как использовать на уроке? URL.: https://pedsovet.su/metodika/priemy/6007_priem_trkm_insert_na_uroke.html (дата обращения: 15.09.2020).
7. *Кенжегулова А.А.* Инновационные методы преподавания русского языка и литературы // Вестник Актюбинского университета им. С. Баишева. 2011. № 2 (32).
8. *Клобукова Л.П.* Терминологические игры или новая лингвометодическая реальность // Мир русского слова. 2002. № 2.
9. *Коряковцева Е.И.* Создание кластера на уроках русского языка. URL: <https://infourok.ru/sozdanie-klastera-na-urokah-russkogo-yazika-1337564.html> (дата обращения: 12.09.2020).
10. *Орлова Е.В.* Инновационные подходы при обучении русскому языку в современном вузе // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2017. № 2.
11. Система обучения сочинениям в 4–8 классах/ под ред. Т.А. Ладыженской. М., 1978.
12. Современные методы обучения на уроках русского языка. URL.: <https://infourok.ru/sovremennie-metodi-obucheniya-na-urokah-russkogo-yazika-i-literaturi-2138880.html> (дата обращения: 19.09.2020).

А.О. Привальская

*Преподаватель кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА
E-mail: kasandrarus@mail.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОРПУСОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Д.Ю. Арсентьев

Аннотация. В обучении иностранным языкам постоянно появляются различные нововведения, и одним из относительно новых методов обучения является использование лингвистических корпусов. В данной статье рассматривается, что такое лингвистические корпус; какие лингвистические корпуса используются для обучения иностранным языкам; основной интерфейс корпусов; как лингвистические корпуса могут быть использованы для обучения иностранным языкам; какие преимущества и недостатки на данный момент есть у данного метода обучения; какие перспективы корпусного обучения есть в педагогике.

Ключевые слова: лингвистика, корпусное исследование, лингвистический корпус, английский язык, педагогика.

THE USAGE OF LINGUISTIC CORPORA IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

D. Yu. Arsentiev

Abstract. Nowadays, a lot of innovative methods and technologies constantly appear in the sphere of language education, whether it is teaching or learning foreign languages. One of such methods is the usage of linguistic corpora. In this article, we analyze what is a linguistic corpus; what corpora are mainly used for teaching foreign languages; the corpora user interface; how linguistic corpora can be used for teaching foreign languages; what are the pros and cons of this method are, and what are the perspectives of using linguistic corpora in language education.

Keywords: linguistics, corpora research, linguistic corpus, the English language, pedagogy.

В данной работе пойдет речь об использовании лингвистических или текстовых корпусов в обучении иностранным языкам. В первую очередь необходимо определить, чем же является лингвистический корпус.

Лингвистический корпус – это массив текстов, собранных в единую систему по определенным признакам (языку, жанру, времени создания текста, автору и т.п.) и снабженных поисковой системой [5].

В *таблице 1* представлены примеры лингвистических корпусов.

Несмотря на то, что лингвистические корпуса в своем современном виде начали появляться в 60-х гг. XX в. (первым лингвистическим корпусом считается Брауновский корпус, созданный в 1961 г.) [3], использовать лингвистические корпуса для обучения иностранным языкам начали далеко не сразу. Изначально корпуса использовались для решения различных лингвистических задач, например, чтобы подсчитывать частотность тех или иных словоформ в определенном временном промежутке, и таким образом узнавать, какие слова выходят из активного лексикона у большинства людей и в скором времени могут стать архаизмами. Также корпуса используются компьютерными лингвистами для создания компьютерных моделей языка.

Таблица 1

Лингвистические корпуса различных языков

<i>Лингвистические корпуса различных языков</i>		
<i>Название корпуса</i>	<i>Описание корпуса</i>	<i>Размер корпуса</i>
Национальный корпус русского языка [2] https://ruscorpora.ru/new/	Самый широко используемый корпус русского языка. Содержит тексты различных жанров	Общий объем корпуса более 600 млн словоупотреблений
Корпус современного американского английского (COCA) [6] https://www.english-corpora.org/coca/	Самый широко используемый корпус английского языка. Содержит тексты различных жанров. Преимущественно содержит тексты американского варианта английского языка	Более 1 млрд словоупотреблений
Британский национальный корпус (BNC) [7] https://www.english-corpora.org/bnc/	Основной корпус британского варианта английского языка. Также содержит тексты различных жанров и регистров и считается одним из основных корпусов английского языка	Более 100 млн словоупотреблений

Однако, несмотря на широкое освещение лингвистических корпусов на уровне теории, внедрение корпусных и прочих информационных технологий в дидактику происходит неоправданно медленно. Е.Н. Соловова видит причину в недостаточной профессиональной подготовке преподавателей, а также в отсутствии профессиональной мобильности и в страхе перед использованием новых технологий обучения. Становится очевидно, что уделяется недостаточно внимания развитию у преподавателей навыков самостоятельной работы с корпусами и оценки корпусных данных.

В связи с этим появляется необходимость повышения осознанности преподавателей в сфере компьютерных технологий, в том числе в использовании лингвистических корпусов для обучения иностранным языкам. Этого можно достичь путем освещения новых компьютерных технологий и создания нейтральной площадки между традиционной дидактикой и инновационными методами. Данная статья хоть и является базовой работой в этой области и освящает только основные тезисы корпусного подхода, но выполняет свою цель.

Лингвистические корпуса в обучении иностранным языкам в основном находят свое применение при формировании у учащихся лексико-грамматических навыков, например, различия между грамматическими временами в английском языке или детальное изучение полисемии отдельного слова. Учитывая высокие возможности текущих корпусов, вариативность заданий в основном зависит от целей и креативности преподавателя. Ниже приведены несколько примеров возможных заданий и способов использования лингвистического корпуса на примере корпуса современного американского английского языка [7].

Современный корпус американского английского языка [7] является одним из самых передовых корпусов на данный момент и идеально подходит для людей, изучающих английский как иностранный язык. Интерфейс корпусов, хоть временами и кажется устаревшим,

очень прост в освоении и интуитивно понятен (рисунки 1). При помощи встроенных возможностей в корпусе можно осуществлять поиск по отдельным лексемам, изучать контекст и анализировать полисемию слова (рисунки 2); сравнивать управление глаголов (рисунки 3); анализировать контексты фразовых глаголов (рисунки 4); изучать высокочастотные сочетания слов при помощи поисковой системы корпуса (рисунки 5). Кроме встроенных возможностей корпуса в режиме онлайн преподаватели могут лично выгружать данные из корпуса и созда-

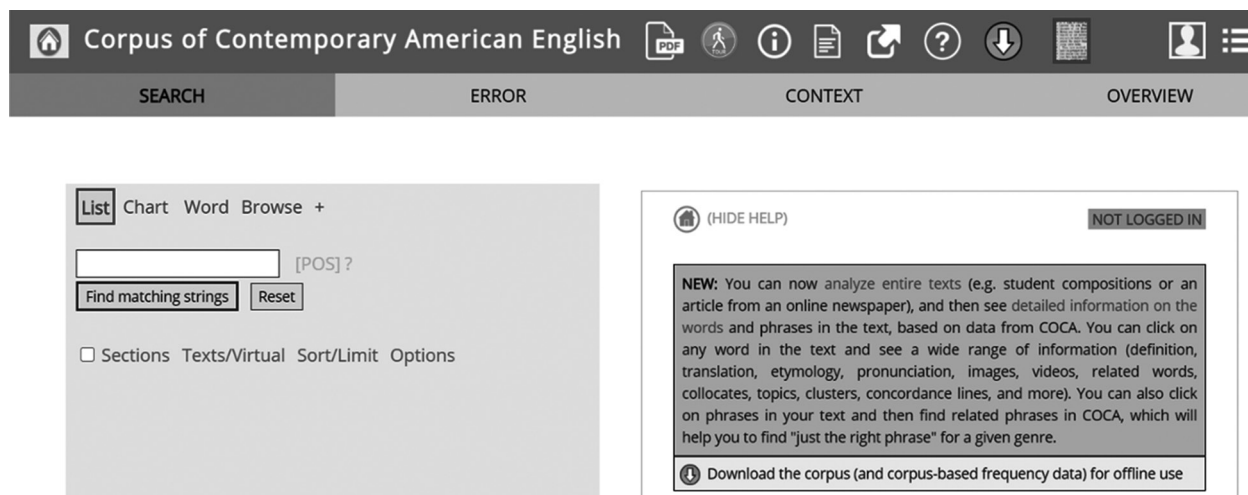

Рисунок 1. Интерфейс современного корпуса американского английского и поисковая строка

FIND SAMPLE: 100 200 500 1000
PAGE: << < 1 / 212 > >>

CLICK FOR MORE CONTEXT		☐	☐	SAVE LIST	CHOOSE LIST	CREATE NEW LIST	SHOW DUPLICATES
1	2012 BLOG ...arriott.blogspot.com	A	B	C	3184953	The Chicago teachers' strike matters for more than education # The current strike of Chicago's public school teachers	
2	2012 BLOG kdpedpolicy.org	A	B	C	3184953	The Chicago teachers' strike matters for more than education # The current strike of Chicago's public school teachers is not just a dispute over be	
3	2012 BLOG kdpedpolicy.org	A	B	C		the basic social and material needs of Chicago's students the CTU prepared for a strike . Again the CTU took a lesson from the past. They prepared for a	
4	2012 BLOG kdpedpolicy.org	A	B	C		. Again the CTU took a lesson from the past. They prepared for a strike not to use as a threat during bargaining, but a strike to win.	
5	2012 BLOG kdpedpolicy.org	A	B	C		prepared for a strike not to use as a threat during bargaining, but a strike to win. # The CTU strike has transformed the debate on education reform.	
6	2012 BLOG kdpedpolicy.org	A	B	C		as a threat during bargaining, but a strike to win. # The CTU strike has transformed the debate on education reform. It has also shown the labor movemer	
7	2012 BLOG kdpedpolicy.org	A	B	C		the HOD vote, Emanuel is seeking an injunction against the CTU to end the strike , stating the strike is a " clear and present danger to public health and	
8	2012 BLOG kdpedpolicy.org	A	B	C		Emanuel is seeking an injunction against the CTU to end the strike, stating the strike is a " clear and present danger to public health and safety. " Coming	
9	2012 BLOG kdpedpolicy.org	A	B	C		of the Chicago Teachers Solidarity Campaign. 2 Responses to The Chicago teachers' strike matters for more than education # hy doesn't the general public	
10	2012 BLOG kdpedpolicy.org	A	B	C		it we only see that striking teachers are punishing their students by being out on strike ? The tax-payers are only hearing about how the blatant disregard c	

Рисунок 2. Полисемия существительного 'strike' в контексте

ON CLICK: CONTEXT TRANSLATE (??) GOOGLE IMAGE PRON/VIDEO BOOK (HELP) WORD PROFILES: TALK

HELP	☐	CONTEXT	ALL FORMS (SAMPLE): 100 200 500	FREQ	TOTAL 254,781 UNIQUE 81 +
1	☐	TALK ABOUT		117569	
2	☐	TALK TO		99780	
3	☐	TALK OF		13657	
4	☐	TALK WITH		10996	
5	☐	TALK IN		2671	
6	☐	TALK LIKE		2022	
7	☐	TALK ON		1888	
8	☐	TALK FOR		1573	
9	☐	TALK AT		1043	
10	☐	TALK FROM		498	

Рисунок 3. Управление глагола 'talk' с указанием частотности конструкций

ON CLICK: [CONTEXT](#) [TRANSLATE \(??\)](#) [GOOGLE](#) [IMAGE](#) [PRON/VIDEO](#) [BOOK](#) (HELP)

HELP	☐	USE LARGE NGRAMS [?]	FREQ	TOTAL 5,500,896 UNIQUE 8,905 +
1	☐	COME ON	203824	
2	☐	GOING ON	96787	
3	☐	COME BACK	64597	
4	☐	GO BACK	63124	
5	☐	FIND OUT	62545	
6	☐	SET UP	45293	
7	☐	GET BACK	41795	
8	☐	COME UP	40086	
9	☐	FIGURE OUT	39149	
10	☐	GO OUT	37809	

Рисунок 4. Фразовые глаголы с указанием частотности

ON CLICK: [CONTEXT](#) [TRANSLATE \(??\)](#) [GOOGLE](#) [IMAGE](#) [PRON/VIDEO](#) [BOOK](#) (HELP) WORD PROFILES:

HELP	☐	CONTEXT	ALL FORMS (SAMPLE): 100 200 500	FREQ	TOTAL 51,624 UNIQUE 19,303 +
1	☐		FROM SIDE TO SIDE	1663	
2	☐		FROM START TO FINISH	1105	
3	☐		FROM TOP TO BOTTOM	1004	
4	☐		FROM LEFT TO RIGHT	969	
5	☐		FROM PLACE TO PLACE	938	
6	☐		FROM BEGINNING TO END	787	
7	☐		FROM YEAR TO YEAR	780	
8	☐		FROM HEAD TO TOE	704	
9	☐		FROM STATE TO STATE	613	
10	☐		FROM PERSON TO PERSON	600	

Рисунок 5. Частотность конструкции ‘from NOUN to NOUN’ с различными существительными

List Chart Word Browse +

from NOUN to NOUN [POS] ?

[Find matching strings](#) [Reset](#)

Sections Texts/Virtual Sort/Limit Options

1

- IGNORE
-
- TV/MOVIES
- BLOG
- WEB-GENL
- SPOKEN
- FICTION
- MAGAZINE
- NEWSPAPER
- ACADEMIC

2

- ACADEMIC
-
- 1990-1994
- 1995-1999
- 2000-2004
- 2005-2009
- 2010-2014
- 2015-2019
-
- SPOK:ABC

Рисунок 6. Поиск конструкции с сортировкой по жанру и дате написания текста

вать различные упражнения на базе актуальных текстов, которые также можно сортировать по регистру и жанру (рисунок 6).

Помимо тривиальных задач преподаватели и студенты также могут использовать лингвистические корпуса для выполнения различных исследований в сфере языка, что в свою очередь повышает их компетенцию не только в использовании выбранного языка, но и в надпредметных навыках, таких как анализ и систематизация информации. Лингвистические корпуса могут быть использованы для более сложных исследований с применением встроенных возможностей корпусов для сбора информации и стороннего программного обеспечения для анализа информации с последующей статистической обработкой [1]. Знания, полученные подобным способом, запоминаются хорошо и надолго, однако у данного метода есть и свои недостатки.

Метод, который в основном используется при корпусном подходе, называется методом проблемного обучения. Данный метод ставит в центр обучения студента, а преподаватель является скорее помощником, который помогает преодолевать возникающие трудности на пути к решению проблемы. При корпусном подходе метод проблемного обучения является основным, так как за исключением некоторых ситуаций студент лично заходит на лингвистические корпуса, а также собирает и анализирует информацию для выполнения поставленного задания. В данном случае преподаватель обычно только ставит задачу, объясняет азы и помогает в случае непреодолимых без посторонней помощи трудностей.

Однако несмотря на высокую активность и вовлеченность студентов при данном подходе, у этого метода есть и ряд недостатков. Одним из недостатков является непосредственная сложность корпусного подхода – студентам и преподавателям требуется время и предварительный инструктаж перед тем, как приступить к работе с лингвистическими корпусами. В некоторые учебные планы может быть проблематично ввести подобный блок обучения. Также при проблемном обучении студент затрачивает больше времени, чем при пассивном получении информации непосредственно от преподавателя путем репродуктивного подхода.

Таким образом, в данной работе было описано следующее:

- определен термин «лингвистический корпус»;
- обоснована актуальность темы;
- описаны основные возможности корпусов и способы их использования для обучения иностранным языкам;
- описаны плюсы и минусы корпусного подхода в дидактике.

Библиографический список

1. *Арсентьев Д.Ю.* Корпусное исследование выбора формы числа в латинских заимствованиях в современном английском языке // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2019. № 3.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.10.2020).
3. *Солнышкина М.И., Гатиятуллина Г.М.* История развития корпусной лингвистики (на примере англоязычных корпусов) // Вестник Томского государственного университета. Филология 2020. № 63.
4. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс: Пособие для студентов педагогических вузов и учителей. М., 2005.
5. *Сысоев П.В.* Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. 2010. № 1.
6. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 29.10.2020).
7. The Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 29.10.2020).

Д.Ю. Арсентьев

Аспирант

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: arsentyevdenis@gmail.com

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Редакционная коллегия научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» принимает к рассмотрению статьи по актуальным вопросам архитектуры и строительства, языкознания, педагогики и психологии.

Научные статьи, поступающие в редакцию журнала, должны содержать следующие элементы:

- постановку проблемы, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами;
- анализ последних исследований и публикаций (в том числе зарубежных) по исследуемой теме;
- формулирование целей статьи, постановку задач;
- изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Необходимым элементом статьи является библиографический список. Рекомендуется использовать ссылки на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.), на использованную научную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи. Автор гарантирует, что он обладает исключительными правами на представленное произведение (статью).

Количество авторов в статье не должно превышать трех человек.

Редакция журнала оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации.

Присланные в редакцию статьи, удовлетворяющие правилам оформления, проходят проверку на степень самостоятельности (используется Интернет-сервис «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются ответственным редакторам журнала в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник МИТУ–МАСИ»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Требования к структуре рукописи

<i>Элементы структуры рукописи</i>	<i>Примечание</i>
УДК	Для присвоения УДК (Универсальная десятичная классификация) используются on-line ресурсы, http://teacode.com/online/udc/
Название статьи	На русском и английском языках
Инициалы и фамилия автора (авторов)	На русском и английском языках
Аннотация	На русском и английском языках. Должна содержать краткую информацию о статье и обязательно иметь четкую структуру: цели, методы исследования, актуальность, основные результаты. Объем – 100–250 слов
Ключевые слова	На русском и английском языках. 4–7 наиболее часто встречающихся в статье слов, отражающих ее содержание
Текст статьи	10–15 страниц, оформленных в соответствии с приведенными ниже правилами
Библиографический список	В соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008
Подробные сведения об авторе (авторах)	Все сведения указываются полностью, без сокращений: – фамилия, имя, отчество – ученая степень, ученое звание (если они есть) – должность и место работы – адрес электронной почты
Прочее	Не более одного абзаца: благодарственные слова; отметки о грантах, в рамках которых выполняется исследование и т.д.

Правила оформления текста научной статьи

Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (<i>пример: Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc</i>)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см.

Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов. Рекомендуется использовать только стандартные размеры кегля в меню «Размер» при наборе формул и уравнений
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Рисунок 1. Динамика индекса потребительских цен), которое помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Таблица 1. Матрица БКГ), которое располагается перед таблицей и делится на две строки: в первой строке пишется курсивом слово «Таблица» с указанием ее номера (выравнивание – по правому краю), во второй строке – название таблицы жирным шрифтом (выравнивание по центру). Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти
Ссылки на источники и литературу	Ссылки в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка – [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]

Библиографический список	<p>Библиографические описания изданий – как русских, так и иностранных – приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008.</p> <p>Библиографическое описание дается на том языке, на котором издание вышло в свет.</p> <p>Если среди источников есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка перед прочими изданиями.</p> <p>Издания на иностранных языках указываются в конце списка.</p> <p>В библиографическом списке недопустимы учебники, учебные и учебно-методические пособия.</p> <p>Доля самоцитирования – не более 5 %.</p>
Объем статьи	10–15 страниц

Внимание! При несоблюдении требований к правилам оформления научных статей редакция имеет право отклонить присланный материал.

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» доводит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство Роспечать».

Статьи направлять по адресу:

117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 11.1, ответственному редактору научных изданий МФЮА Д.А. Семеновой.

Тел. 499-979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Для заметок

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

№ 3 / 2020

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Редактор английского текста

Р.А. Звонов

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.09.2020. Формат 60x90^{1/8}.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 5,75.
Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212
Телефон: +7 (495) 510-32-98